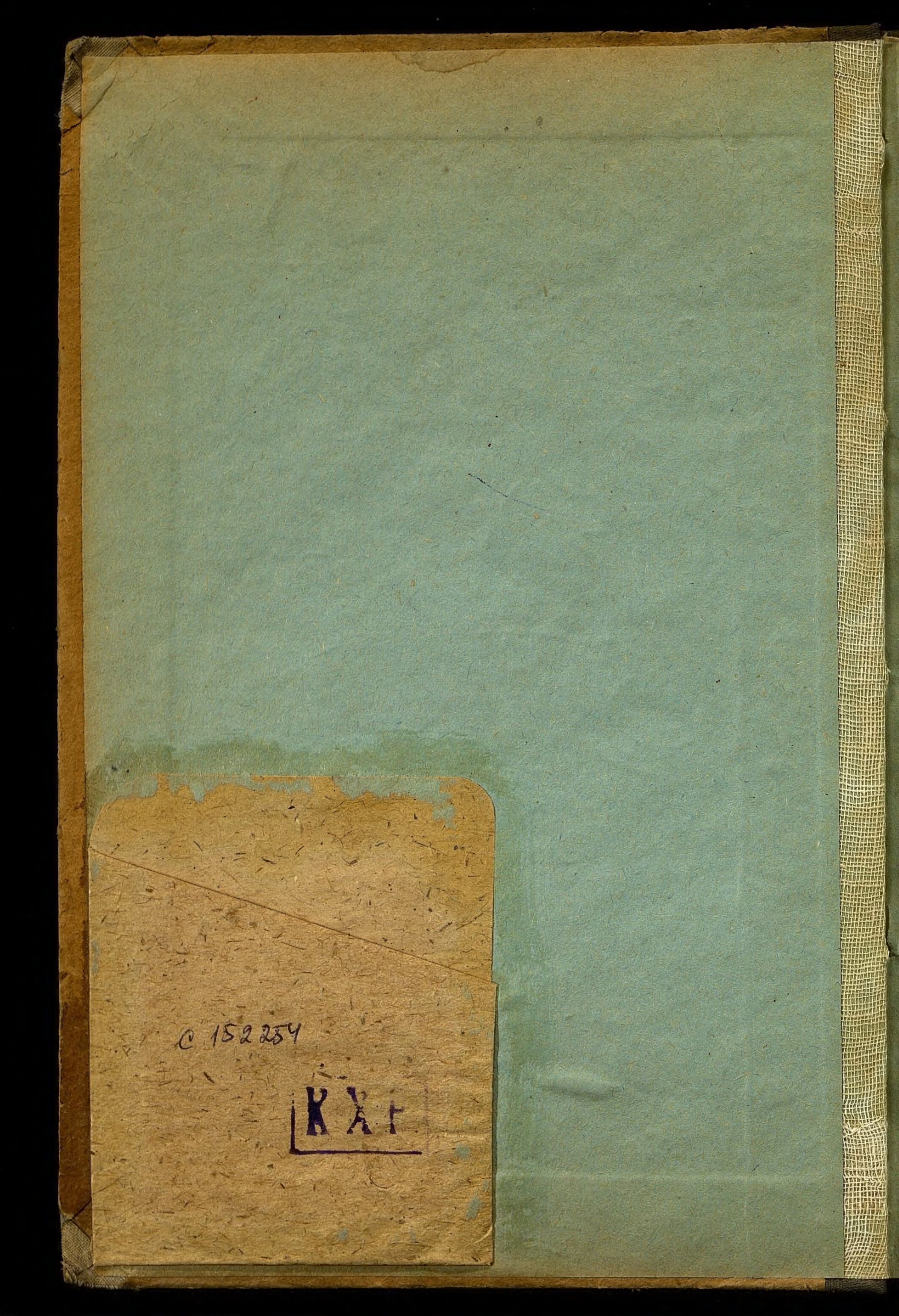
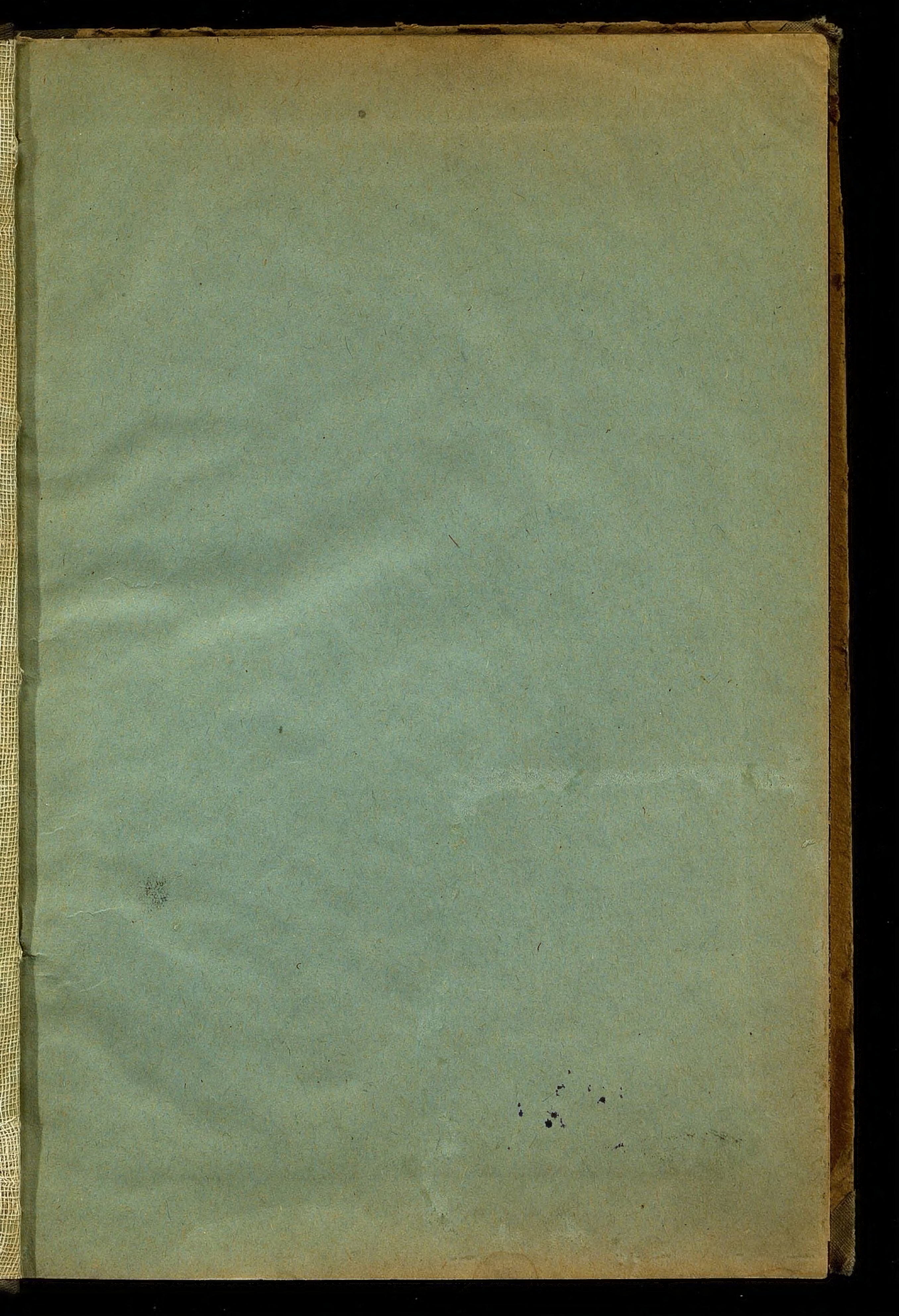
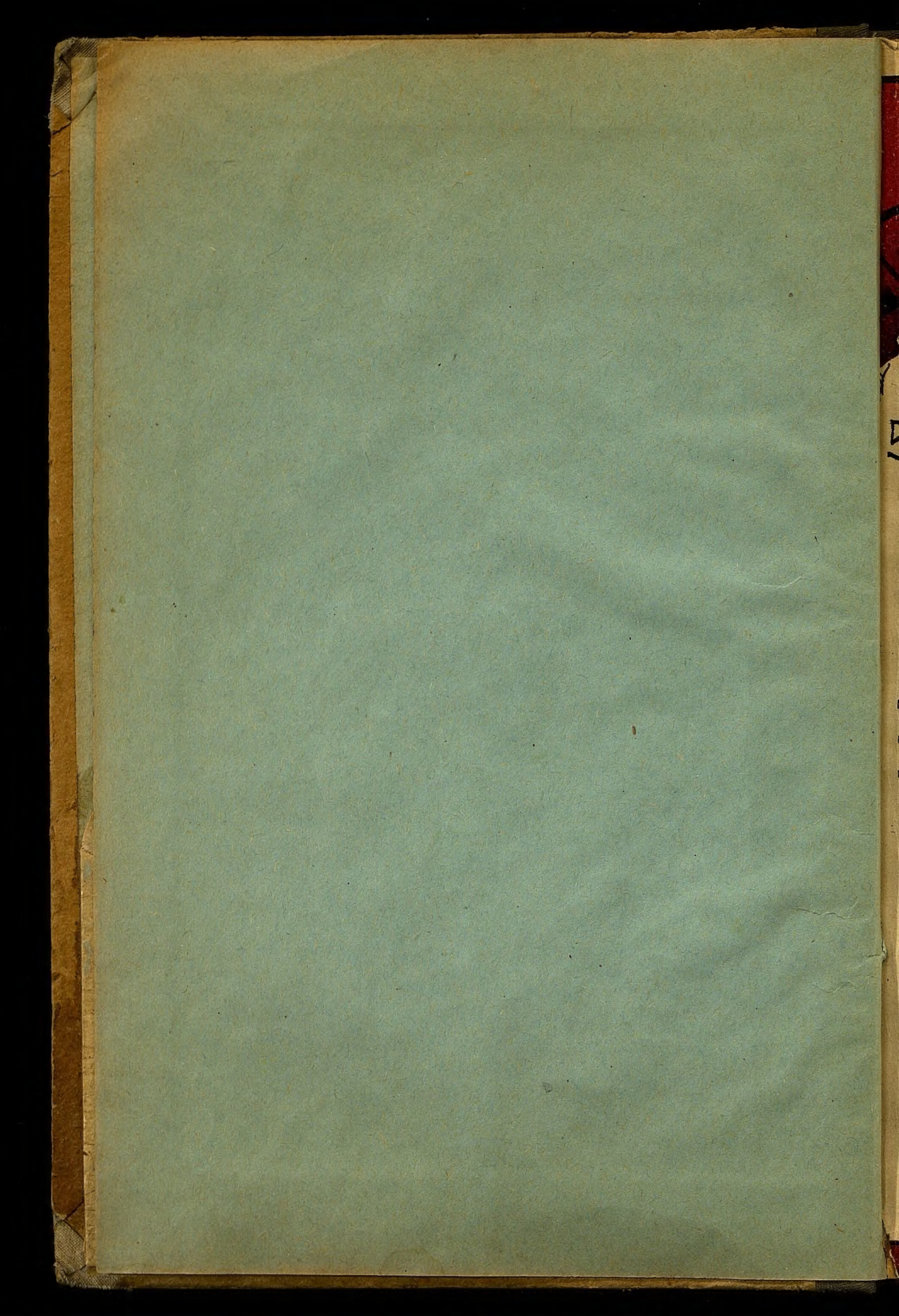

Пролетарии всех стран соединяйтесь.

Комиссия Тамбовского Губисполкома по организации празднования революции 1905 года и Истпартотдел Губкома В.К.П (б.)

1905 г.

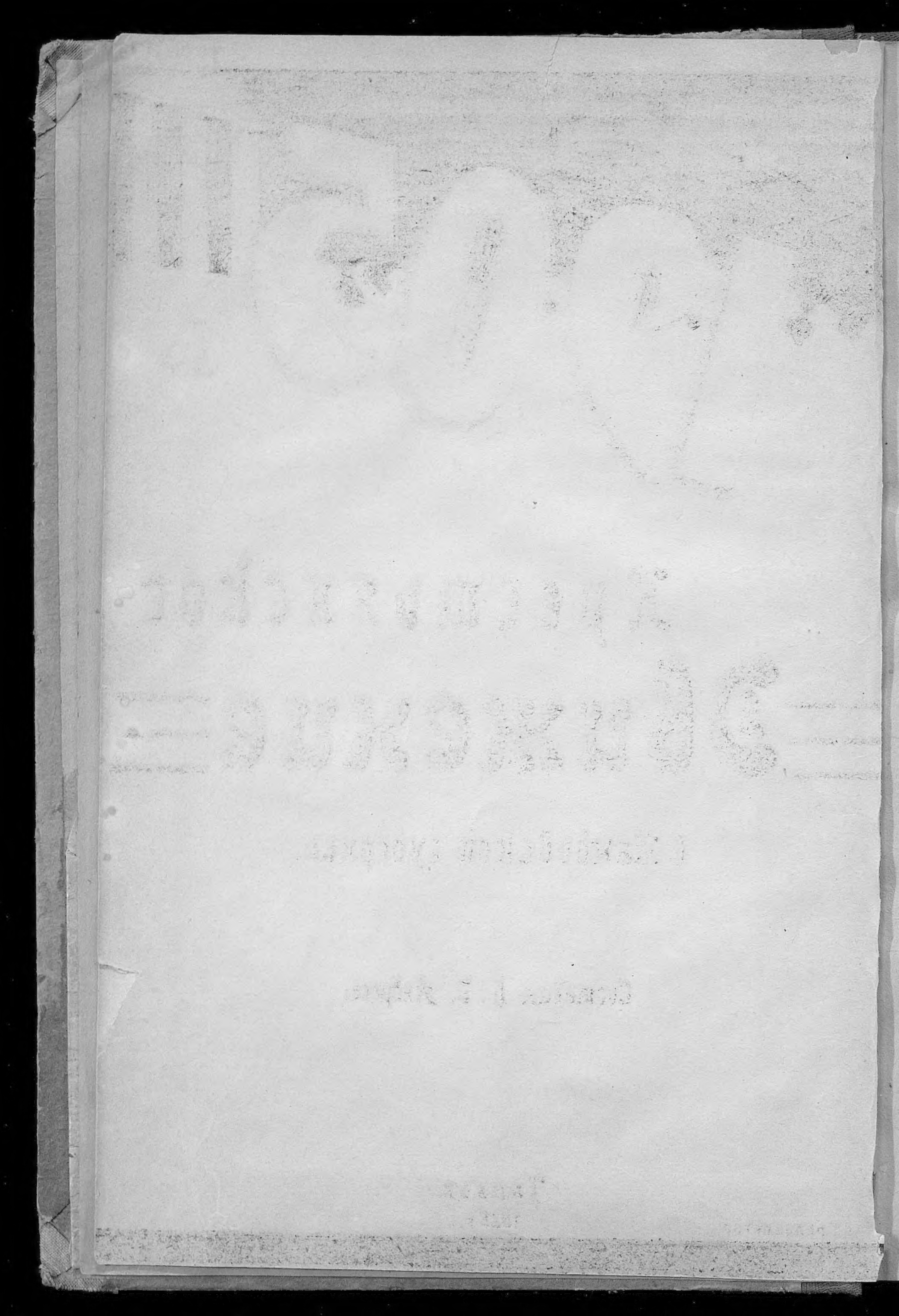
Крестьянское Движение

в Тамбовской губернии.

Составил В. Э. Андреев.

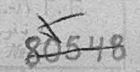
Тамбов.
1925 г.

Вс. Белоцветов.

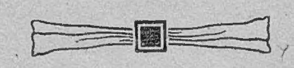
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Комиссия Тамбовского Губисполкома по организации празднования революции 1905 года и Истпартотдел Губкома В. К. П. (б.).

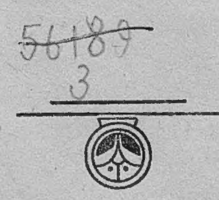

1905 г.

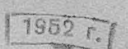
КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ в Тамбовской губ.

Составил В. Д. Андреев.

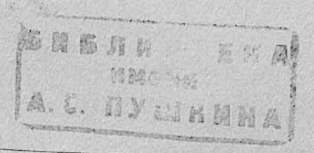

ТАМБОВ.
1925

Гублит. № 3296. Тираж 1000 экземп.

Тамбов, тип. „Пролетарский Светоч".

ОТ АВТОРА.

Ограниченность времени, которым располагал автор, не дала ему возможности использовать весь имевшийся под руками материал и осветить его исчерпывающими выводами.

По первоначальному плану предполагалось дать брошюру, охватив обзор крестьянских движений в Тамбовской губернии начиная с 17 века, то есть, предполагалось дать: разинское и пугачевское движение крестьян в пределах Тамбовской губернии, движения крестьян во время крепостного права и во время проведения реформы 1861 года и закончить обзор движением крестьян Тамбовской губернии в 1905 году. Причем предполагалось уложиться со всем этим материалом на 4-5 печатных листах.

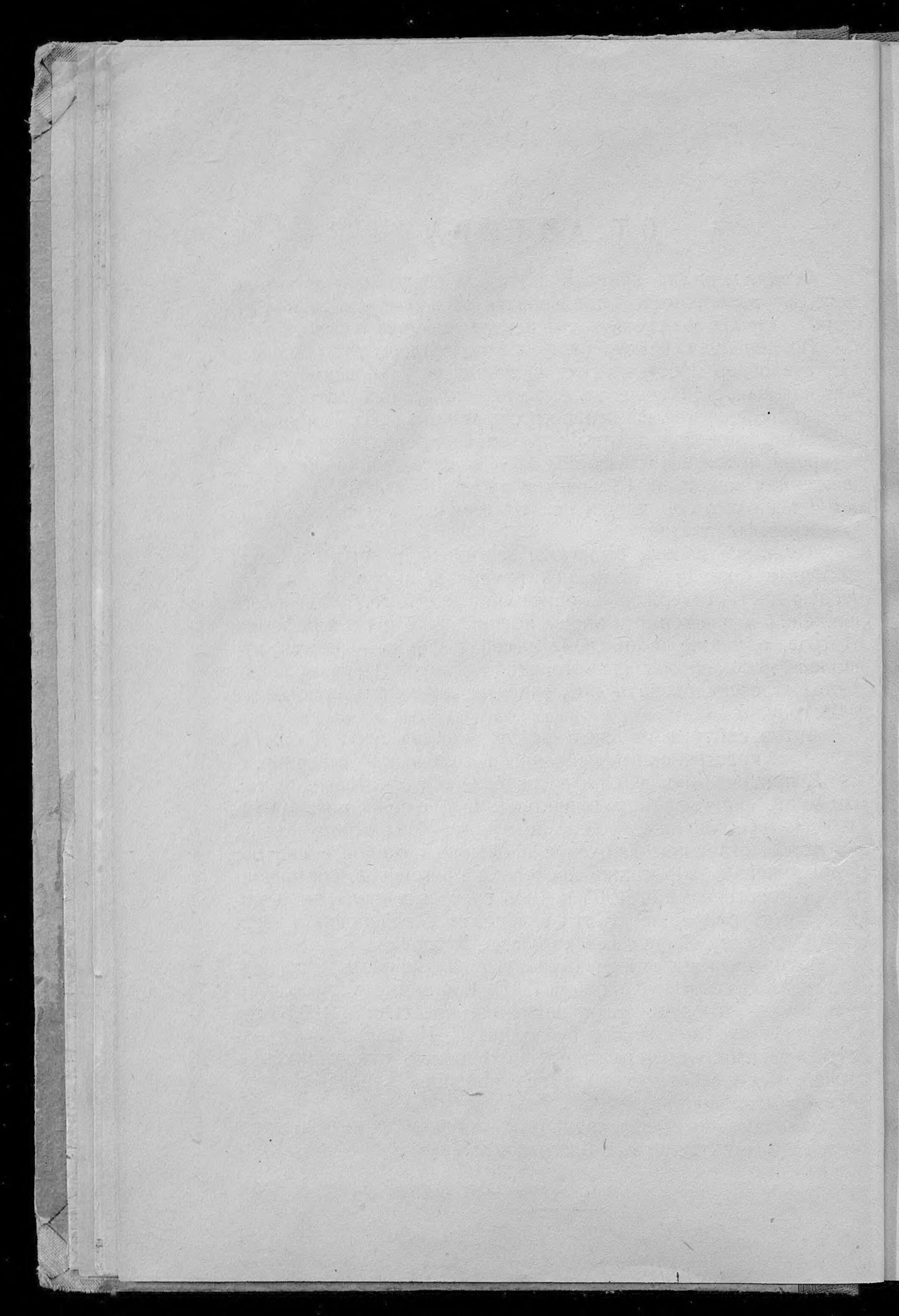
Когда вся работа была уже закончена и готова к печати,—план брошюры пришлось изменить, выбросив из него первую часть, содержащую описание разинского, пугачевского движения и движений в эпоху крепостного права и реформы 61 года, а также и описание самой реформы Сделать это явилось необходимым для того, чтобы сократить размер брошюры и сосредоточить внимание на движении крестьян в 1905 году.

Автор смотрит на свою работу, как на первый опыт в описании крестьянского движення в Тамбовской губернии.

В приложениях дан перечень селений, в которых, в той или иной, форме происходили крестьянские волнения в 1905 г. по всей губернии и в 1906 г. по одному Козловскому уезду, в котором стачечное движение проявилось наиболее сильно. В приложении дано также несколько приговоров, составлявшихся крестьянами в 1905 и 1906 году, и документы, относящиеся к усмирению крестьян деревни Серединовки и зверскому убийству Борисоглебского с.-д. Дубровина.

Автор считает долгом выразить благодарность Заведующему Тамбовским Губархивом П. П. Крошицкому за подбор материалов, относящихся к движению крестьян в 1905 году и сотруднику Тамбовского Губархива С. И. Соколову за советы и указания литературных источников, относящихся к первой части работы, хотя и не вошедшей в предлагаемую читателям брошюру.

Замечания о всех допущенных ошибках и неточностях автором будут приняты с благодарностью.

Как „освободили“ Тамбовских крестьян.

Основные причины, толкнувшие крестьян к восстанию в 1905 году, были заложены реформой 1861, известной под именем „освобождения“ крестьян.

Фридрих Энгельс, делая оценку этой реформы, говорит, что „большинство как крестьян, так и дворян оказались обреченными на верную гибель; таким образом, условия, в которые теперь поставлен русский крестьянин, насильно приводят его в движение“. Это было написано им еще в восьмидесятых годах прошлого столетия.

Товарищ Ленин говорит, что „это было освобождение крестьян **от земли**, потому что от тех наделов, которыми в течение веков владели крестьяне, были сделаны громадные отрезки, а сотни тысяч крестьян были совсем обезземелены, посажены на четвертной или нищенский надел.... мало того, их заставили еще платить „выкуп“ за оставленную им и всегда бывшую в их владении землю, и при том выкупная цена земли была назначена гораздо выше действительной ее цены.

Тамбовская губерния не представляла в этом отношении никакого исключения.

До освобождения крестьян дворянских земель в Тамбовской губернии было всего 2378869 десятин, что давало на каждую мужскую душу находившихся у помещика крестьян в среднем по губернии по 6 десятин. Земли эти по разным уездам распределялись неравномерно. В Тамбовском уезде приходилось земли на каждую душу по 8 десят. В уездах: Борисоглебском, Усманском, Моршанском и Темниковском по 7 дес. на душу. В уездах: Козловском, Кирсановском, Спасском и Шацком по 6 дес. А в 3-х уездах количество земли приходилось на 1 душу ниже средней нормы, меньше 6 десятин. В Липецком уезде приходилось всего 5 дес., а в Лебедянском и Елатомском и того меньше—по 4 десятины.

А когда освободили крестьян, то они получили: временно-обязаные, т. е. обязавшиеся работать на помещика, всего 328096 душ мужского пола, получили в надел земли 872536 десят. или на душу по 2,68 десятин.

Другая категория крепостных крестьян, которые согласились сразу после освобождения начать платить выкуп за полученную в надел землю всего 101095 душ мужск. пола, получили 284801 десят. или по 2,81 дес. на душу.

Была еще и третья категория крестьян, так называемых дарственных крестьян, которые получили всего только одну четвертую часть надела, но за то задаром, без выкупа. Таких крестьян было

в Тамбовской губернии немного, всего только 13787 душ муж. пола. Они получили в надел только 11761 дес. или на каждую душу по 0,85 десятин.

Наконец четвертая категория крепостных—дворовые крестьяне не получили совсем никакого надела; их насчитывалось пред реформой в Тамбовской губернии более 39 тыс. душ.

Государственных крестьян в Тамбовской губернии по десятой ревизской переписи, происходившей в 1858 году было всего 425827 душ, в надел они получили в среднем по 4,5 дес. на душу, из которых было почти по полдесятины леса.

Так что положение государственных крестьян в Тамбовской губернии в момент освобождения крестьян было значительно лучше, чем помещичьих.

В Тамбовской губернии средняя цена, выведенная из фактических продаж в 1856 г., была следующая: одна десятина незаселенной земли расценивалась в 23 р. 44 к. Заселенная земля расценивалась в 25 р. 78 к.

Тамбовским же помещикам за 797900 десятин с 298700 душами крестьян было уплачено 30200000 руб. В то время как одна земле расценивалась по Тамбовской губернии в 18700000 р. Значит остальные 11½ мил. руб. по выкупной операции Тамбовские крепостныя крестьяне должны были выплатить за свою свободу*).

Уплаченную помещикам сумму денег за „освобождение" крестьяне должны были уплачивать в течении 49 лет со сложными процентами, отчего вся сумма платежей возрастала почти вдвое.

В редких случаях „освобождение" происходило без недоразумений.

„Все крестьянские бунты выражались в Тамбовской губернии обыкновенно так. Крестьяне упорствуют в известных мнениях и не слушают земской полиции. После этого в села и деревни приходят военные команды, крестьян окружают и секут. Результатом этого сечения всегда было полное раскаяние и повиновение со стороны крестьян, которые делались **„тише воды, ниже травы"** (подчеркнуто Дубасовым**).

С особенной силой крестьянские беспорядки обнаружились в следующих имениях Тамбовской губернии: в Козловских имениях: Черкасова, Рахманова, Григорьевой и Верещагиной В Тамбовском уезде у Рогазы и Урнижевского. В Шацком уезде у Арнальди, Мосолова и Енгалычева. В Елатомском уезде у Чубарова, Москатиньева, Холопова и Никифорова. В Лебедянском уезде у помещика Арсеньева. В Усманском у Баранова. В Темниковском у Веденяпина и Муханова. В Кирсановском уезде у Лескеп и Андреевского. В Моршанском уезде у Безобразова.

---

*) Лосицкий—„Выкупная операция" изд. 1906 г. стр. 39.

**) Дубасов. Очерки, вып. 1 стр. 75—83.

После реформы.

В 1889 году Тамбовское губернское земство издало книжку о „Движении земельной собственности Тамбовской губернии“ за время с 1866 года по 1886 год, т. е. за 20 лет. Оказывается, что за это время у помещиков, благодаря продажам, количество земли уменьшилось на 306.340 десятин. Зато увеличилось количество земли, благодаря покупкам, у купцов на 194.791 дес., у крестьян—на 82.476 десятин, у духовенства—на 3441 десятину и у мещан—на 6263 десятины.

В 1866 году дворяне имели в Тамбовской губернии 87% всей земли, а в 1886 году они имели только 73% всей земли (стр. 24 и 93 названной книги).

Если мы присмотримся к размерам проданных помещиками участков, то оказывается, что они в среднем равняются 145 десятинам. Продавались, следовательно, преимущественно мелкие и средние участки, а не крупные. Продаж крупных участков в Тамбовской губернии за это время не было. Это явление говорит о том, что реформа 61 года ударила мелких и средних помещиков. К новым условиям ведения хозяйства наемным трудом эти помещики приспособиться не сумели и потому принуждены были продать свои имения.

Распродажа помещиками земель после реформы 61-го года наблюдалась не только по Тамбовской губернии. Можно даже сказать, что продажа шла в Тамбовской губернии не столь усиленно как в других губерниях, например, Саратовской и Самарской, где кроме общих условий имело влияние еще падение мировых цен на пшеницу, поставщиками которой на заграничный рынок были как раз эти губернии.

Распродажа помещичьих земель после 61-го года было явлением настолько распространенным, что оно нашло свое отражение в одном из лучших произведений А. П. Чехова „Вишневый сад“, где Чехов изображает дворянскую семью, не умеющую вести своего хозяйства и вынужденную, благодаря этому, продать свое имение купцу, вышедшему из крепостных крестьян тех же помещиков

При „освобождении“ крестьян от крепостной зависимости помещики должны были получить выкупные платежи, которые им выплатило правительство, позаимствовав средства из государственной казны. Вся сумма выкупных платежей была, затем, разложена на крестьян с рассрочкой выплаты с этой суммы по сложным процентам на 49 лет. Но, во-первых, ко времени реформы 70% крепостных крестьян с землей в Тамб. губ. были заложены, примерно, одной третью всех помещиков за 17 миллионов с лишним рублей, так что этим помещикам выкупные платежи не попали в руки, а пошли на погашение их долгов в банки; во-вторых, часть помещиков получаемые ими выкупные платежи тратила не на хозяйственные надобности, а, по-просту говоря - проматывали, в третьих, немалая часть помещиков не умели вести хозяйство. При крепостном строе этим „скучным“ делом занимались за помещиков их же крепостные, так называемые бурмистры и приказчики, содержать которых мелкопоместные были не в состоянии.

Малые крестьянские наделы, окруженные отрезанными помещиками после реформы 61 году у крестьян необходимыми им в хозяйственном отношении угодьями--сенокосами, лугами, лесами, выгонами и прогонами, вызывали у крестьян постоянную земельную нехватку и большие неудобства в пользовании даже той землей, которая у них находилась Немудренно поэтому, что крестьянство стремилось приобрести эти земли какою-бы то ни было ценой и цены на землю при таких условиях начали быстро расти.

Цена на землю в момент реформы 1861 года по Тамбовской губернии равнялась 23—25 рублям за десятину. В 60-е годы она равнялась уже 50-ти рублям, в 70-е годы—100 рублям, в 1883 году—134 рублям и в 1889 году она несколько понизилась—107 рублей *).

В книге „ Движение земельной собственности по Тамбовской губернии" есть указание, что крестьяне не обладают средствами для покупки земель и потому покупают только мелкие участки. Часть земли, и даже большая часть, продавалась помещиками купцам (194.791 дес., из 306.340 десятин); а эти последние распродавали купленную землю по частям крестьянам, делая это с известной надбавкой на стоимость земли.

С 1882 года для того, чтобы облегчить помещикам продажу земли крестьянам, не имевшим в достаточном количестве денег, был организован „Крестьянский поземельный банк", который выплачивал помещикам деньги за проданную крестьянам землю сразу, а крестьяне обязывались выплачивать деньги в рассрочку с процентами. С этого времени цены на землю начали подниматься еще выше и крестьяне, воспользовавшиеся услугами названного банка, не редко совершенно запутывались в платежах. За недоимки крестьянскому банку продавались крестьянские пожитки и разоренные крестьяне, согнанные с купленной земли, истратив часть денег, снова возвращались на свои скудные наделы и жили в еще более худших условиях, чем до своих неудачных операций с землей через посредство банка. В общем с выгодой для себя услугами банка пользовалось лишь наиболее зажиточное кулацкое крестьянство.

Такова была история с покупкой помещичьих земель крестьянами. И в этом деле помещики при поддержке правительства ставили крестьянство в тяжелые условия.

К описанию других форм огромного спроса со стороны крестьян на помещичью землю мы еще вернемся в дальнейшем. Теперь посмотрим, каким тяжелым гнетом на крестьянском хозяйстве лежали пореформенные налоги.

Сведения об этом мы берем из доклада „высочайше утвержденной комиссии", так называемой Валуевской, для исследования положения сельского хозяйства после реформы. Эти сведения относятся к 1872 г.

Различные категории крестьян после реформы 61-го года, помимо земского и мирского сбора, выплачивали следующие государственные налоги:

*) Покровский, том IV, стр 234.

Бывшие государственные крестьяне платили в год в среднем по губернии по 1 руб. 74 коп. в год с десятины. Состоящие на выкупе бывшие помещичьи крестьяне платили в среднем по губернии 3 рубля 64 коп. с десятины. Бывшие помещичьи крестьяне, состоящие временно обязанными,—платили в среднем по губернии 4 руб. 86 коп. с десятины. Крестьяне бывшие помещичьи, получившие даровой четвертной надел (одну четвертую часть надела), платили с десятины в среднем от 4 руб. 26 коп. до 4 руб. 95 коп.

Платежи, таким образом, были очень неравномерны. Они имели ту поразительную особенность, что **были тем больше, чем меньше был душевой надел земли, и обратно, они были тем меньше, чем больше был душевой надел.**

Это зависело от характера действовавшей тогда налоговой системы, построенной на взимании выкупных платежей с первой десятины надела, на которую они ложились всей тяжестью.

Каждая из перечисленных категорий крестьян платила подушную подать независимо от того каким душевым земельным наделом она пользуется. Чем больше душевой надел, тем естественно на каждую десятину его падает меньше платежей. Бывшие государственные крестьяне уплачивали всех повинностей с души 8 руб. 19½ коп., а земли имели на душу в среднем по губернии 4,5 десятин, на каждую десятину приходилось, таким образом, по 1 руб. 74 коп. Бывшие помещичьи крестьяне, состоящие на выкупе, платили с души всех налогов 9 руб. 73 коп., а надела на душу имели в среднем по губернии 2,94 десятины, что на десятину составляет, как мы уже сказали выше, 3 руб. 64 коп. Бывшие помещичьи крестьяне, состоявшие временно обязанными, платили с души в среднем по губернии 10 р. 06 к., а надел имели в среднем на душу 2,07 десятины, что составляет на десятину 4 руб. 86 коп.

Эта последняя категория делится на получивших высший надел от 3-х десятин до 3,5 десятин и низший—от 1 до 1,6 десятины. Первые платили высокую подушную подать: от 11 рублей 71 коп. до 12 руб. 71 коп., но так как они имели больший надел, чем другая категория с низшим окладом, то с каждой надельной десятины они платят от 3 руб. 90 коп. до 4 руб. 24 коп., а имеющие низший надел, платя меньшую подушную подать от 7 рублей 71 коп. до 8 рублей 04 копеек, с десятины, платили от 6 рублей 64 копеек до 8 руб. 04 коп. Крестьяне бывшие помещичьи, состоящие на оброке (временно обязанные), имеющие низкий надел, в отношении налогового бремени являлись самыми угнетенными.

Крестьяне, получившие даром четвертую часть надела и платящие самое незначительное количество подушной подати, всего только 3 руб. 71 коп. с души, но зато имеющие и самый малый надел, который колеблется от 0,75—0,87 десятины, уплачивали с каждой десятины от 4 руб. 26 коп. до 4 руб. 95 коп.

В то же время земли частных владельцев были обложены всего 23 коп. с десятины. Эта в своем роде хитрая механика податной системы являлась для крестьянства одним из самых тяжелых последствий реформы 1861 года. В одной этой податной системе было заложено не мало пороху, который со временем неминуемо должен был привести к взрыву помещичьего землевладения и всего полицейского государства—к восстанию крестьян.

Эта система обложения сыграла большую роль в начавшемся с самого „освобождения" крестьян расслоении деревни: пролетаризации крестьян с низшим наделом, более обремененных налогами, и окулачиванию крестьян с большим наделом, менее обремененных налогами.

К чему вело малоземелье.

Теперь посмотрим, как складывалось хозяйство тамбовских крестьян в зависимости от их малых душевых наделов и к чему сводилась полученная ими „воля"

Сведения об этом мы находим в упомянутом уже выше докладе Валуевской комиссии для исследования состояния сельского хозяйства после реформы.

Землевладелец, он же городской голова города Липецка, пишет о своем уезде:

„На десятину крестьянского надела падает повинностей подушных, общественных, земских и установленного в 1872 году добавочного государственного сбора—от 1 рубля 70 коп. до 2 руб. 50 коп., что составляет с 3-х душевой семьи при 3-х десятинном наделе от 5 руб. 10 коп. до 7 руб. 50 коп.

На прокомление 3-х душ нужно крестьянину не менее 45 рублей в год. Итого на пищу и на уплату повинностей крестьянину приходится иметь от 50 руб. до 52 р. 50 копеек".

Нужно представить себе питание семьи, которая тратит всего только по 15 руб. на человека, когда продовольствие семьи обходится в несколько раз дороже. Но взгляд дворянства того времени был настолько бесцеремонен в определении необходимых норм питания и вообще жизни крестьянина, что автор сам не замечает, что при таком питании человек если и мог существовать, то только вырождаясь физически и духовно.

„Годовой доход с крестьянской земли можно считать в Липецком уезде до 10 рублей с десятины. Эта же крестьянская семья зарабатывала всего:

С 2-х полей (озимого и ярового)	20 руб.
От обработки 4-х десятин на стороне	36 „
Летних семейных заработков	42 „
Зимних семейных заработков (по 15 коп. на душу—130 дней)	58 „
Итого.	156 руб.

За вычетом означенного выше расхода на питание и выплату повинностей остается немного более 100 рублей на год на ремонт строения, орудий, семена, на одежду, обувь, на содержание скота и домашнее хозяйство.

В то же время на десятину частно-владельческой земли падает всех повинностей до 35 копеек.

Как ни просто и как бы ни было понятно это жизнеописание крестьянской семьи, состоящей из 3-х душ, мы все-таки должны подчеркнуть одно важное обстоятельство: из всего крестьянского дохода в 156—100 руб. самая большая часть получается от сторонних заработков.

Доход „от обработки 4-х десятин посева на стороне"—36 рублей.

Мы подчеркиваем это явление в качестве иллюстрации того, что при реформе была достигнута задача: дать помещику рабочие руки. Крестьянин получил такой надел, который не обеспечивал его существование без приработка.

Доход с собственного надела 20 рублей занимает последнее место в бюджете крестьянина. Надел крестьянина, можно сказать, имеет тот смысл, что он как бы привязывает „освобожденного" крестьянина к помещику, чтобы он брал у него во-первых в аренду землю, а во-вторых—дешево работал на помещика.

На этом примере зависимость крестьянина от помещика делается очень ясной и понятной.

Почти такую же картину положения крестьянства дает другой свидетель его быта—управляющий помещичьим имением с другого конца Тамбовской губернии—из Елатомского уезда. Он пишет:

„Крестьяне получили в надел по 3 десятины на душу; с души они платят повинностей:

оброку	8 р.	— к.
подушной подати	2 „	40 „
земского сбору	— „	— „
на волостное правление	— „	35 „
Итого	10 р.	75 к.

Следовательно на десятину падает 3 руб. 58 коп. На каждый душевой надел приходится, средним числом, по 3 души, из которых одна ревизская.

Семья расходует в год на содержание:

Муки 60 пудов по 65 коп.	32 р.	50 к.
Пшена $1^{1}/_{2}$ четверти	15 „	— „
Картофеля 7 четвертей	7 „	— „
Масла 10 фунтов	1 „	60 „
Соли $2^{1}/_{2}$ пуда	2 „	— „
Мяса	4 „	— „
Ремонт строения, сбруи и проч.	5 „	— „
На церковь	1 „	— „
Итого	68 р.	10 к.

Душевой надел дает дохода:

Ржи 3 четверти	15 р.	— к.
Пшена 7 мер	8 „	75 „
Картофеля 7 четвертей	7 „	— „
Овса 1 четверть	2 „	— „
Конопли 1 четверть	6 „	— „
Сена 4 воза	6 „	— „
Конопляного волокна	3 „	— „
Доход от скота	3 „	— „
Семени льняного 2 меры	2 „	— „
Волокна льняного	1 „	— „
Итого	53 р.	75 к.

Недочет против расхода покрывается посторонним заработком, наймом и обработкою земли у соседних землевладельцев".

Картина здесь получается та же самая по существу, как и в Липецком уезде. Вывод здесь сделан самим управляющим, а нами только подчеркнут. Надел только кормит семью, да и то не вполне прокармливает, дает недочет. Этот недочет в содержании и в уплате еще 10 рублей 75 копеек налогов надо покрывать из других источников.

Землевладелец из Тамбовского уезда следующим образом описывает положение дел в своем уезде:

„Доходность частновладельческой десятины считается от 5 до 7 рублей; повинности, на этой земле лежащие (земские, дворянские, 1/4 часть государственного земского сбора), не превышают 22 или 23 коп. с десятины. Доходность крестьянской земли та же, а повинности, лежащие на ней, от 4 до 6 рублей на десятину. Промыслов почти не существует; **главную выручку дает крестьянину обработка помещичьих полей**. Извоз на дальние расстояния уменшился с открытием железной дороги".

В том же докладе еще есть характеристика крестьянского хозяйства и крестьянской жизни из Лебедянского уезда Управляющий имением пишет оттуда:

„Продовольствие крестьянского семейства почти исключительно ограничивается ржаным хлебом, подспорье составляет картофель, возделываемый на огородах; скотоводство, по случаю часто повторяющихся падежей, очень скудно. Вообще можно положительно принять за вполне достоверный факт, **что крестьянский надел может доставить народонаселению Лебедянского уезда только необходимый для его продовольствия хлеб**, на прочие потребности его ему необходимо нанимать землю от соседних владельцев. Затем, если крестьяне, в урожайный год, нанявшие на стороне земли для производства своих добавочных посевов и обеспечили продовольствие как своего семейства, так и скотины своей, то у них все-таки останется мало зерна для продажи и для приобретения денег, необходимых для податей, они должны обращаться к посторонним заработкам. В Лебедянском уезде

источниками для добывания денег являются, во-первых извоз, производимый в свободное зимнее и осеннее время, а затем, главным образом, полевые работы у местных землевладельцев, помещиков и купцов".

Если бы вздумали усомниться в описании положения крестьянина Тамбовской губернии, заподозрив управляющих и землевладельцев в сгущении красок, в излишней исключительной критике реформы 1861 г., то нам легко было бы разубедиться в нашей подозрительности. На этот счет мы имеем еще показание самого тамбовского губернатора: как он, так и уездные земские управы, как бы скрепляют мнение предыдущих наблюдателей положения крестьянства. Они пишут:

„Земля, состоящая во владении и пользовании крестьян Тамбовской губернии, может доставить при всем плодородии черноземных уездов **только хлеб на продовольствие, но на оплату податей и другие жизненные потребности необходимы посторонние заработки.** Заработки большей частью крестьян получаются в арендовании земель. Исключение составляют северные уезды, в которых преобладает лесной промысел.

Недоимок за крестьянами в Тамбовской губернии в 1872 году числилось 100,119 рублей 58 коп., из них $^2/_3$ падало на крестьян северных уездов".

Этот поток выписок мы заканчиваем еще одной, рисующей нам положение хозяйства у помещиков. Управляющий одним из имений в Кирсановском уезде дает нам такую картину:

„В 10 имениях, принадлежащих одному землевладельцу, земли 15.000 десятин. От раздачи участков земли крестьянам выручается дохода до 60 тысяч рублей, от хлебопашества до 10 рублей.

Всех повинностей уплачивается в год 3.000 р., т. е. по 20 коп. с десятины.

Отношение повинностей к чистому доходу составляет 2%."

Помещичье хозяйство в этих имениях ведется, главным образом, сдачей в аренду земли. Только одна седьмая часть всего дохода падает на собственное хозяйство. Все хозяйство этого имения держится на недостатке у крестьян земли и нужде их в земле и в заработке.

Аренда помещичьих земель и остатки крепостного права.

Выше мы указали, как недостаток земли у крестьян повлиял на рост цен при продаже помещичьей земли. Теперь нам нужно остановиться на арендных ценах.

Переходя к описанию арендных отношений необходимо отметить, что в этих арендных отношениях вырисовываются более чем в чем либо другом остатки крепостных отношений крестьян к помещикам после реформы 1861 года. Именно эти остатки крепостного права

были узлом, который, не имея возможности развязать, тамбовское крестьянство вместе с остальным крестьянством России пыталось разрубить в 1905 году

Дальше мы увидим, что революционное движение крестьянства в Тамбовской губернии, прежде чем вылиться в форму разгромов помещичьих имений, прошло фазу борьбы с помещиками на почве арендных условий и вообще тех стеснений крестьянского хозяйства, которые носили полукрепостной, экономически вынужденный характер. А в некоторых случаях аграрное движение 1905 года не пошло дальше требований об изменении в выгодную для крестьян сторону арендных условий и условий найма для обработки помещичьих земель.

В 1858 году, до реформы 61-го года, арендные цены по Тамбовскому, Усманскому и Борисоглебскому уездам на трехполье в среднем равнялись от 2 руб 10 коп. до 3 руб. 3 коп. за десятину*).

Посмотрим теперь каковы арендные цены были в Тамбовской губ. по тем же уездам в 1872 году, через 11 лет после реформы. По данным доклада Валуевской комиссии по Усманскому уезду даются следующие арендные цены: под озимый хлеб—20 руб. за десятину, под яровой—15—18 рублей. По Борисоглебскому уезду: под озимь—12-15 рублей, под яровой – до 7 рублей, по Тамбовскому уезду: под озимь—8-15 и под яровой—6-13 рублей.

В сборнике статистических сведений по Тамбовской губернии, том 12, изд. 1886 г. по Тамбовскому уезду мы имеем (стр. 158), что из 44549 домохозяев арендуют землю 18.865 домохозяев, что равняется 42,3%. При этом у бывших помещичьих крестьян процент арендующих землю выше—55.2% (у государственных крестьян—32,1%).

Этот факт повторяется по остальным уездам губернии. По Борисоглебскому уезду процент арендующих землю бывших помещичьих крестьян еще выше, в остальных же уездах он колеблется от 14 проц. до 28 процентов.

На странице 159 того же сборника мы находим интересную таблицу о количестве аренды различными группами домохозяев по посеву. Оказывается, что процент с'емщиков земли самый большой—73% у домохозяев с самым низким душевым наделом, высевающих всего лишь 1 меру ржи, т. е. имеющих приблизительно одну восьмую десятину в озимом поле.

В Лысогорской волости (стр. 165 сборника) крестьяне деревни Малиновки рассказывают, что в 1868 году они всем обществом арендовали у бывшего своего помещика 480 десятин трехпольной пашни на 12 лет по 5 рублей за десятину в год. Через 9-ть лет случился пожар и неурожай, многие не в состоянии были заплатить аренды, отсрочки в уплате не было дано и владелец означенный участок сдал купцу, передал последнему и право взыскания с крестьян 1000 рублей неустойки. Эта сумма и была с крестьян взыскана, а

*) Воейков. Сборник материалов для описания Тамбовской губернии, стр. 104.

пашню они теперь нанимают подесятинно в том же участке из вторых рук за повышенные уже цены; цены эти таковы: за паровую десятину—16-20 руб., за яровую—по 14-16 рублей.

Крестьяне Беломестно-Двойневской волости снимают землю у ближайших частных землевладельцев по 15 20 руб. за паровую десятину и по 12-16 рублей за яровую и при найме отдается задаток в 2 3 рубля. А если отдавать все деньги при найме, то можно платить по 13 рублей за паровую и 10-11 за яровую десятину... Некоторые крестьяне, не имеющее денег даже для задатка, соглашаются отдать при уборке урожая по 24 рубля за паровую землю, иначе в отдаче им земли встречают отказ (стр. 166 сборника).

Крестьяне д. Алехино (Чичерино), Кирсановской волости, арендуют на 6 лет 300 десятин (260 десятин пашни, остальные буераки) по 8 рублей за десятину в 4-х полях. Кроме этой платы крестьяне обязуются: 2 раза вычистить сад, привезти 30 возов песку и дать 7 подвод в Тамбов, когда потребуется. Также землевладелец другим крестьянам сдает 110 десятин по той же цене с обязательством вполне обработать 5 сороковых десятин (7½ казенных) и дать 4 подводы в Тамбов.

Крестьяне Ивановской волости арендуют из бывших государственных крестьян 45% и из бывших помещичьих—68%. Бывшие помещичьи за каждую арендованную десятину обязываются отработать владельцу такую же десятину (3 вспашки), убрать урожай с вывозкою на гумно) и, сверх того, дать за каждую десятину 2 мужских или 4 женских дня при сенокосе, да вывезти два воза сена за 5-8 верст (стр. 172 сборника).

В Александровской волости из бывших помещичьих крестьян нанимают (арендуют) пашню 75% всех домохозяев. В одном имении земля отдается за отработки: за десятину-тридцатку (2400 кв. саж.) требуется отработать в 3 вспашки десятину сороковую (3200 кв. саж.), убрать и вывезти урожай и еще в дополнение вывезти 10 копен и привезти 3 воза песку. Кто берет землю на этих условиях, тому она иногда дается еще и за деньги по 12 рублей за десятину (стр. 176 сборника).

В южных уездах Тамбовской губернии арендные цены на землю выше, чем в северных (стр. 184 сборника).

Отмечая здесь аренду за отработки, форму видоизменившейся барщины, необходимо обратить внимание также и на то, что „**землевладельцы обыкновенно обеспечивают себе необходимый контингент (количество) сельских рабочих, путем раздачи им земли в наем**“ (стр. 185 сборника).

Подчеркиваем это важное обстоятельство, как остаток крепостных отношений в деревне после реформы 1861 года. Исключение из этого „обыкновения составляют только зажиточные хозяева и арендующие земли далеко от своих наделов“.

Чрезмерно обременяя себя работами у владельцев крестьяне обыкновенно очень плохо справляются со своим хозяйством, между тем отработки оплачиваются, конечно, ниже, чем найм на работы без аренды. Крестьянин-арендатор два раза теряет свое: в первый раз переплачивая на арендной плате, второй, не дополучая за свою работу. Оба раза—на своей нужде от малоземелья.

Бывает и так, что крестьянин-арендатор нуждается и в земле и в работе, за которую он старается получить плату вперед у помещика. В этом случае кабальные отношения выявляются еще ярче.

Арендная плата собирается помещиком обычно вместе со с'емкой урожая и это часто становит в необходимость нуждающегося крестьянина-арендатора к продаже только что убранного урожая, конечно по более низкой цене, так как в это время хлеб покупает только кулак или скупщик для перепродажи попозже и подороже.

„А бывает и так, что время расплаты с землевладельцами по с'емке земли, т. е. время уборки урожая бывает временем и новых контрактов крестьян на работы будущего года, так что крестьяне-с'емщикики никогда не выходят из долгов местному землевладельцу и, находясь постоянно в такой от него зависимости, вынуждены соглашаться на всякие цены работ" (стр. 186 сборн.).

По Липецкому уезду средние цены на десятинную аренду помещичьих земель были следующие: цены озимой десятины при аренде в долг –16 руб 27 коп., при аренде за наличные—13 руб. 16 копеек. Цены яровой десятины: при аренде в долг—14 руб. 48 коп., при аренде за наличные —11 руб. 94 коп. (статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии вып. 1. Липецкий уезд, стр. 69, издан. 1898 г.) Между тем чистая доходность одной десятины пашни 1-го разряда частновладельческих земель определяется в 8 руб. 87 коп. на десятину при плужной обработке и 5 руб. 98 коп. при обработке сохою. Для пашни 2 го разряда: при плужной обработке—6 руб. 6 к. и при обработке сохой 2 руб. 60 коп., для пашни 3-го разряда: при плужной обработке 1 руб 5 коп и при обработке сохой 73 коп. (стр. 153-155), не считая стоимости соломы и пастьбы скота. Стоимость соломы определяется для 1-го разр. озимого 2 руб. 88 коп. и ярового 4 руб. 68 коп. при плужной и 2 руб. 40 коп. и 3 р. 90 к. при сошной обработке, для 2-го разр. озим.—2 руб. 40 коп. и ярового—3 руб. 90 коп., а для 3 кат —1 руб. 44 коп. и 2 руб. 34 к, для 3 разр. озим.—1 руб. 92 коп. и яров.—2 руб. 34 коп, а для 3 кат.—96 коп. и 1 руб 56 коп. Стоимость пастьбы для соответствующих разрядов—25 коп., 20 коп и 15 копеек. Выходит, что крестьяне при аренде подесятинно не получают даже соломы, а только оплачивают свой труд.

Отметим еще одно очень важное обстоятельство. Выше мы указали, что больше всего арендуют землю у помещиков крестьяне с малым посевом на своей надельной земле. Именно, сеющие одну восьмую десятины в озимом поле оказываются арендаторами в 73 случаях из 100 домохозяев. Чтобы не получилось впечатления у читателя, что все

приведенные нами кабальные или, как их принято называть, полукрепостные отношения, характеризуют хозяйство наиболее бедного крестьянства, мы должны категорически указать, что подесятинными **арендаторами помещичьей земли являются в большинстве случаев как раз наиболее состоятельные семьи**. По обследованию статистика Романова 7 селений Козловского уезда, взятых из шести волостей, расположенных в разных частях уезда, оказалось, что арендуют 28% домохозяев, но им принадлежит 42% всех лошадей этих селений, 38% коров, 45% овец и 51% свиней, находящихся в этих селениях (сборник и стат. сведен. по Тамбовской губернии. том 3, стр. 122).

Останавливая внимание читателя на этом обстоятельстве, мы подчеркиваем, что остатки крепостного права тяготели не только, а может быть и не столько, над беднеющими слоями деревни, а именно над массой середняцких его слоев, которые бились как рыба об лед, чтобы как нибудь выбиться из крепких тисков, в которые зажимали его частные владельцы, высасывая из него все соки и при аренде и при найме на работы.

Этот путающийся в паутине остатков крепостного права „состоятельный" крестьянин мог терпеливо и до поры до времени безропотно вести свое хозяйство, тянуть эту лямку в надежде, что как нибудь, какой нибудь случайностью, например, при хорошем урожае, он вывернется и поставит свое хозяйство в более выгодные условия.

Примеры таких счастливых хозяев были в собственном же или соседних селениях в лице кулаков, которые выбились из под экономической зависимости соседних помещиков и начали прижимать уже своих же односельчан.

Что касается деревенской бедноты, то ее хозяйство, как мы увидим ниже, находилось под влиянием еще и других тяжелых условий.

Как бы то ни было, но условия, в которые были поставлены хозяйства середняцких крестьян пореформенной деревни, были тяжелые.

Наше описание хозяйственной зависимости середняцкого крестьянина от окружающего помещика и землевладельца мы закончим кратким указанием на те обстоятельства, которые вытекали сами собой из создавшегося положения.

Помещик после реформы, благодаря своему господствующему положению в государстве, сохранил за собой собственность на землю, которая обрабатывалась, как мы это видели на примерах, выше приведенных, почти целиком крестьянским инвентарем. Вся забота помещика заключалась в том, чтобы собрать деньги с крестьян или продать хлеб ими посеянный, убранный и даже отвезенный на рынок на крестьянских подводах.

Все ведение хозяйства при таких условиях сводилось лишь к тому, чтобы больше эксплоатировать крестьянина, выжать из него все, что только возможно. При таких условиях владение землей вытекало не из хозяйственной необходимости, которая давала бы экономическую необходимость дальнейшего поддержания такого порядка со стороны государства, а, напротив, такое положение создавало ничем несообразную

привилегию классу, не создающему никаких ценностей, а являющемуся тормазом в развитии производительных сил сельского хозяйства. Паразитическое состояние помещичьего землевладения ставило крестьянство в безвыходное положение и тормозило развитие производительных сил в сельском хозяйстве.

Расслоение деревни и упадок сельского хозяйства.

Мы только что проследили как после реформы 61 года помещики цепко держали в своих руках „освобожденное“ крестьянство и его хозяйство.

Однако, крестьянское хозяйство, а отсюда и положение самого крестьянства находилось под влиянием далеко не одних только остатков крепостного права. На ряду с этим последним крестьянское хозяйство подвергалось целому ряду внешних и внутренних причин, которые оказывали влияние на крестьянское хозяйство, изменяли его.

Для того, чтобы проследить эти изменения внутри самого крестьянства мы должны припомнить, что по Тамбовской губернии при проведении реформы 61 года 39 тысяч душ дворовых крепостных людей не получили никакого земельного надела, они получили одни только усадьбы, хозяйство на которых вести, конечно, было нельзя. Таким образом, эти дворовые превратились сразу в батраков, другая группа крестьян дарственников, в количестве почти 14 тысяч душ крепостных, получили нищенский надел 0,85 десятины на душу в среднем по губернии. Бывшие помещичьи крестьяне, в количестве 328 тысяч душ, получили по 2,68 десятины в среднем на душу, другая группа крепостных крестьян в 101 тысячу душ получила по 2,81 десятины на душу и, наконец, государственные крестьяне, в количестве 425,8 тысяч душ получили в среднем по губернии по 4,5 десятины на душу. Таким образом, если даже судить по приведенным средним душевым наделам, то и в этом случае видна не одинаковая обеспеченность крестьян землею. На самом же деле эта неодинаковая обеспеченность землей была еще больше. Если взять одних государственных крестьян, то даже среди них земля была распределена очень неравномерно. Например 14,2% селений получили в надел от 5 до 6 десятин на душу, 4,2% имели даже больше 6 десятин на душу. Но за то 15,1% имели от 2 до 3 десятин душевого надела, а 2,3% имели только от 1 до 2 десятин душевого надела.

Мы видим, таким образом, что обеспеченность крестьянских хозяйств землею уже в момент проведения реформы была не одинакова.

В среднем на одну душу по губернии приходилось по 3,92 дес., а по переписи, происходившей в Тамбовской губернии в 1880—84 г.г. на наличную душу приходилось уже только 2,87 десятины. Это произошло от того, что по Тамбовской губернии прибавилось населения на 31,8%. При этом интересно отметить, что процент прироста насе-

ления в тех селениях выше, в которых выше обеспечение земельным наделом. В селениях обеспеченных наделом более 10 десятин на душу прирост населения достигает 57,8%, при обеспечении наделом в 3—5 десятин, он держится около средней нормы прироста населения по губернии от 30,4% до 33,6%, а при низшем обеспечении в 1—2 десятины он падает до 17,1%. В селениях же, имеющих душевое наделение до одной десятины, процент прироста населения падает до 13,8%. Припомним, что прирост населения при крепостном состоянии в среднем у крепостных крестьян составлял 21%. Выводы из этих цифр мы предоставляем сделать самому читателю, для нас сейчас важно указать, что еще в момент реформы крестьянская среда была не однородна по своему достатку и обеспечению ее жизненными рессурсами (Сборн. стат. сведений по Тамбовской губернии изд. 1890 г. том 1, 3, том 14 103 сводные таблицы).

К моменту переписи 1880—84 г. мы уже имеем такую картину: (стр. 105) из всех 316718 крестьянских дворов по губернии 11426 дворов было совсем безземельных, 32201 двор было крестьян, не обрабатывающих свои наделы, что от общего количества крестьянских дворов составляет—10,5%, а если взять вместе безземельных и не обрабатывающих своих наделов, то всего будет 43627 или 13,4% всех наличных дворов. Эта значительная группа крестьянства превратилась в настоящих пролетариев.

Если мы возьмем другой признак—количество лошадных и безлошадных, то по той же переписи безлошадных было 72119 дворов или 23,7%. В то же время с одной лошадью было 31,3% дворов, а с 2-мя лошадьми—24,1%; дворов, имеющих 3 и более лошадей 20,7%: по 3 лошади—12,9%, по 4—5 лошадей—6,3%, и имеющих более 5 лошадей—1,5% и дворов без всякого скота было 11,2% (Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии, том 14 издание Т. Г. З., 1890 года).

Если мы присмотримся к проценту безлошадных, то самый большой процент их приходится на группу хуже обеспеченную землей, из них безлошадных 41,5%. Процент безлошадных уменьшается по мере возрастания земельного надела.

То же самое приходится сказать и в отношении обеспечения другим скотом: коровами, овцами и свиньями. Отсюда мы можем сделать вывод, что для времени, к которому относится упомянутое исследование—начало девяностых годов количество душевого надела может служить признаком достатка крестьянского двора.

Процесс расслоения крестьянства шел тем быстрее, чем больше крестьянское хозяйство принимало денежный характер, чем больше приходилось крестьянину превращать продукты своего хозяйства в деньги. К этому понуждало его прежде всего выплата налогов. Другой побудительной причиной была необходимость в приобретении различных промышленных товаров. Если раньше, при крестьянском праве свободные рабочие руки крестьянской семьи использовались на изготовление

домашнего холста и сукон, то теперь под влиянием нужды в деньгах лишние рабочие руки использовались, если не на соседней фабрике, то в соседней экономии, в отхожих промыслах. Раньше крестьянин мог ходить в лаптях, теперь условия работы требовали зачастую сапог. Раньше жгли лучину, теперь нужно было жечь свечу и впоследствии керосин

Дворовое хозяйство и инвентарь при крепостном хозяйстве ремонтировались деревом из помещичьего леса, теперь лес и готовые изделия из него нужно покупать на базаре.

Эти изменения в крестьянском быту следующим образом отмечаются в докладе Валуевской комиссии.

„Число обиходных потребностей сельского населения увеличивается в отношении обуви, одежды и освещения. Лапти заменяются сапогами и башмаками, паневы из домашних тканей—платьями и сарафанами из фабричных изделий, зипуны из крестьянского сукна нанковыми и казинетовыми поддевками, лучина—свечами. Чай входит во всеобщее употребление". Такие сведения даются из Липецкого, Тамбовского. Моршанского, Кирсановского и Шацкого уездов. Некоторые из авторов Валуевской комиссии склонны об'яснить такие изменения быта крестьян стремлением к роскоши и мотовствам, но они сами себе противоречат, так как рядом же говорят о пище крестьянина. „Пища крестьян не улучшается и потребление мяса не увеличивается". „Мясо вообще употребляется очень редко, только в большие праздники".

Рост нужды в деньгах вызывает увеличение запашек. Нужно получить как можно больше хлеба, чтобы его продать. Распашке подвергается все, что можно распахать. Увеличение пахатной земли за счет других угодий идет очень быстро не только на надельных землях, но и на помещичьих.

Направление всего сельского хозяйства в сторону увеличения запашки и извлечения наибольшей выгоды применением живого труда за счет избытка увеличивающегося населения кладет особую печать на все сельское хозяйство данного периода при общей отсталости с.-х., делая его хищным, истощающим природные богатства земли.

Вместо того, чтобы расти за счет вкладывания в сельское хозяйство капиталов, повышение доходности сельского хозяйства идет за счет применения живой рабочей силы, избыточного крестьянского населения. Помещичьи поля обычно сдавались в аренду частью за денежную плату, а большей частью за прежнюю натуральную оплату отработками или исполу, т. е. по старому, как и при крепостном праве обрабатывались крестьянами, крестьянским инвентарем и скотом. (Лященко. Очерки аграрной эволюции России изд. 1924 г, стр. 179).

Землевладелец Козловского уезда в докладе Валуевской комиссии пишет: „Еще реже встречается ведение хозяйства помощью постоянных наемных работников. Система эта самая дорогая и сложная, требует хорошего присмотра, найма приказчиков, содержание значительного числа

рабочего скота, орудий производства, хозяйственных помещений и прочее... Напротив, в мелких хозяйствах, в особенности между крестьянами, сколько нибудь достаточными, эта система встречается часто".

Таким образом мы видим, что в сельском хозяйстве произошел застой. Помещикам не было никакого расчета вводить какие нибудь улучшения в своем хозяйстве или переходить с трехполья на другую систему хозяйства, так как в качестве арендной платы с нуждающегося в земле крестьянина они получали гораздо больше дохода.

С другой стороны в крестьянском хозяйстве нельзя было ожидать перехода к лучшей обработке земли, требующей введения плуга и машин и применения большого труда, так как крестьянин постоянно нуждался в копейке. Лишь только наиболее зажиточные позволяли себе производить улучшения в хозяйстве.

Создавался какой-то замкнутый круг, из которого не было другого выхода кроме изменения всей этой системы в сторону уничтожения для помещиков возможности беспощадно эксплоатировать крестьян, т. е. отнятие у него орудия этой эксплоатации—земли и передачи ее крестьянам для повышения их благосостояния. Таковы были об'ективные условия, которые независимо от чьей либо воли и желания вели к неминуемой катастрофе сложившихся условий, к неизбежному их изменению.

Движение вперед сельского хозяйства требовало изменения существующего порядка.

Избыточного крестьянского населения фабрично-заводская промышленность не в состоянии была поглотить, поэтому в распоряжении помещиков всегда имелся избыток рабочих рук и рабочий труд оплачивался низко. Землевладельцы различных уездов и предводитель дворянства Тамбовского уезда в докладе Валуевской комиссии сообщают: годовой рабочий в Козловском уезде без хозяйских харчей получает 52—104 р., в Усманском уезде 36—60 руб, а женщины 24—36 руб. Летний рабочий в Козловском уезде получает 35—72 рубля; в Усманском уезде мужчина получает до 36 рублей, женщина 24 рубля.

Поденная плата на своих харчах зимой по всем уездам для мужчин падает до 25 коп., 20 и даже 15 коп. в день, летом поднимается до 30 к. и в исключительных случаях до 50—60 и даже до 1 рубля в день. Для женщин и зимой и летом поденные цены вдвое ниже.

В южных уездах цены на рабочие руки, особенно летом, выше, чем в северных уездах.

Необходимо еще отметить влияние на сельское хозяйство общины и частых переделов. Участкового землевладения в Тамбовской губернии почти нигде не существовало.

В докладе Валуевской комиссии тамбовский уездный предводитель дворянства говорит: „общинное пользование землей ведет к ежегодному переделу земли между крестьянами и к дурной обработке без удобрения".

В некоторых местах землю переделяют 2 раза в год: под озимь и под яровое.

Старшины четырех волостей Козловского уезда говорят, что препятствием к переходу от общинного владения к участковому заключается в недостатке средств на единовременный или ускоренный выкуп земли. Многие крестьяне, получив по жребию недоброкачественную полосу, отдают ее за полцены соседям. Липецкий городской голова и землевладелец так характеризует общину: „Переделы полей, вместе с круговой порукой, составляют коренные условия застоя и упадка сельскохозяйственной производительности".

Старшина одной волости Кирсановского уезда сообщает: „Выкупить отдельно свои семейные наделы многие крестьяне желают, но общества не допускают такого выкупа, чтобы не освободить богатых крестьян от круговой поруки в платеже повинностей". Такое положение было, конечно, не в одной только Тамбовской губернии.

Община, как мы видим, являлась огромным тормазом в развитии сельского хозяйства: она частыми уравнительными переделами и поравнениями не давала возможности удобрять землю и вести тщательную обработку почвы, но сохранение ее было необходимо, чтобы обеспечить опеку крестьянского общества в аккуратном поступлении платежей.

Уже через 10 лет после реформы поступление платежей идет не совсем гладко. Уже к 1872 году недоимок за крестьянами Тамбовской губернии числилось 100119 рублей.

Община задерживала естественное расслоение деревни и выделение в ней крестьянских хозяйств, способных перейти к более совершенным приемам обработки и системе хозяйства с более повышенной производительностью.

Самодержавное правительство давно уже сознавало ненормальное положение и сельского хозяйства вообще и положения деревни в частности. От его внимания не мог ускользнуть процесс расслоения деревни, при котором массы крестьянства делались неспособными вести хозяйства, теряли свой скот, делались сначала безлошадными, а потом и совершенно забрасывали свои наделы, превращаясь в пролетариат. На крестьянском сельском хозяйстве лежало столько всяких налогов и переплат, что выгоднее было подыскивать работу в городе. Опасаясь, что **помещик лишится рабочих рук, чтобы связать еще крепче крестьянина его земельным наделом, правительство в 1893 году запрещает выдел из общин и продажу выкупленных наделов.** Это обстоятельство еще больше ухудшает сельское хозяйство и положение крестьянства.

Оскудение центра.

При таком состоянии сельского хозяйства на крестьянство обрушивается хлебный кризис конца 90 годов. Понятно, что все острые моменты в положении крестьянства обострились еще более. Общий упадок сельского хозяйства и обеднение крестьянства пошло еще более быстрым темпом.

Например, растет безлошадность тамбовского крестьянства. В 1882 году безлошадных по губернии было 24%, к 1897 году безлошадных

уже 30%. (Материалы по подворному обследованию животноводства в Тамбовской губернии 1914 года т. II приложение в конце тома „Поуездное описание.... стр. 7).

На одну квадратную версту к 1897 г. их уменьшилось на 0,4 (в 1882—10,56), на один двор их уменьшилось на 0,3 (в 1782 году было по 1,9. Там же стр. 5 и 6). Произошло также и уменьшение другого скота, например, крупного скота: в 82 году на 1 двор приходилось 1,8 а в 97 году—1,6. Особенно сильно, благодаря распашки выгонов, уменьшилось количество овец. В 1882 году на 1 двор их приходилось 9,1, а в 1898 году только 3,8 (стр. 22 и 23).

Огромное значение в этом отношении имел, конечно, и голодный 1891 год, но не нужно также забывать и того, что особенная острота голодного года сама является результатом именно крайнего обеднения крестьянства.

В своей характеристике состояния крестьянского хозяйства тамбовский губернатор за 91 год пишет:

„Главнейшими причинами застоя и повсеместного упадка в крестьянском хозяйстве являются не только устарелые системы возделывания и уборки полей, но еще более крайняя беспечность и нерадение крестьян, при этом с чрезвычайным упорством придерживающихся старины“.

Мы приводим эту выписку не толко как свидетельство „повсеместного упадка“ и застоя хозяйства, но и для характеристики существовавшего в то время взгляда на причины такого состояния крестьянского хозяйства в административных кругах того времени. На почве этих взглядов вырос земский начальник в качестве противоядия против „крайней беспечности и нерадения крестьян с упорством придерживающихся старины“.

В своей характеристике владельческого хозяйства тамбовский губернатор приводит интересные данные о задолженности их: „1) по дворянскому банку число заложенных имений—660, представляющих собою площадь в 412436 десятин со ссудою, составляющею 20700400 руб.; 2) по особому отделу государственного дворянского банка (бывшего общества взаимного поземельного кредита) число заложенных имений—540, заключающих в себе 395565 десятин, а размер выданной ссуды достигает 11682849 руб.“, что „ставит землевладельцев в положение еще более худшее, чем крестьян“. Губернатор указывает на значительное сокращение владельческих имений, „постепенно мельчающих и переходящих из рук в руки“.

В том же докладе губернатор приводит задолженность и крестьянства: по имперскому продовольственному капиталу—4260922 руб., губернскому продовольственному капиталу—761968, в недоимке одних процентов по этому долгу—56665 рублей. Задолженность этим не исчерпывается. Из общего числа всякого рода государственных податей, окладных платежей и недоимок прежних лет, исчисленных к поступлению на 91 год в размере 8701183 руб. 77 коп., получено лишь—1917166 руб. 82 коп., а из оставшихся на 92 год недоимки и оклада

6775815 руб. 36 коп. на долю одних крестьян приходится— 6381569 р. 94 к., кроме недоимок по земскому сбору. Уже в отчете за 92 год губернатор указывает: „во владельческих экономиях стало заметно стремление вести земледелие более или менее правильно“.

С 1894 года в Тамбовской губернии земством приглашаются 12 уездных и один губернский агроном в виду значительного упадка сельского хозяйства и его сравнительно низкого уровня в губернии, „кои могли бы принести пользу не только личным землевладельцам, **но и крестьянской общине**“.

Мы подчеркиваем это „но“ в виду до сего еще времени распространенного мнения, что земская агрономическая организация имела своим назначением обслуживать, главным образом, крестьянское население. В этом же году в некоторых уездах были открыты склады улучшенных земледельческих орудий и машин, которые в этом же году по октябрь месяц сделали оборот в 20000 руб.

Начиная с 94 года отчеты губернатора отмечают „в более или менее крупных частновладельческих хозяйствах уже ясно сознана необходимость перехода к многопольным системам, которые постепенно входят в практику почти всех уездов“.

За 1897 год губернаторский отчет отмечает уменьшение у крестьян за год лошадей на 17057 голов и крупного рогатого скота на 7982 головы. Отчет указывает также на сильное увеличение переселенческой волны, захватившей 2462 семьи с 17303 душами обоего пола.

В отчете за 1898 год губернатор отмечает одно новое явление: „При однородности многих условий ведения сельского хозяйства заметна большая разница в системе и результатах частновладельческих и крестьянских хозяйств... Во владельческих и арендаторских экономиях земледелие начали вести более или менее правильно, с должным вниманием на распределение посевов, на удобрение полей и их обработку, с употреблением для всего этого усовершенствованных земледельческих орудий и машин;—у крестьян же, несмотря на то, что, вследствие значительного истощения, большая часть их земель утратила способность давать высокие урожаи, на такое важное обстоятельство, как удобрение полей, или совсем не обращается должного внимания, или же таковое производится настолько недостаточно, что не достигает своей цели“... Говоря о недостатке удобрения у крестьян, губернатор забыл, что несколькими строками ниже он устанавливает факт продажи крестьянами навоза землевладельцам.

„Неблагоприятными условиями, говорит он, для улучшения крестьянского хозяйства, кроме присущей большинству из них беспечности, являются: 1. Малоземелье; 2. Недостаток кормовых угодий... 3. Недостаток навозного удобрения от малочисленности скота, а частью от продажи навоза... 4. Недостаток инвентаря... 5. Отсутствие доброкачественных семян. 6. Почти полное отсутствие усовершенствованных с.-х. орудий и машин... 7. Отсутствие кредита. 8. Отсутствие знаний“... Далее к причинам относятся: 1. Частый передел полей. 2. Семейные разделы. 3. Чересполосица крестьянских наделов.

Мы приводим все эти выдержки из губернаторских отчетов, чтобы показать отношение оффициальных органов к тому положению крестьянства, которое мы старались обрисовать в предыдущем изложении. В то время об оскудении сельского хозяйства полагалось говорить, вопросы, связанные с оскудением были обязательны для оффициальных лиц, они должны были давать по ним отчеты, так как „оскудение", благодаря возраставшей недоимочности крестьянского населения, расстраивало государственные финансы.

В годы оскудения министр финансов Витте поднял даже вопрос о прекращении взимания выкупных платежей и о починке аппарата, который отказывался „платить".

Неплатежеспособность крестьянства имела еще огромное значение для развития промышленности, быстро развивавшейся с девяностых годов прошлого столетия. Крестьянству не на что было покупать ни земледельческих орудий и машин, ни мануфактуры. Оскудение центра и крестьянский вопрос снова, как и перед освобождением крестьян, становился во весь свой рост. На этот раз ставили его пока еще не крестьянские волнения, как это было перед реформой 61 года. На этот раз его ставили: угроза финансового расстройства и тормаз для развития отечественной промышленности, но зато вместе с крестьянским вопросом перед правительством и помещиком выростал призрак еще более грозный в лице повсеместно начавшегося в России рабочего движения, которое в 1896 году разразилось многотысячной забастовкой ткачей в самом Петербурге, в этой цитадели самодержавия.

Как бы то ни было, но в сознании правящих органов по вопросу об упадке крестьянского хозяйства помимо того тумана, который именовался крестьянской „беспечностью", начинают проясняться истинные причины: малоземелье, недостаток кормовых угодий, недостаток инвентаря, кредита и друг. причины экономического характера. Эти причины еще бродят в тумане, еще не доведены до логического конца трезвой мысли. Трезвые мысли, как мы увидим, появятся позже, когда над беспечной помещичьей головой поднимется тяжеловесная мужицкая дубина. А пока что, не только в сознании губернатора, но и тамбовских земцев борьба с „оскудением" носит пока еще специфически помещичий характер.

Мы уже из отчетов губернатора знаем, что тамбовское частное землевладение начинает бессознательно стихийно браться за ум, начинает от полукрепостной эксплоатации крестьянства переходить к другим формам ведения хозяйства: заводит агрономическую организацию по губернии, открывает сельско-хозяйственные склады и, как сказано в отчетах, „начали вести более или менее правильное хозяйство". Тем не менее, наряду с этим стихийным отрезвлением от угара, после выгодно произведенной операции ограбления крестьянства при проведении реформы 61 года, привыкшие к подачкам от государства тамбовские земцы (они не составляли исключения, другие губернии не отставали) продолжают еще тянуть песню казанских сирот. Вот эта жалобная песня.

„По мнению местных земских органов, некоторых землевладельцев и лиц, заинтересованных в развитии экономического благосостояния края, наиболее назревшими и желательными мерами для упорядочения земледелия губернии и поднятия его производительности, находящейся ныне на том уровне, который не отвечает современным экономическим условиям, являются: 1. Закупка хлеба правительством, в видах из'ятия некоторого количества его с рынка".

Мы будем разбирать эти „назревшие и желательные меры" по пунктам. Этот пункт требует от правительства борьбы с низкими ценами на хлеб. Закупка хлеба правительством потребовала бы от государства расходов не одной, конечно, сотни миллионов рублей на эту операцию, совершенно убыточную для государства. Цены в эти годы на мировом рынке были очень низки, а только что заключенный торговый договор с Германией давал ей право накладывать на русский хлеб ввозные пошлины. Государственные умы тамбовских помещиков (их было подавляющее большинство в земских органах) прекрасно понимали, что на закупку хлеба государство могло достать необходимые миллионы рублей только новыми налогами, которыми оно и так уже придушило крестьянство. Тамбовские помещики не постеснялись „для поднятия экономического благосостояния края" пред'явить к уплате новый счет крестьянству.

Вторым пунктом в качестве „назревшей и желательной меры" стоит: „пересмотр железно-дорожных тарифов на хлебные продукты"...

Стоимость перевозки хлеба из Тамбовской губернии до места потребления ложилась лишним накладным расходом, который лучше было положить в помещичий карман, чем давать его государству, которому в это время принадлежали уже почти все железные дороги, которые и без того давали государству убыток, так как многие железные дороги носили так называемый стратегический (военный), а не экономический характер. Увеличившиеся убытки от дешевых провозок хлеба государство покрыло бы опять таки увеличением налогов.

Кроме того, в этом случае тамбовские помещики вели борьбу с помещиками русских окраин, самарскими и другими, которые, благодаря, так называемому, дифференциальному тарифу (более дешевому при далеких расстояниях), вели конкуренцию с помещиками центрально-земледельческими на внутреннем, преимущественно московском рынке*).

Третьей „желательной" мерой было для тамбовских помещиков „изменение системы хозяйства на государственных землях" в сторону прекращения на них ведения зернового хозяйства, а оставления их под залеж и луга. Дело в том, что нужно было добиться уменьшения перепроизводства хлеба. Хлеба было слишком много на рынке, поэтому он был дешев. Между тем государственные земли сдавались по большей части крестьянам и нужно сказать, что по более дешевой цене, чем помещичьи земли. Можно представить себе каким бы подарком эта мера оказалась для тамбовских крестьян.

*) Лященко. Очерки... стр. 204, 205.

Чтобы покончить с губернаторскими отчетами из Тамбовской губернии по отчету 1898 года отметим еще, что число желающих переселиться „увеличилось на 57392 души“ против предыдущего года (17 тысяч).

Переход помещичьих хозяйств к „более или менее“ правильному ведению хозяйства должен был отозваться угнетающим образом на крестьянское хозяйство: помещики меньше стали сдавать земель в аренду, что усилило крестьянское земельное утеснение, а введение машин уменьшило требование на рабочие руки.

Период „оскудения“ характеризуется в крестьянском хозяйстве Тамбовской губернии еще ростом недоимочности.

К 1892 году в недоимке у крестьян числится:

По окладным сборам	1328208 р. 10 к.
По выкупным платежам	881655 „ 74 „
Всего .	2209863 р. 83 к.

К 1893 году:

Недоимок по окладному сбору	2444572 р. 38 к.
Недоимок по выкупн. плат.	1394861 „ 44 „
Всего .	3839433 р. 82 к.

К 1895 году:

Недоимок по окладу	2224463 » 41 »
Недоимок по выкупным платежам	1179050 » 80 »
Всего .	3403514 р. 21 к.

К 1897 году:

Недоимок по окладу	2583389 р. 54 к.
Недоимок по выкупным платежам	2575150 » 66 »
Всего .	5158549 р. 20 к.

В 1897 году во всеподданнейшем докладе тамбовский губернатор считает необходимым об'яснить, что „столь слабое поступление податей об'ясняется общим неудовлетворительным экономическим положением местного сельского населения, еще более пошатнувшимся вследствие недорода хлебов и бескормицы отчетного года“. Читатель конечно, не сомневается, что тамбовский губернатор не ограничился одним только об'яснением причин роста такой недоимочности. Если недоимки не платили, их нужно было „выколачивать“.

Тамбовская губерния не составляла какого нибудь исключения в этом отношении, таково же было положение и по другим, не только черноземным, но и не черноземным губерниям.

Вышеприведенные цифры раньше стали известны в министерстве финансов, чем в министерстве внутренних дел, куда попадали всеподданнейшие доклады с об'яснениями, подобными об'яснениям тамбовского губернатора. Витте, министр финансов, в октябре месяце 1898 года писал царю Николаю: „перестало хватать топлива для финансовой

машины“. В том же году Витте, более трезво смотревший на действительное положение крестьянства, предложил в комитете министров сложить с крестьян выкупные платежи. Предложение Витте не было принято, ему ответили: „**для чего крестьян баловать—они и так распущенны и самовольствуют**“. Сам Витте тоже рисовал себе положение крестьян еще только, как говорят, в розовом свете. В упомянутом письме Николаю он писал: „Дело не в земельном кризисе, а в неустройстве“.

В следующем году во всеподданнейшем докладе Николаю „по вопросу об образовании особого совещания для рассмотрения законодательства о сельском состоянии“... Витте „высказывал, что причина задерживающая упрочение хозяйства наших крестьян, кроется в правовых условиях их быта“. Николай отложил вопрос об особом совещании сначала до осени, а потом это совещание под председательством Стишинского было организовано только в 1902 году 22 января, пред начавшимися крупными беспорядками в Полтавской и Харьковской губерниях.

„Для более полного освещения вопросов земствами, местным дворянством, местной администрацией, сельско-хозяйственными обществами, а также отдельными знатоками нужд сельско-хозяйственной промышленности и способов их удовлетворения особым совещанием решено было, по инициативе министра внутренних дел Сипягина, организовать губернские и уездные комитеты. В губернских комитетах должны были председательствовать губернаторы, а в уездных—уездные предводители дворянства*).

Труды эти были закончены разработкой только в 1905 году и впоследствии послужили материалом для известной Столыпинской реформы.

В местные комитеты были привлечены и крестьяне, но конечно с очень тщательным административным выбором. Действительного мнения крестьян они, конечно, выражать не могли. Так что труды местных комитетов нужно рассматривать, как только мнение местного дворянства.

Нам нет никакой необходимости подробно разбирать мнения Тамбовского губернского и уездных комитетов. Мы ограничимся самым кратким перечнем их.

В отношении изменения землевладения—этого коренного условия для развития тамбовского сельского хозяйства—пожелания тамбовских комитетов были очень скромны. Они сводились к необходимости расселения крестьян. Трудно утверждать, чтобы мера эта была продиктована одними только экономическими соображениями. Весьма возможно, что здесь играли роль соображения и политического характера. Крестьянам, расселенным по мелким поселкам, труднее сговориться. В поселках в это время видели некоторую гарантию от действия скопом. Козловский комитет высказывался даже за расселение не однообщественников. Тамбовский губернский и уездный Козловский комитеты высказывались при этом за необходимость принудительного расселения.

*) Шидловский. Общий обзор трудов местных комитетов, ст. 1.

Дело расселения, по мнению комитетов, должно быть сосредоточено в земствах, которому **правительство должно отпустить средста на эту операцию**, а крестьянам должны быть выданы на это ссуды и пособия в размере стоимости усадебных построек.

По вопросу о земельном обложении весьма тягостном для крестьянства, Тамбовские комитеты высказывались за привлечение к платежу мирских сборов всех сословий и за принятие содержания волостных правлений за счет казны.

Больше всего было высказано мнений и сделано предложений об изменении крестьянского правопорядка. Здесь прежде всего нужно отметить предложение упразднить административную опеку крестьян—институт земских начальников, подчинив крестьян действию общих судебных установлений, уравнять крестьян с другими сословиями в правах, разрешить право распоряжаться своей собственностью—движимой и недвижимой, избавить крестьян от позорного телесного наказания—так высказывались Темниковский, Усманский и Борисоглебский уездные комитеты и Тамбовский губернский.

Как видим дворяне далеко не всех уездов высказались за отмену телесных наказаний. А Тамбовский уездный комитет был настолько осторожен, что даже в вопросе об административной опеке высказывался об освобождении от нее с оговоркой «насколько возможно». *) Он высказывался за «пересмотр законодательства о крестьянах и изменении положения 12 июля 1889 года» (о земских начальниках).

Далее следовали предложения об освобождении сельских сходов и выборных должностных лиц, сельского управления от обязанностей полицейских, фискальных и административных с передачей их органам общего управления.

Личный состав волостных старшин и сельских старост предполагалось улучшить, изменив с этой целью существующий порядок выбора, утверждения и ответственности этих должностных лиц, назначив им определенное вознаграждение, установив определенный ценз, присвоив права государственной службы и замещая эти должности или по назначению или наоборот, обеспечив независимость выборов, а также допустив последние на всесословном начале, т. е., чтобы в выборах участвовали все сословия населения волости: крестьяне, землевладельцы, духовенство, учитель и т. д.

Полиция безопасности, повинности, налоги должны находиться в руках правительственных низших агентов.

Состав волостных писарей должен быть улучшен назначением им определенного вознаграждения, установлением образовательного ценза, присвоением права государственной службы, но замещение должностей волостных писарей признано было необходимым производить не по выбору или найму, **а по назначению правительственной власти**.

---

*) Труды стр. 341.

Такова была программа необходимых реформ в положении крестьянства в представлении местного дворянства. Насколько она отставала от действительных потребностей и своего времени можно составить представление уже из тех данных, которые мы обрисовали в предыдущих главах.

Теперь посмотрим, как разрешали свои назревшие потребности сами крестьяне.

Живые цифры.

Мы видели, что расширение производительности сельского хозяйства все время шло в сторону увеличения запашек и превращения всех других угодий в пашню. Этот процесс шел одинаково как на помещичьих землях, так и на крестьянских и к концу 19 века весь запас нераспаханных земель был окончательно исчерпан. Дальше было идти некуда. Распахивать было нечего.

Тамбовские землевладельцы выходили из создавшегося для них положения переходом к более совершенным приемам обработки своих земель. Они для этого располагали средствами, капиталами, чтобы вложить его в машины и орудия, завести свой живой инвентарь. Наиболее крупные помещичьи хозяйства заводили у себя заводы—винокуренные, свеклосахарные, крахмало - паточные и другие. В ином положении было крестьянство. В деревню, как мы уже указали выше при рассмотрении расслоения ее, тоже начал проникать капитал, сосредоточиваясь в руках кулаков, которые наживались на разорении крестьянской бедноты и середняков. Но существовавшие стеснения в правовом положении крестьянства стесняли процесс расслоения. Выбившиеся из нужды и богатеющие за счет остальной массы кулаки стеснены были выходом из общины. Правительство боялось «разгородить» крестьян, оно боялось дать возможность кулакам выделиться, оторваться от остальной крестьянской массы. Эти кулацкие слои деревни так же, как и помещики, могли еще для повышения производительности своего хозяйства перейти к более совершенным приемам обработки земли и, конечно, переходили к нему. Положение же всей остальной массы крестьянства казалось безвыходным. А переход помещичьего и кулацкого хозяйства к более совершенным способам обработки земли и ведения хозяйства только лишь ухудшал положение крестьянских масс. Крестьянским массам казалось оставалось только беднеть и вырождаться, превращаясь в тупых и покорных судьбе людей. Но это только могло казаться. На самом деле выход был.

Просматривая всеподданнейшие отчеты тамбовских губернаторов, мы с некоторым недоумением остановились в них на некоторых цифрах. В таблицах о преступлениях в губернии есть один пункт «**сопротивление распоряжениям правительства и неповиновение установленным властям**». Против него в отчете за 1891 год цифры: число преступлений—16, осужденных граждан—45. Разделение

по сословиям; крестьян—38. За 1892 год тот же пункт и цифры против него: преступлений—4, осужденных—38, крестьян—33. За 1897 год: преступлений—5, осужденных—14, все крестьяне.

Тщательно просматривая текст отчетов мы не могли найти в нем никаких об'яснений к приведенным цифрам.

Покончив со всеподданнейшими докладами для обследования положения тамбовского крестьянства—мы обратились к другим источникам и остановились вперед всего на двух выписках, имевшихся в нашем распоряжении, относящихся к концу 1894 года и началу 1895 года. Обе они исходили из одного места и находились в делах одного из царских учреждений, коим надлежало блюсти самые основы царского самодержавия. Мы приводим эти выписки целиком, без изменений.

По имеющимся у меня сведениям среди сельского населения Усманского уезда появилось брожение, вследствие ложного толкования высочайшего манифеста. Это брожение проявилось особенно резко в селах Рышково, Чулковой Байгоре и Излегоще. Брожение возникло благодаря письмам своим родителям нижних чинов из войск, расположенных в Петербурге и между ними унтер-офицера 6-го летучего артиллерийского парка Пенкова и рядового гвардейского № 1 кавалерийского кадра Шишкина, письма которых отобраны полицией. В письмах авторы сообщают, что все подати прекращены и платить их не следует». Это одна выписка, она помечена 31 декабря 1894 года, а от 6 января 1895 года имеется вторичное сообщение. «В селах Рышково, Чулковой Байгоре и Излегоще брожение среди сельского населения по настоящее время существует не только что в упомянутых пунктах, хотя и редко, но даже и в других селах».

Если сопоставить даты этих выдержек с данными, приведенными нами выше о недоимочности крестьян, то станет понятно, что неплатежеспособность крестьянства вызывала в нем направление мыслей в сторону хоть какой-либо возможности избавиться от платежей. Таким образом, крестьянское настроение вело какую-то работу в сторону выхода из создавшегося, как нам могло казаться, безвыходного положения.

Другой документ, имеющийся в нашем распоряжении—это обвинительный акт, составленный в г. Воронеже февраля 7 дня, 1895 года, товарищем прокурора Меньшиковым, по которому 14 человек крестьян села Верхней Плавицы, Усманского уезда, предавались суду Харьковской Судебной Палаты с участием сословных представителей, по обвинению их в преступлениях, предусмотренных 271 и 272 статьями Уложения о наказаниях. Обвинительный акт настолько близко соприкасается с интересующим нас вопросом, что мы приводим здесь его содержание.

30 ноября 1894 года в село Верхняя Плавица приехали становой пристав, урядник, старшина и сельский писарь из волостного села Верхней Матренки. Они пригласили к себе сельского старосту Верхней Плавицы и сельского писаря. Вся эта компания приступила к продаже имущества крестьян, за которыми числились недоимки Пристав, в сопровождении перечисленных лиц, начал обходить дворы граждан, за ко-

торыми числились недоимки и начал предлагать им уплатить хоть часть их. Кто уплачивал хоть часть недоимок, тех оставляли в покое. Кто не уплачивал - у тех продавали имущество. Не окончив обход всех неплательщиков 30 ноября, пристав продолжал „исполнение своих служебных обязанностей" на другой день — 1 декабря, и подошел к двору Петра Проскурина, за которым состояло недоимок: казенных платежей— 73 рубля 26 коп., оклада 1894 года 26 рублей 5 коп. и других сборов — 61¼ коп., а всего 100 рублей 92¼ коп. Усманским уездным съездом у Проскурина разрешено было к продаже за недоимки 14 овец, 2 поросенка, телка, лошадь и старая рожь.

У двора Проскурина собралась толпа крестьян, которая, по словам пристава, вела себя „благопристойно".

Войдя во двор, пристав предложил Петру Проскурину уплатить недоимку, предупредив о продаже имущества, на что Проскурин ответил приставу „Ну что же, продавай, у меня денег нету". Приступили к продаже двухлетнего жеребенка, которого тут же купил за 118 рублей крестьянин соседнего села, который тут же передал деньги сборщику податей Емельяну Проскурину — двоюродному брату Петра Проскурина.

После этого пристав, урядник, старшина, писарь из волости, а за ними и оба Проскурина вошли в избу, где Емельян должен был излишек от продажи лошади передать брату. Пока все названные были в избе, крестьянин Литвинов, купивший лошадь, хотел надеть на лошадь недоуздок и увести ее со двора, но к нему подбежал отец Емельяна и дядя Петра Иван Проскурин--79 лет и замахнувшись палкой закричал:

— Не смей брать лошади.

В избе между тем Петр заявил приставу, что лошади он не отдаст, а лучше уплатит деньги, на что пристав ответил отказом.

После этого на двор выбежали: Петр, Емельян, мачиха Петра— Гликерия—50 лет, жена его и сноха.

Гликерия, чтобы не взяли лошади, замотала вокруг руки недоуздок Иван, Петр, Емельян Проскурины и выбежавшие бабы окружили лошадь и купившего ее Литвинова и начали кричать на него.

Толпа народа собралась на крик человек в 400. На крик выбежали из избы пристав, урядник, старшина и писарь. Увидев их, Иван и Емельян закричали:

— Бей пристава, бей старшину, за что они нас грабят.

Возбужденная толпа с криком и ругательствами бросилась во двор Проскуриных, испугав молодую лошадь, которая начала метаться из стороны в сторону, таская за собой Гликерию Проскурину. Пристав, опасаясь, чтобы лошадь не избила женщину, приказал уряднику обрубить недоуздок замотанный вокруг руки Гликерии.

В момент урядник обнажил шашку, она сверкнула в воздухе и Гликерия покатилась на землю....

Из толпы кто-то закричал:

— Убил, убил бабу....

Толпа с ругательствами бросилась на пристава и потащила его к Гликерии с криками:

— Ты убил бабу, караул же ее сам.

— Бей их....

Пристав хотел скрыться в избу, но на него посыпались удары кулаков и палок.

Кроме пристава избили еще старшину и писаря из волости, а остальных должностных лиц и приехавших из соседних сел скупать описанное у недоимщиков имущество кулаков с криками и ругательствами разогнали, а скупленное ими имущество растащили хозяева его.

Толпа успокоилась и разошлась только после того как приехал местный священник*).

Из дела неизвестно чем закончился суд, неизвестно также были ли наказаны пристав и урядник. Имеется только в том же деле указание, что после приезда в Верхнюю Плавицу исправника „сход единогласно из'явил покорность", а купленное кулаками имущество было возвращено им.

Другой случай произошел 10 мая 1895 года в том же Усманском уезде только в селе Отрожках, Поддубровской волости.

10 мая 1895 года крестьянин названной деревни Егор Тархов с 11 летней сестрой Антониной отправились в казенный лес, расположенный в 50 саженях от селения, нарвать корове травы. Когда они выходили из леса на них „напали" (так сказано в документе) помощник лесничего Мухин, конный об'ездчик Кобелев и два лесника. Мухин нанес Тархову 2 удара хворостиной и приказал лесникам „взять его". Один лесник ударил крестьянина Тархова так сильно, что он упал на землю. Тархова начали бить. Девочка, испуганная побоями, с криком побежала домой

В это время по дороге из с. Куликова проезжал крестьянин того же села, содержатель земской конной ставки Иван Власов, который, оставив лошадь на своем гумне, побежал на крик Тархова, который просил, чтобы его не били, а если виноват, то чтобы привлекли к ответственности по суду.

На крик девочки прибежали жена и брат Тархова, а также человек 50 крестьян. Тархова отбили и толпа с ругательствами направилась в волостное село, по дороге нанося побои лесникам.

О происшествии было дано знать лесничему и исправнику.

К 12 числу исправник вызвал на Демешинский кордон переписанных в волости крестьян и кроме того отца Тархова старика 60 лет, которого исправник начал бить, приговаривая:

—Почему ты не учишь детей....

Сбил старика с ног, начал таскать обоими руками за волосы и бить ногами в грудь так сильно, что „чуть не убил старика".

Всю семью Тарховых исправник приказал арестовать на 7 суток при волости, что и было исполнено**).

*) Тамб. Губарх. секр. ст. Губ. вз. № 114, дело 2596.
**) Тамб. Губарх. вяз. № 12, дело 242.

Когда я справился, что значат статьи 270 и 271, то оказалось они-то как раз и предусматривают „сопротивление распоряжениям правительства и неповиновение установленным властям“.

Эти „живые цифры“ приводим мы здесь в об'яснение мертвых цифр всеподданнейшего доклада. Они показывают нам, что крестьянские массы вовсе уже не были такими „покорными“ судьбе людьми, что они подчас обороняются и хотя „единогласно из'являют покорность“, но все-таки после того, как бывают поколочены пристава и урядники.

Но в приведенных фактах мы видим пока только еще так сказать самооборону. Но бывали уже и в это время случаи перехода к нападению. Само крестьянство вовсе не собиралось только „покоряться судьбе“, но искало и выхода из положения, только далеко не в тех проектах реформ, которые разрабатывались тамбовскими помещиками на местах и которые казались необходимыми в центре. Свой правопорядок и уравнение в правах с другими сословиями крестьяне, как мы только что видели, проводили на практике. Но кроме необходимости изменения „правопорядка“ крестьяне, как мы сейчас увидим, начали ставить на очередь дня и земельный вопрос, придавая этому вопросу тоже практический характер.

3 апреля 1898 года крестьяне села Тафина и Красиловки, Липецкого уезда, толпою человек в 200 явились на участок землевладельцев Платонова и Головкина, арендовавшийся 14 лет огородником Ивановым, и разделили участок (20 д.) по душам, а огороднику пригрозили, что если он будет засевать землю, то они его убьют.

Огородник Иванов все же не послушал крестьян и приступил к посеву огурцов. Тогда крестьяне 21 апреля вновь явились на участок в том же числе, некоторые вооружились „дрекольем, частью с железными наконечниками“, огородника прогнали, а половину участка засеяли овсом.

Губернатор, узнав об этом, получил кроме того телеграмму и от земского начальника, что „деление чужих земель и запрещение их пахать владельцам, вторжение в чужие владения перекинулись в мой участок. Идет говор в других селениях о таковом же переделе земель. Ждут только чем кончится“. Губернатор сделал распоряжение о вызове резервного батальона из Козлова „для усмирения тафинских кристьян“.

Через 5 месяцев после этого 10 сентября тамбовский губернатор дал распоряжение тамбовскому полицеймейстеру: „крестьянина Сергея Иванникова за упорство и подстрекательство своих односельчан крестьян с. Тафина, Лип. уезда, к аграрным волнениям подвергнуть при 2-й части г. Тамбова телесному наказанию—50 ударам розог*).

А вот и еще нечто из области „живых цифр“.

В 1898 году были беспорядки в селе Уварове, Борисоглебского уезда, в 1 уваровском обществе, туда были посланы войска, при чем

*) Тамб. Губарх. секр. ст. губерн. вязк. № 113, дело 2562.

запасный рядовой Ал. Гр. Канин был в первых рядах на всех сходах, громко и открыто бранил начальство и подбивал крестьян к разгрому ст. Уварово и мельницы князя Гагарина, а после ухода войск он один из первых настаивал на составлении приговора о взыскании „с кого следует денег, истраченных на содержание войск".

Характерна при этом деле характеристика земского начальника 9 участка Борисоглебского уезда, сделанная губернатору от 28 ноября 1901 года: „нижние чины запаса и отставные солдаты самый беспокойный элемент в обществах. Являясь со службы, они находят всех своих односельчан необразованными.... возбуждают всевозможные неосуществимые иски, начинают подавать просьбы по начальству ... на сходах кричат, что местное начальство несправедливо и пристрастно и в крайнем случае задарено" *).

В 1901 году один из управляющих из Тамбовской губернии пишет: „Должно быть скоро нам придется собирать свои пожитки и удирать с насиженных мест.... Голод у нас отчаянный и на урожай нет надежды. Каждый день в усадьбу являются толпы мужиков и требуют хлеба. Все, что было можно, они уже забрали под работу и положение их поистине безнадежно. Они прямо заявляют: „или давайте, или мы сами возьмем". Недавно один крестьянин повесился с голода. По селам идет говор: „прежде хоть столовые были, кормили нас, а теперь ничего нет, хоть умирай. В 20 верстах от нас крестьяне явились всем обществом с телегами и мешками, отперли общественный магазин и увезли хлеб. То же было в других местах.... Жить в деревне становится невыносимо: и их жаль, и себя жаль"....

Другой помещик пишет: „Надо бежать пока не сожгли или не повесили на воротах. Происходит какая то пугачевщина. По деревне нельзя пройти, не услыхав в след угрозы. По-соседству на днях сожгли весь хлеб у земского начальника. Говорят, что надеяться нечего, надо итти самим и отбирать землю у богачей. Над теми, которые все еще надеются и что-то, ждут, открыто насмехаются и говорят: „Да, жди" **).

Выход из „безвыходного" положения для тамбовских крестьян, как видим, был вполне ясно осознан уже в 1901 году. Нужно было отбирать земли у помещика. В некоторых местах, где к тому представлялись возможности или был какой-либо предлог, осознание необходимости отобрания земель превратилось в действие.

Деревня Сухая Лукавка.

За 1902 год в донесении тамбовского губернатора министерству внутренних дел находится очень подробно описанное дело о гражданах села Сухой Лукавки, Усманского уезда, Демшинской волости, из которого переход от осознания в действие описывается с очень большой ясностью.

---

*) Там же вяз. № 149, дело 3000.
**) П. П. Мослич, Крест. движ. стр. 119.

Сущность дела была такова. В Демшинской земельной даче было 30000 десятин земли. Она была не размежована, в ней находились владения крестьян нескольких волостей: Демшинской, Бреславской, Нижне-Матренской, и более 100 частных владельцев. Эти владения были разбросаны кусками, чересполосно. Например, в участке деревни Сухой Лукавки, Бреславской волости, находилось по 1 по 2 десятины, по 5 десятин и даже по несколько саженей земли, принадлежащей частным владельцам, дворянам: Ярцевым, Нольде, Гиждеу, Симбер, Чухнину, Шишмаревой, крестьянину Федосееву, почетному гражданину Цветаеву и другим. До 1901 года все шло по-хорошему. Но в 1900 году крестьяне С. Лукавки, поделив на 12 лет свою землю, в 1901 году, в мае и июне самовольно поделили и частью запахали до 10 десятин земли владельцев Ярцевых, Гиждеу, Симбер, Цветаева. Названные владельцы пред'явили обществу С. Лукавки иски о восстановлении нарушенного владения. Иски были удовлетворены земским начальником и утверждены Уездным с'ездом.

1-го мая 1902 года при восстановлении нарушенного права владения сопротивления крестьян не было, но когда старшина хотел взять лошадь с сохою у крестьянина Лукавского общества, то уполномоченные обществом крестьяне запретили своему односельчанину дать лошадь. Земский начальник убеждал крестьян не брать самоуправно чужую землю

Между тем 25 марта было запахано еще 20 десятин земли частных владельцев, а 13 мая земский начальник снова удовлетворил иски частных владельцев

Не надеясь на свои силы, граждене С. Лукавки (их было 83 домохозяина) послали уполномоченных в село Московку, имеющую до 700 домохозяев. Земля их была в той же Демшинской даче и в ней так же, как и у с. лукавцев, были клочки частных владельцев, но московкинцы, несмотря на сочувствие, решились обождать запахивать частновладельческие земли, пока не выяснится результат захвата лукавцев.

Земский же начальник с исправником выехали с личным докладом к губернатору, где решено было принять строгие меры и не допускать захвата.

В это время лукавцы добыли копию с плана генерального межевания в 1816 году всей Демшинской дачи, где, конечно, клочков частновладельцев не оказалось и потому Лукавское общество чрез своих уполномоченных подало прошение губернатору на захват их земель частными владельцами и жалобу на земского начальника и полицию, препятствующих запахивать им свои земли. В прошении крестьяне просили прислать землемера для возобновления утерянных межевых знаков по генеральному межеванию и кроме того просили, чтобы частные владельцы представили доказательства своих прав на земли.

Губернатор оставил прошение и жалобу без последствий, на том основании, что крестьяне должны обратиться в суд, а самоуправно земель не запахивать.

Однако крестьяне 23 и 24 мая в числе 64 домохозяев разделили между собой до 90 десятин частновладельческой земли, за что земский начальник подверг каждого из них аресту на 3 дня, „так как крестьяне, делившие землю, не исполнили законных требований сельского старосты, волостного старшины, полицейского урядника, станового пристава, уездного исправника и местного земского начальника“. В то же время своему сельскому старосте крестьяне грозили убить или сжечь его.

Исправник донес губернатору, что 3 июня он вызывал двух уполномоченных деревни Сухой Лукавки и что они на предложение „вразумиться и остановиться от захвата чужой земли“ утвердительно заявили, „что земля общественная и они запашут и засеют ее всю без остатка“. А когда исправник предупредил, что придет с полицией и в его присутствии владельцы будут пахать и сеять свою землю, то уполномоченные ответили, что сопротивления они не окажут, но „после этого не будут пахать своей надельной земли, а останутся все без посева на 1903 год и будут голодающими“.

Таким образом все местные авторитеты власти были исчерпаны. Мы со всеми подробностями описываем этот факт потому, что в нем с замечательной выдержкой и настойчивостью действуют обе стороны. 5 июня в деревню Сухую Лукавку приехал „сам“ губернатор. Сход и представители села Московки и других сел и деревень встретили его „почтительно“. Губернатор снова взялся за раз'яснения и в конце предупредил, что если ослушаются его и приступят фактически к захвату чужой собственности, то он вновь приедет и подвергнет их „строгому административному взысканию“.

Уполномоченные, стоявшие впереди, пытались доказать губернатору, что на плане 1816 года участки частных владельцев не показаны. Губернатор приказал арестовать 4-х уполномоченных в присутствии схода и отослать в усманскую тюрьму. После ареста 4-х уполномоченных был арестован еще один крестьянин, пытавшийся спорить с губернатором.

Еще раз повторив крестьянам о необходимости вразумиться, губернатор уехал, будучи уверен, что „аграрный беспорядок прекращен“. О высылке 5 крестьян на 1 год из Тамбовской губернии он в то же время возбудил пред министром внутренних дел ходатайство.

Однако, несмотря на уверенность губернатора, 2 августа крестьяне засеяли и запахали 56 десятин земли, принадлежащей двум братьям Цветаевым, Ярцевым, барону Нольде, действ. стат. сов. Андрееву и Федосееву.

2 августа, во время засева, крестьян убеждал старшина, к вечеру прибыл пристав. 3 августа приехал земский начальник, 4-го августа—исправник, которому на сходе 64 крестьянина заявили, „что если они засеяли землю частных владельцев, а не свою, то пусть частные владельцы обратятся в суд и судом ищут с них, убытки, которые они охотно заплатят и понесут наказание, если на это есть власть и закон“.

11 августа в Сухую Лукавку прибыла рота Борисоглебского полка, а 12 августа приехал губернатор, и. д. начальника Тамбовск. жандармского упр., врач Александровский и другие власти и в присутствии частных владельцев 8 человек крестьян были подвергнуты „телесному наказанию розгами по 40 ударов каждый“.

15 августа рота солдат возвратилась в город Тамбов. Но дело и этим не окончилось. 7 сентября начальник Тамбовского жандармского управления доносит губернатору, что крестьяне Андросовки (она же Сухая Лукавка) не успокоились, что они считают наказание неправильным и что будущей осенью они никому не позволят взять посеянный ими хлеб.

К обществу деревни Сухой Лукавки был пред'явлен кроме этого гражданский иск в 2500 рублей, впоследствии жандармским управлением выяснено, что о недостаче 160 десятин земли у д. С. Лукавки надоумил крестьян волостной писарь Суров, за 3 десятины данной ему земли, а у некоторых частных владельцев действительно нет никаких данных на право владения и они даже не имели окладных листов на свои земли. Крестьяне же через губернатора подали прошение на высочайшее имя о размежевании земель Демшинской дачи в виду прироста населения и неимения на это собственных средств *).

Крестьянские движения в 1903 и 1904 году.

В фактах, приведенных нами выше, мы старались выяснить настроение деревни таким, как оно складывалось под влиянием экономических условий, существовавших в самой деревне самостоятельно, самобытно из тех предпосылок, которые существовали на местах и которые уже сами собой подталкивали крестьянство не только на мысли, но и на определенные действия по отношению к помещичьим землям. Но ведь крестьянство не было отрезано от жизни остальной России. В деревню самыми разнообразными путями проникали кроме того и посторонние влияния. Крестьянское „осознание“ не могло складываться совершенно без всякого внешнего влияния. Мы видели, какие письма писали своим семьям солдаты из Петербурга. В Борисоглебском уезде запасные и отставные содаты—„самый беспокойный элемент“—по отзыву земского начальника. Крестьянство Тамбовской губернии в обилии отлучилось на заработки в донецкие шахты, на Волгу, где пропитывалось психологией рабочих. В больших торговых селах, выросших за последние десятилетия в Тамбовской губернии, особенно по линиям железных дорог, появляются новые люди, которые тоже немало способствуют оформлению крестьянского „осознания“. По селам и деревням выросла многочисленная сеть школ, где среди большинства учительниц поповских дочек, появился разночинец, а иногда и крестьянин. В волостных и сельских правлениях далеко не всегда были только свое-

*) Тамб. Губарх. секр. стол Губер. вязка № 159, дело 3113.

корыстные Суровы, у многих зажиточных крестьян и кулаков, у сельских торговцев, были учащиеся „студенты". Увеличение количества грамотных в деревне не могло не привлекать туда книгу и газету. Все это делало крестьянина восприимчивым и очень чутким к тому, что происходило вокруг, вне деревни, в городе, на заводах и фабриках. Не проходило, конечно, мимо деревни и политическое оживление в рабочей среде, а вместе с тем и усиление работы политических партий.

В 1903 году „секретный стол губернатора" и Тамбовское жандармское управление считали Тамбовскую губернию уже как одну из наиболее беспокойных и ненадежных. По закону 1903 года (май) об усилении полиции стражниками, в Тамбовской губернии стражники введены были в первую очередь вместе с другими 15 губерниями.

Уже в 1903 году можно установить факт проникновения в Моршанский уезд, Тамбовской губернии, преступных изданий, часть их была поднята крестьянами на базаре в селе Сосновке. Распространялись преступные издания и по другим уездам. А кроме преступных изданий распространялась еще и „преступная пропаганда" о необходимости борьбы. Сейчас мы не будем описывать ни содержания, ни форм этой „преступной пропаганды", а только отметим, что она уже была. Не будем забывать, что „преступная пропаганда" уже проникла в деревню и была отнюдь не малой причиной в деле обострения отношений между крестьянством и помещиком-землевладельцем.

Факт нахождения „преступных изданий" приводится одним из должностных лиц в донесении о беспорядках крестьян в имениях Бенкендорфа и Безобразова. У первого „за осень было около 10 случаев загона скота в экономические дворы", при чем крестьяне не обращают никакого внимания на штрафы и продолжают самовольную пастьбу. С половины мая до 1 ноября в имении Бенкендорфа было 5 случаев пожаров с подозрением на поджог.

В имении же статс-секретаря Безобразова поджоги имели место в июле месяце *).

В донесении земского начальника губернатору от 25 июля указывается, что в Островской волости в течение трех недель в имении Безобразова при с. Хлыстове было 14 пожаров, в имении Пейкер при с. Островке—4 пожара. Каждый раз горело сено в стогах, копны в полях и скирды на гумнах, в которых „неоднократно находили фитили и другие снаряды для поджогов". Удалось поймать на месте преступления только одного поджигателя, который был заключен в тюрьму. „Поджоги... производятся крестьянами, чтобы заставить землевладельцев продать им свои имения. Пожары крайне тревожат землевладельцев **).

Интересное по своим особенностям дело с потравами было в первых числах мая 1903 года в Липецком уезде, в деревне Яблоново-Свиньино, Ивановской волости, где крестьяне имели всего половину десятины надела на душу.

*) Тамб. Губарх. секр. стол Губ. вязка № 19, дело 594.
**) Там же. Вязка № 169, дело 3284.

Отношения крестьян этой деревни к соседнему помещику Салазкину все время были по отзывам липецкого исправника хорошими: они брали у помещика землю за обработку и за плату, производили полевые работы по найму и тому подобное. Помещик Салазкин отдавал крестьянам бесплатно „пар для покоса“ и отаву после покоса.

Здесь, как мы видим, ярко были выражены те полукрепостные отношения, о которых мы говорили выше.

С весны 1903 года отношения крестьян к помещику стали меняться. Около деревни Яблоновой был помещичий луг в 33 десятины. Каждую ночь крестьяне начали гонять сюда скот и лошадей. Замечания об‘ездчиков оставались без всякого внимания, крестьяне продолжали производить пастьбу. Но дело одним только этим не ограничилось. Неприязненное отношение начали высказывать крестьяне не только по отношению к самому помещику, но и к служащим имения. 15 мая толпа крестьян подошла к ограде усадьбы Салазкина и, когда появился садовник Салазкина, толпа начала кричать на него: „лови, бей его“. При этом в садовника полетел камень и послышались угрозы поджогом. Вечером того же дня об‘ездчик Салазкина поехал в деревню оповестить жителей идти на работу, но не мог сделать этого, так как его грозили убить. То же было с другим об‘ездчиком: в него встретившийся крестьянин бросил камень и закричал:

— Не смей здесь ездить, а то я убью тебя.

Обо всем этом Салазкин известил земского начальника, но последний сам не поехал, а послал старшину и волостного писаря, которые в сопровождении об‘ездчиков направились на помещичий луг, где застали много народа и лошадей. При приближении старшины толпа пододвинулась к нему с криком:

— Бей его, он нанялся в об‘ездчики к Салазкину.

На крик всполошилась вся деревня, послышались тревожные свистки. Старшина принужден был уехать.

16 мая в деревню приехал пристав, собрал сход и начал говорить о незаконных поступках крестьян, при этом помещик отдал крестьянам в пользование стравленный ими луг. Потом пристав произвел о беспорядках дознание и привлек виновных крестьян за самоуправство к ответственности. Это было сделано быстро, царские чиновники умели делать так, чтобы это производило впечатление: к 12 часам дня дознание было закончено. В 6 часов вечера начался на площади разбор дела земским начальником и к 9 часам вечера был готов приговор которым 11 человек крестьян были признаны виновными в преступлении по 142 ст. Уст. о наказаниях и приговорены к 3-х месячному аресту.

Приговоренных сейчас же под конвоем конного урядника отправили в волость. Бабы покричали, „но тем дело и кончилось“. Оставшиеся крестьяне ходатайствовали о смягчении участи осужденных, так как „виновны не одни только обвиненные“.

Хотя „тем дело и кончилось“, тем не менее в имении Салазкина на всякий случай, очевидно из боязни мести, были оставлены пристав, урядник и 20 сотских.

Но уже и в 1903 году дело не всегда кончалось „умиротворением“ крестьян одними только административными арестами, высылками и штрафами.

В Моршанском уезде, в селе Колударове, Николо-Островской волости, в имении земского начальника, осенью начались потравы озимей и одергивание сена в стогах. Земский начальник приказал старшине собрать сход в Колударове и пред'явить крестьянам требование нанять сторожа или учредить очередной караул за лошадьми Крестьяне ответили отказом и тогда земский начальник стал загонять лошадей и брать с крестьян штраф. Это не подействовало. Тогда земский начальник приказал сельскому старосте Дырину повторить его требование о найме сторожа и карауле лошадей. Но староста вместо того, чтобы убеждать крестьян исполнить требование земского начальника, убедил их в том, чтобы они подали прошение о переводе земского начальника в другой участок. Это было 10 октября, а на сходе 20 ноября, когда собралось из всех 143 домохозяев лишь 97 человек, было об'явлено об увольнении старосты Ивана Дырина и его кандидата постановлением Уездного с'езда и об избрании нового старосты и кандидата. Сход об'явил, что подписки в об'явлении ему предписания земского начальника они не дадут, а нового старосту не изберут, так как увольнение Дырина и его кандидата Кульгина—незаконно.

17-го декабря в село Калударово прибыл земский начальник и становой пристав, был собран сход и избран новый староста Василий Медведев. Сход окончился и крестьяне разошлись по домам.

Но вдруг неожиданно для всех на улице послышался крик. Оказалось, что пьяные стражники арестовали Ивана Дырина, бывшего старосту и еще пятерых крестьян. Родные их кричали и умоляли, чтобы с арестованными не обращались дерзко. Арестованных увели в усадьбу Иванова, но вскоре стражники снова появились на селе, чтобы арестовать еще двух крестьян и кроме того взять теплую одежду для арестованных раньше, так как всех арестованных предполагали отправить в г. Моршанск.

Тогда у усадьбы Иванова, расположенной шагах в 100 от церкви, собралась толпа народа человек в 60. Пристав потребовал, чтобы толпа разошлась, однако она продолжала кричать и требовать, чтобы арестованных отпустили домой. Толпа окружила пристава, урядника и 3 стражников. Пристав со стражниками уехал доложить обо всем исправнику, а в это время ударили в набат, народу собралось еще больше и толпа направилась внутрь усадьбы Иванова—к людской избе, где, предполагалось, находятся арестованные. Бывшие в усадьбе 5 урядников и 11 стражников начали оттеснять толпу человек в 200. Толпа наседала, в стражников полетели комья мерзлой земли и палки от разобранной

изгороди, закричали „ура“. Стражники обнажили шашки и будто бы начали защищаться от нападавших. Один из урядников выстрелил в воздух, что приостановило толпу. Она отхлынула

В это время к толпе вышел исправник и сначала не мог говорить от крика толпы, затем толпа стихла и стала требовать отпустить арестованных.

—Бери нас всех.... отдельно арестованных не отдадим и требуем освободить....

Толпе было об‘явлено, что всех принимавших участие в беспорядке перепишут и старшина назвал одну фамилию—толпа попятилась назад и отошла за мост, но кричала, что из села они никого не выпустят.

После того крестьяне, вооружившись вилами, топорами и косами, заняли все дороги из села. В виду таких обстоятельств арестованные крестьяне были отпущены и ночь прошла спокойно.

На другой день,—18 декабря, старшиною был собран сход, на который явилось всего только 50 человек, в числе которых были подлежащие аресту, последние отказались добровольно идти под арест, „а остальные крестьяне категорически заявили, что они не отдадут арестованных“.

При столкновении со стражниками 5 человек были тяжело ранены, трое из которых были отправлены в Земетчинскую больницу, а 2-х оказавшихся при смерти священник „приобщал и напутствовал, опасаясь их смерти“.

Крестьяне за подписью 140 человек направили губернатору жалобу, но чем она закончилась—неизвестно.

В 1904 году о настроении крестьян по отношению к помещикам мы можем составить себе представление по двум фактам, имеющимся в нашем распоряжении, из двух противоположных концов Тамбовской губернии: из Борисоглебского и Темниковского уезда.

Весною 1904 года крестьяне Борисоглебского уезда, Мало-Грибановской и Павлодарской волости, начали травить степи князя Волконского.

Крестьяне села Григорьевки, М.-Грибановской волости, и села Павлодара с первых чисел мая начали выгонять свой скот и лошадей на степи Волконского. Когда служащие Волконских начали сгонять скот, то крестьяне осыпали их не только бранью, но и камнями, а 7-го мая кто-то из толпы крестьян произвел в служащих выстрел, ранив несколькими дробинками двух служащих-об‘ездных.

По сообщению земского начальника 5 участка оказывается, что в Павлодарской и соседних волостях распространяются „противоправительственные прокламации, возбуждающие к неповиновению властям и нападению на владельческие земли“.

Стрельба из ружей крестьян, пасущих скот на Волконских степях, навела панику на служащих, они уже больше не решаются сгонять крестьян „со степей“; приглашали урядника и стражников, но и эти власти вынуждены были спасаться бегством—также была стрельба, бросание кирпичей и камней.... „Грозили убийством, поджогом“.

4 июля по делу, возбужденному конторой имения, земский начальник присудил 7 крестьян с. Григорьевки и одного крестьянина села Павлодара к аресту за потравы на три месяца, а 3 крестьян деревни Никольской, Павлодаровской волости, к штрафу на три рубля.

Через день после этого, в ночь под 6 мая, хутор Волконского, ближайший к месту потравы, где жил присутствующий на суде поверенный Волконского, был подожжен в нескольких местах. При этом сгорели: „скотный двор, сбруя и масса свиней, а также омсты соломы". В степи же в это время потравщики любовались огнем и помощи на пожаре не оказали.

В поджоге подозревали крестьян, осужденных земским начальником, против которых было возбуждено новое судебное дело.

9 июля земским начальником были возбуждены еще 3 дела „о буйстве и насилиях" против 6 крестьян села Посевкина, Заполатовской волости и 2 крестьян с. Павловки, Павлодарской волости. Причем „масса буянов не обнаружены и обнаруженные скрывают остальных".

Сообщая о таком положении губернатору, земский начальник пояснял, что „прокламации распространяются проживающим в селе Павлодаре крестьянином Саранского уезда, Пензенской губернии, раз'езжающим по селам „под видом продажи товара"*).

В то же время, на другом конце губернии, в Темниковском уезде, в имении Новосильцева—председателя дворянства Темниковского уезда, крестьяне деревни Заулок составили приговор, которым постановили: землю у Новосильцева не снимать, „контракт не подписывать, потому что эта земля принадлежит сельскому обществу".

Крестьяне деревни Заулок в течение 23 лет арендовали смежную с их наделами землю Новосильцева в количестве 641 десятины—пахатной и луговой за 1740 рублей в год. Ежегодно подписывался арендный контракт и недоразумений не было.

Получив приговор, владелец об'явил крестьянам, что если они не подпишут контракта, то земля будет сдана другим. А земский начальник после этого приговора уволил старосту деревни Заулок.

Когда подошло время, крестьяне начали пахать землю, а часть лугов скосили и при этом об'яснили, что за давностью лет они не помнят межи и что „только казенный землемер может указать им правильные границы крестьянского надела". Землемер был вытребован Новосильцевым, но когда он приступал к работе толпа в количестве человек 1000 с бабами и грудными ребятишками пришла к месту восстановления меж и прекратила работу. При чем толпа шумела и грозила полицейской страже побоями и стрельбой. Количество полицейской стражи было недостаточно, потому она была бессильна водворить порядок.

Собрав с двух уездов Темниковского и Елатомского уездов до 100 человек стражников, в деревню Заулок ездил губернатор. Ему уда-

---

*) Тамб. Губарх. секр. ст. Губ. вяз. № 177, дело 3319.

лось, оттеснив баб к избам, уговорить мужиков не производить „буйства и неповиновения“. Был выбран новый староста и проверены межи *).

О беспорядках в деревне Заулок и о помещике Новосильцеве у нас имеются еще некоторые данные, чтобы иметь более полное представление о всех обстоятельствах дела. Эти обстоятельства интересны в двух отношениях. Они устанавливают прямую связь событий во-первых с результатами реформы 1861 года, указывая, что беспорядки были прямым следствием этой реформы, с другой стороны на д. Заулок отражалось влияние настроений, принесенных из рабочей среды. Наконец, интересна физиономия владельца имения Новосильцева, как либерала помещика-кадета.

Крестьяне сел и деревень вокруг имения Новосильцевых твердо верили, „что придет время—земля будет наша“. Озлобление против помещика было очень сильное еще со времени „освобождения“ крестьян, особенно у крестьян деревни Заулок, которые были посажены на нищенский земельный надел. Из земли, обрабатываемой ими во время крепостного права, были сделаны большие отрезки в пользу помещика. Заулокские крестьяне не хотели платить за свои наделы выкуп.—При проведении реформы в дер. Заулок была жестокая порка крестьян. Господская земля, подходила к самой околице крестьян и им ничего не оставалось как арендовать ее за отработки. Когда в 1878 году имение было куплено Новосильцевым, крестьянам за арендную землю приходилось ездить за 10—12 верст копать картофель для винокуренного завода Новосильцевых. Особенно начали обостряться отношения к помещику, **когда молодежь начала отлучаться на заработки в Нижегородскую губернию на Вукосинский чугунно-литейный завод**. Раньше крестьяне старались вести борьбу с помещиком законными мерами: они посылали ходоков в Петербург, стараясь доказать, что земля, которую они „испокон веков“ обрабатывают, принадлежит им, что план у Новосильцевых не верный, что у них есть свой план, что он хранится в церкви. Инцидент с землемерами описывается немного иначе. Когда землемеры приехали ставить столбы и проводить межи, то все население д. Заулок с детьми и необходимым скарбом переселилось на спорную землю. Поставленные землемером столбы были повалены, межи сравнены с землей. Землемеры бежали. Дело было в покос и крестьяне жили здесь несколько дней и были настроены настолько решительно, что ждали, что все окончится очень плохо: решили бороться до смерти и просили попа даже причастить их.

Борьба за землю, в конце концов, кончилась тем, что Новосильцевы принуждены были продать землю крестьянскому банку, а последний продал ее крестьянам д. Заулок. Когда жена Новосильцева, выходя из церкви, упрекала крестьян в том, что они купили землю не у них, а у банка, то седой крестьянин ответил ей:

---

*) Тамб. Губер. сек. ст. Губ. вяз. № 177, дело 3316 л. л. 22,23.

— Ешь нас собака, да незнаемая....*)

Приводимые нами факты нельзя рассматривать как единичные. В описываемое нами время со всех концов Тамбовской губернии доносились известия о глухом брожении среди крестьянства. То там, то здесь это „глухое брожение" в самых разнообразных формах прорывалось наружу. Формы эти далеко не всегда носили характер столкновений и конфликтов. Но дело в данном случае не в форме, а в том, что жизнь привела крестьянство вплотную к необходимости разрешения аграрного вопроса и разрешения только путем увеличения крестьянских наделов за счет помещичьих владений. Массовая крестьянская мысль была приведена всей суммой условий его существования к сознанию единственного возможного выхода—увеличения земельного надела. Иногда выражение этой необходимости наивно сочеталось с верой в царя.

Например в Козловском уезде, в деревнях, прилегающих к огромному имению Белосельских-Белоозерских, по поводу распланировки господских полей крестьяне заявили, что распланировка делается по приказу царя для передачи земли крестьянам. Исправнику крестьяне, между прочим, показали в календаре предсказание Брюса об открытии новых земель, из которого они заключили, что им должна быть прирезана земля.

Аграрное движение крестьян Тамбовской губернии выразилось в ряде аграрных беспорядков в селах—Уварове, Шибряй, д. Федоровке—в виде потрав, поджогов, а местами и побоев помещичьих служащих и урядников. Аграрный террор был в большом ходу.

Местами крестьяне обнаружили необычайно наивную веру в помощь „начальства". Так крестьяне Борщевки, Арановской волости, Тамбовского уезда, составили такой приговор: „Просить" казначейство „отобрать от помещицы Никитиной и наследников Лебедевой принадлежащие им земли, передать эти участки названному обществу крестьян, оставив для помещиков столько земли, сколько им будет нужно. За отобранную и переданную землю—сказано в приговоре,—заплатить должен крестьянский поземельный банк". Понятно, такого приговора земский начальник не утвердил, но крестьяне были уверены и ждали, что вскоре, „придут нарезать для них землю"....**)

Аграрные беспорядки крестьян, происходившие в Тамбовской губернии, имели, конечно, далеко не одно только местное значение. Тем более, что в некоторых губерниях ранней весной еще 1902 года крестьянские движения приняли стихийный характер, захватывая целые уезды. В Полтавской губернии с средины марта 1902 года в несколько дней было разгромлено 54 усадьбы. Из Полтавской губернии движение перешло в Харьковскую, в уезды Валкский, Богодуховский. В первом уезде было разграблено „25 экономий и две усадьбы сожжены".

---

*) Второй вариант описания волнения крестьян д. Заулок взят из воспоминаний, предоставленных нам Е. Я.

**) Мослов П. П. Крестьян. движ. ст. 129. 130.

Здесь движение имело причиной малоземелье, высокие арендные цены, общее обеднение крестьян и голодовка людей и скота. Эти волнения нашли отклик в Херсонской, Екатеринославской, Бессарабской и Черниговской губерниях. Значительное движение крестьян происходило в Саратовской губернии. Из не черноземных губерний движения крестьян были в губерниях: Псковской, Пермской, Екатеринбургской. В Закавказье сильные движения крестьян происходили в Гурии.

Ввиду этого, департамент полиции еще в 1902 году разослал циркуляр всем губернаторам.

„Из поступивших в д. п. сведений усматривается, что распространение среди сельского населения империи революционных изданий осуществляется в большинстве случаев следующим образом: в том или другом районе появляются неизвестные молодые люди, которые, проезжая в железнодорожных поездах и в экипажах или верхом по проселочным дорогам, а равно из вагонов и экипажей или проходя пешком по селам и деревням, разбрасывают имеющиеся у них книжки и брошюры революционного содержания, или раздают таковые встречным крестьянам, рекомендуя их читать и передавать для чтения другим.

Нередко издания эти тайно подбрасываются во дворы и постройки крестьянских усадеб и явно на ярмарках и базарах в крестьянские телеги, а затем развозятся самим населением по отдаленнейшим глухим местам. Упомянутые книжки и брошюры охотно читаются сельским населением и по прочтении передаются без всякого злого умысла от одного лица к другому, причем наблюдались даже случаи публичного чтения таких изданий среди целой толпы крестьян.

По ознакомлении крестьян с содержанием означенной литературы, среди них возникали толки о предстоящем разделе помещичьей земли и более или менее натянутые отношения с местными землевладельцами, и лишь по прошествии значительного промежутка времени уездная полиция, встревожившись сведениями о происходившем среди крестьян брожении, прибывает на место, где узнает лишь, что проходившие или проезжавшие неизвестные люди раздавали встречным крестьянам книги и так далее“.

Движение крестьян далеко не носило изолированного характера, оно сливалось с другим мощным движением русского пролетариата. Еще в 1896 году петербургский пролетариат грозно заявил о своем недовольстве стачкой, охватившей несколько десятков тысяч ткачей. С тех пор стачки рабочих возникали то там, то здесь. В 1902 году всеобщая стачка в Ростове на Дону революционизировала весь город. В 1903 году волна крупных забастовок, носящих политический характер и сопровождавшихся демонстрациями, разгоняемыми силою оружия, прокатилась по югу России, начавшись в Баку (Одесса, Николаев, Харьков, Киев, Екатеринослав).

С 1903 года стало ясно, что Россия вступила в полосу крупных политических событий. Оживление революционных движений пролетариата и крестьянства вызвало организацию политических партий: пролетарской—социал-демократической партии, затем мелко-буржуазной—

под именем социалистов-революционеров и, наконец, целый ряд буржуазных партий, начиная от либеральных и кончая реакционными и монархическими.

В Тамбовской губернии к этому времени социал-демократические организации существовали в Козлове, Тамбове, Борисоглебске.

В 1901 году в Борисоглебске были две забастовки железнодорожных рабочих. В 1903 году забастовки в Борисоглебске повторились. В 1901 году была забастовка одновременно с борисоглебской и среди тамбовских железнодорожников.

Кроме социал-демократических организаций в Тамбовской губернии существовала партия мелкой буржуазии—социалистов-революционеров; партия либеральной буржуазии—конституционно-демократическая; существовали также в Тамбовской губернии и организации монархистов под именем „Союза истинно-русских людей" и „Всероссийского антиеврейского союза" *).

В 1904 году началась русско-японская война, вызванная хищной политикой русского самодержавия на крайнем востоке—в Корее, где русские хищники капитала встретились с японскими хищниками. На берегах р. Ялу—в Корее русские войска понесли первое поражение, они не прекращались потом на протяжении всей войны. Русско-японская война была сплошным позором для русского самодержавия. Война закончилась падением Порт-Артура (декабрь 1904 года), разгромом русских армий и потоплением почти всего русского военного флота, кроме черноморского. Война безусловно ускорила революцию.

Приближение революции сознавалось и царским правительством. Оно чувствовало, что волны народной скорби и народного гнева подкатываются к самому трону, волны поднимаются все выше, что они угрожают снести самодержавие. Самодержавие чувствовало, что оно одиноко, что, опираясь на один чиновниче-административный аппарат, оно не устоит пред наростающим движением рабочих и крестьян. Правительство струсило и устами министра внутренних дел князя Святополка-Мирского обратилось ко всему русскому обществу со словами доверия.

Результатом высказанного доверия был целый поток „петиций"—просьб, направленных дворянами и земцами к царю из разных концов России. „Царь, пока еще не поздно—писали харьковские помещики—повели созвать лучших людей государства"... **).

Расстрелы рабочих 9 января 1905 года в Петербурге были первым крупным поражением русского самодержавия, нанесенного ему рабочим классом.

Самодержавие было убито не только в сознании русского пролетариата и крестьянства, но даже в сознании русской либеральной буржуазии, сознававшей необходимость ограничении произвола и безконтрольности самодержавия особым договором с народом—конститу-

---

*) Данные о политических организациях и рабочем движении взяты из работы Филиппова и Черменского „Рабочее движение в Тамбовской губ.".

**) Привожу эту цитату по памяти.

цией, в которой русский самодержец должен был признать необходимость считаться с Народной Думой и управлять через правительство, ответственное перед Думой.

В рабочей среде влияние событий 9 января отозвалось волной политических стачек. Стачки охватили по приблизительному подсчету 122 города и местечка и 10 железных дорог.

В Тамбовской губернии стачки протеста против расстрела рабочих 9 января начались уже в январе месяце в городе Тамбове на заводе Петтера, в Козлове на железной дороге, в Борисоглебске—тоже на железной дороге.

Ответом на повсеместные волнения со стороны правительства был опубликован Булыгинский проект созыва народных представителей, в котором предполагалось созвать только помещиков и буржуазию, но и то только в качестве совещательного органа, не обладавшего никакими законодательными правами. По Булыгинскому проекту за рабочими и крестьянами не признавалось права даже на совещательный голос, хотя самая необходимость созыва Булыгинской Думы была продиктована правительству отнюдь, конечно, не петициями либерального дворянства. Нет. Булыгинская Дума явилась результатом именно грозного движения рабочих и крестьян. Булыгинская Дума имела целью умиротворить это движение. Самодержавие само было не в силах сделать этого и оно хотело призвать на помощь „лучших людей". Но уже было слишком поздно. Скоро, как мы увидим на примере движения крестьян Тамбовской губернии, народ сам заговорил о своих правах, сам начал брать от жизни то, что было ему нужно, не дожидаясь „монаршей милости" и царское самодержавие, не доведя до конца свои проекты с Булыгинской Думой, кругом очутившись в осаде восставших рабочих и крестьян, должно было сдаться.

1905 год.

Характеризуя в начале года положение губернии, тамбовский губернатор писал министру внутренних дел, что пропаганда достигла наибольшей напряженности, „стремясь дискредитировать в населении уважение к правительственной власти и уклонить его от повиновения ей, для чего население призывалось в многочисленно распространенных революционных листках и в подпольных изданиях к об'единению для ниспровержения существующего государственного порядка".

„16 января в Челнавской Слободе, Козловского уезда, вечером в одной избе 6 человек крестьян разговаривали о войне и противоправительственной пропаганде. Во время их разговора в избу вошел помощник волостного писаря, Андреев, и, услыхав разговоры крестьян, сказал: „А что вы понимаете в этих листках: в них пишут правду в нашу пользу и по этим листкам наш государь скоро слетит к чорту и к весне его не будет". Один из присутствующих крестьян донес о

происшедшем уряднику. Узнав о том, что урядник хочет составить протокол на Андреева, волостной писарь Дякин сказал ему: „если вы напишите на моего помощника протокол по политическому делу, то мы весь Петербург к чорту разнесем и полиции не будет". Оба были уволены, а Андреев, кроме того, привлечен к ответственности по 103 статье за оскорбление величества. По этому же делу были уволены учитель и учительница".

17 февраля был донос на врача с. Уварова Борисоглебского уезда С. М. Рубиновича, что он, проводя чтение в казенной чайной лавке общества трезвости, высказал мысль, что „забастовки и бунты он считает явлением вполне нормальным и справедливым средством воздействовать на правительство, от которого народ так много терпит". При дознании выяснилось, что указанный врач и учитель П. Ф. Уваров показывали крестьянам туманные картины и Рубинович раз'яснял порядки С.-Американских Соединенных Штатов и сказал, что там все равны, царя нет, а президент выборный.

Сельский староста с. Подоскляй распечатал письмо, присланное на имя крестьянина Козлова, которого он считал подозрительным. В конверте оказался листок преступного содержания под заглавием „Послание священника Гапона к рабочим". Крестьянин ранее 6 лет жил в Тамбове у Шатова. Предположительно, дети Шатова студенты, прислали означенное письмо Козлову для распространения среди крестьян".

18 марта департамент полиции писал тамбовскому губернатору: „в департаменте полиции получены из агентских источников сведения, что среди крестьянского населения Тамбовской губернии замечается сильное брожение, вызванное преступной пропагандой лиц, появляющихся среди крестьян в виде студентов и чинов разных ведомств, так, между прочим, в с. Трубетчино, Лебедянского уезда, в последних числах названного месяца несколько студентов подстрекали местных крестьян к разгрому окрестных помещичьих усадеб и сахарного завода графа Толстого, в других же местах этого же уезда расклеено, будто бы с разрешения власти, правительственное об'явление об отмене подушной подати с заменой ее прогрессивно-подоходным налогом. Пропаганда эта весьма опасна для землевладельцев, главным образом, в местностях, значительно удаленных от мест пребывания чинов полиции и других административных властей, которые лишены возможности оказать им в отдельных случаях защиту и покровительство" *).

Крестьянские движения в 1905 году в Тамбовской губернии по их характеру приходится делить на два периода: период до 17 октября и период после 17 октября.

Волнения крестьян весной 1905 года проявились характерно в уездах: Кирсановском, Тамбовском, Лебедянском, Липецком и Моршанском. Волнения начались во время раннего сева яровых.

В Кирсановском уезде, в Трескинской волости, из д. Болотово в имение Миронова, 3 апреля явились крестьяне в числе 60—70 домо-

*) Три последних документа любезно предоставлены нам П. Н. Черменским.

хозяев и заявили хозяину, что они запрещают ему сеять свою землю. Если же он не послушается их и засеет, то они на хлеб „наложат арест, и свезут его себе".

Шести домохозяевам, своим односельчанам, арендовавшим землю у Миронова, крестьяне запретили сеять снятую исполу землю.

Кроме того, составив приговор, крестьяне установили следующую плату: „сеять и пахать в одну пашку яровую землю—5 рублей, в две пашки—10 рублей. Поденную плату установили мужчине—1 руб. в день, женщине—50 копеек в день, а кто наймется дешевле, тот уплачивает обществу штраф в 3 рубля В приговоре оговаривалось, что крестьяне соседних сел не имеют права наниматься дешевле установленной болотовцами платы.

Владелец Миронов известил об этом земского начальника, который призвал старосту и спросил его о приговоре. В то время все крестьянские приговоры, прежде чем вступить в силу, должны были утверждаться земскими начальниками. Староста ответил земскому начальнику, что такого приговора не было.

На сходе собранном земским начальником, все крестьяне ответили, что приговора они не составляли и к Миронову не ходили.

Свидетельскими показаниями земский начальник установил, что приговор был составлен и в качестве подстрекателей были установлены 6 крестьян. Однако, земский начальник не решился по отношению к ним принять каких нибудь мер административного воздействия, а представил свой доклад на распоряжение губернатора*).

В апреле же месяце движения крестьян возникли в Кирсановском уезде в волостях: Богословской, Курдюковской, Калугинской. Движение это перекинулось из Кирсановского уезда в Пичерскую волость, Тамбовского уезда. Во всем районе крестьяне составляли однообразные приговора, в которых устанавливали определенную плату за изделыные работы. Плата эта была выше той, которая была установлена владельцами.

В приговорах же устанавливалась арендная плата за землю—ниже той, которая существовала. В приговорах оговаривалась необходимость следить, чтобы и свои одообщественники и пришлые рабочие не нанимались ниже установленной платы.

В село Богословку выехал вице-губернатор Суковкин и рота Бобровского полка с одним офицером и 62 нижними чинами.

В дер. Ильинке сход потребовал прекращения общественных работ у землевладельца Андриевского В. М., где производили работу крестьяне деревни Спасской.

Ильинцы в приговоре требовали для себя полного надела— они получили дарственный четвертной надел—и доказывали вице-губерна-

*) Тамб Губарх. сек. ст. губ. вяз. № 189, д. 3480.

гору, что „без выполнения их требований им жить невозможно“. Действие скопом, при снятии с работы спасских крестьян, они отрицали. Подстрекатели—5 человек были арестованы. При аресте ильинцы были очень неспокойны, но в виду наличия роты солдат и стражников никаких действий не проявили.

Вице-губернатор просил старосту об‘яснить сходу „нелепость и незаконность“ их требований и обещал сходу ходатайствовать пред губернатором о скорейшем освобождении арестованных. На другой день ильинцы стали на работу.

7 апреля в Курдюковской волости крестьяне составили приговора и пред‘явили их в имении Шабаловка-Дубовицких и в имении Кашарка-Ланских и сняли у них всех экономических рабочих. Также было сделано в деревне Ново-Калугиной, Калугинской волости.

На сходе в Шабаловке, Кашарке и Каравае вице-губернатор с земским начальником об‘яснили, что договора с владельцами крестьяне могут заключать какие угодно, но скопом действовать не имеют права. После уговоров снятые рабочие стали на работы.

В селе Садках по отношению к имению княгини Белосельской была та же история. Без вмешательства силы, одними уговорами, порядок был восстановлен. *).

В то же время в Васильевской волости в селах Васильевке, сельце Варваринке, деревне Ивановке на общем сходе крестьяне пред‘явили землевладельцу Малевинскому В. И., чтобы он сдал им землю исполу. Между тем зимою те же крестьяне заключили договор с экономией Малевинского арендовать землю из двух пятых частей Крестьяне вошли в соглашение друг с другом и заключили договор, что никто из них не может являться на работу в имение Малевинского по зимнему условию; нарушивший это должен платить штраф 5 рублей и кроме того, если кто пойдет в имение Малевинского из посторонних, крестьяне должны будут останавливать и возвращать обратно.

Явившийся в имение земский начальник приказал крестьянам стать на работу по зимнему условию.

Крестьяне вели себя тихо и обещались в воскресенье 10 апреля приступить к дележке земли и обработке. Крестьяне деревни Нижние Пески, Васильевской волости, предложили такие же условия землевладелице Олив М. И **).

В Булыгинской волости крестьяне также пред‘явили владельцам различного рода экономические требования.

Крестьяне деревни Новой Зеленовки 21 апреля явились к землевладельцу Крючкову В. С. всем обществом, во главе со старостою, и требовали сдать им паровую землю по установленной ими цене 8—10 рублей за десятину, а когда получили отказ, то пригрозили, что самовольно запашут 60 десятин и будут пускать на землю владельца пасти свою скотину.

---

*) Там же. Вяз. № 190, д. 3495 л. 24-26.
**) Там же. Вяз. № 190, д. 3495 л. 4-5.

Крестьяне дер. Чуповки пред'явили такие же требования землевладельцу Вальгардт, „предварительно отказавшись поступать к нему на работы".

Крестьяне села Малой Паревки пред'явили требование сдать им землю землевладельцу Боброву К. Ф. крестьянину также с угрозой самовольной запашки.

Крестьяне села Булыгина и дер. Воронцовки пред'явили точь в точь такие же требования (8—10 р.) управляющему имением Мартынова.

Крестьяне деревни Воробьевки кроме такого же требования пригрозили землевладельцу Москалеву С. И. травить своим скотом его луга

После увещевания на сходах становым, крестьяне деревень Новой Зеленовки, Чуповки, и села Малой Царевки „успокоились и отказались от своих требований". Крестьяне же деревни Воробьевки, Воронцовки и села Булыгина „упорствовали", но ничем самоуправства не проявляли.

В селе Булыгине и дерев. Воронцовке главными „подстрекателями" были сельские старосты.

Как видим, все весенние движения крестьян имели характер сезонный.

В мае месяце 21 числа в имение Дурново, в Соколовской вол., к владельцу имением пришли крестьяне дер Синих Кустов и заявили ему, что они желают снять под озимь землю. Дурново ответил, что он никогда не сдавал землю, так как ее мало и для него самого. Крестьяне ответили на это, что они все-таки сеять будут, „а так как паровая земля сейчас уже вспахана и скот пускать некуда, то они выпустят его на пастьбу в владельческие луга и овраги (где также производится сенокос), что и сделали 22 мая". Когда служащие хотели согнать скот, то крестьяне оказали сопротивление кольями, которые они бросали в служащих.

На место выехал исправник, пристав и стражники. Крестьяне признали себя виновными и говорили, что их подбивал на преступление староста и еще несколько крестьян, которые были арестованы и препровождены в Тамбов*).

В июле крестьяне дер. Спокойной, Куровищинской волости, намеревались свезти с поля имения графини Васильевой-Шиловской копны ржи, но выездом на место урядника со стражниками и созывом схода эти намерения были предупреждены. Владелица поплатилась всего только несколькими копнами. Виновных в подстрекательстве обнаружить не удалось**).

В июле же месяце тамбовский губернатор донес департаменту полиции, что беспорядки в Кирсановском уезде прекращаются. Из имения Петрова-Соловова увезено более 2500 копен ржи. Из имения

*) Там же Вяз. № 189, д. 3471.
**) Там же Вяз. № 187, д. 3421.

князя Шаховского, с хутора Николино, увезено до 1000 копен. В виду большого района „грабежа“ вызвана в Кирсановский уезд вторая рота пехоты. Арестовано 24 человека.

Смута по донесению губернатора идет из соседнего Балашовского уезда, Саратовской губернии, где главным агитатором является священник села Михайловки, которого, по мнению губернатора, необходимо удалить *).

По дополнительному донесению губернатора от 20 июля видно, что в район волнений он выезжал сам, при чем крестьяне дер. Балакиревой „тотчас же раскаялись в совершенном ими разбое и начали возвращать награбленное“.

Крестьяне дер. Меркунь начали возвращать солому и обмолоченное зерно после ареста нескольких крестьян. Арестованная молодежь была отпущена, при чем один из них был наказан розгами, по донесению губернатора, родителями, а двое других „обоюдно друг друга“. Крестьяне дер. Моршань „замешанные в грабеже у Петрова-Соловово, князя Шаховского и в экономии Сатина, Балашовского уезда, несмотря на мои уговоры—пишет губернатор—и раз‘яснения долго...... упорствовали на сходе...... они заявили грубо, нахально и с упорством: есть нечего, сеять нечего, мы не грабили, не воровали, а днем свезли то, что нам нужно“. В Моршани арестовано 3 человека.

Здесь же проявил себя священник с. Моршань, Константин Богоявленский „в сильно прочувствованной проповеди, смело порицавший грабителей, результатом этого было то, что 40 домохозяев не участвовало в грабеже“ **).

Впоследствии этот иерей был переведен в Тамбовский Кафедральный собор, а еще после, когда губернатор Лауниц был убит в Петербурге тамбовским социалистом-революционером Кудрявцевым, то Константин Богоявленский написал о Лауница книгу под заглавием „Борец—мученик за святую Русь“.

Губернатор фон-дер Лауниц 21 июля 1905 года за свои действия по усмирению крестьян в Кирсановском уезде от генерала майора свиты его величества Трепова из департамента полиции получил: „действиями отменно доволен, ввиду чего выражаю свою признательность“.

А вот как описывает движение крестьян в Кирсановском уезде некто Л. Дашкевич в журнале „Русское Дело“ № 33, 1905 года.

„Прошлый год урожай в Кирсановском уезде был очень хороший и цены на рабочие руки поднялись чрезмерно.

Перезимовав в достатке, крестьяне и к весне остались с хлебом. Это явление, в связи с усиливающимся среди крестьян брожением, вызвало местами весной попытки мирных забастовок—требования уменьшить с‘емную цену на землю, установления сельскими приговорами цен, меньше которых крестьяне не соглашались работать, отказ от исполнения зимних условий. Чтобы уладить эти экономические затруднения в трех имениях побывали без нужды войска.

*) Там же Вят. № 187, д. 3399 л. 17.
**) Там же Вяз. № 187, д. 3399 л. л. 23, 24.

Но в общем, весеннее движение было очень слабым, и уже тогда между крестьянами пошел говор, что когда поспеет хлеб, они будут возить помещичьи копны с полей к себе.

Летом во многих имениях шла усиленная травля помещичьих лугов и выгонов крестьянским скотом, иногда целыми стадами.

В одном имении были свезены чужие стога сена с лугов крестьянами к себе. В июле месяце была разграблена однодневная Казанская крестьянская ярмарка в селе Вяжле. Когда же урожай, который в этом году оказался очень плохим, поспел в соседнем Балашовском уезде, Саратовской губернии, началась возка его крестьянами с помещичьих полей к себе. Это движение перекинулось и в наш уезд. В селе Михайловском, откуда движение к нам перешло, оно было вызвано, повидимому, революционной пропагандой. Но, во всяком случае, идея возить к себе помещичьи копны была чисто крестьянской идеей, к которой они готовились еще с весны.

В местностях, лежащих к границе Кирсановского и Балашовского уездов (о других частях Балашовского уезда сведений не имею), было всего свезено грабежом хлеба до 10000 копен ценностью до 50000 рублей. Преимущественно подверглись разграблению поля больших имений г-на Петрово-Соловово, княгини Шаховской, княгини Гагариной и Сатина.

Действовали единодушно, иногда по мирскому согласию, целыми селами. Кто добровольно не выезжал, того принуждали силой. И так как села большие, то обозы ходили в 200-300 лошадей.

Очистив дня в два помещичьи поля, крестьяне стали ездить на помещичьи гумна и развашивать оттуда уже свезенный хлеб. Иногда обозы охранялись импровизированной конной крестьянской стражей, вооруженной вилами и косами (надо заметить, что вообще крестьяне у нас стали вооружаться, так наприм., они покупают револьверы).

Во время возки насилий над людьми не было. В одном месте на хуторе г-на Петрово-Соловово был подожжен во время возки большой скотный двор. Когда возники в'ехали в гумно одного крестьянина, купившего недавно помещичье имение, хозяин стал просить их уехать. Возчики сами широко определили количество хлеба, нужное для прокормления его и семьи, остальное свезли. В другом имении хозяин, видя, что возят копны, бросил имение и переехал в город. Если бы не поспешили прибыть войска с двумя губернаторами, саратовским и тамбовским, то движение могло бы охватить весь уезд.

Но приход войск не испугал крестьян. Наприм., в селе Михайловке, Саратовской губернии, продолжали возить хлеб, когда рядом в селе Маршань приехал тамбовский губернатор. Крестьяне и солдаты (последние большей частью запасные, набранные прошлый год в черноземных уездах Воронежской губернии, где условия одинаковы с нашими), кажется, взаимно поняли, что они свои люди и что только долг службы не позволяет солдатам держать открыто сторону крестьян.

По прибытии войск, крестьяне сначала на сходах не соглашались воротить награбленное, об'явив, что возили все и от разных помещиков и потому не знают, что кому отдавать. Но затем угрозы, что будет хуже, подействовали на них и они повезли обратно награбленное. Но оказывается, что не представляется возможности воротить взятое без недоразумений.

Счет крестьян, сколько каждый из них увез, не сходится с общим счетом контор, сколько у них увезли. Обыски, делаемые самими сельскими властями, не всегда беспристрастны по самому существу. В имении г-на Соловово только $^1/_3$ возвращена (из 1.800 копен только 500).

Если энергическая репрессия произвела некоторое впечатление на грабившие села, то на соседних крестьян она не подействовала.

Убеждение, что в основе движение было справедливо, особенно в виду неурожая, существует в душе у многих из них.

Причины, почему коммунистические идеи крестьян вспыхнули и получили проявление, следующие:

Авторитет правительства, сдерживающий эти идеи, упал среди крестьян в смутное время. Отсутствие правды в деревне и беспорядки правительственной организации стали чувствоваться крестьянами болезнее и их неудовольствие увеличилось. Они также прекрасно понимают, что в смутное время охрана земельной собственности может быть лишь слабой.

В неудачах войны крестьяне винят дворянство, как правящий класс. В их сознании вина дипломатов и авантюристов, ввергнувших Россию в бедствия ненужной войны, переложена на земельных собственников. Они оказались козлами отпущения.

Допустимое еще до того основание владения помещиками землей теряет, по понятиям крестьян, благодаря позорной войне, всякий разумный смысл.

Тяжести войны (из Кирсановского уезда в действующей армии до 7.000 человек, из них убитых до 80 человек, возвращенных раненых и больных 370 человек) и возможность, что контрибуция—«дань», как называют ее крестьяне, падет опять на них—возбуждает страсть в народе.

Возвратившиеся раненые разносят по деревням рассказы, что причины постоянных наших поражений—плохой состав офицеров, бегавших с поля сражения. Такие несоответствующие истине рассказы—признак начинающейся гражданской войны, всегда полной недоразумениями и несправедливостями. Стихийная буря растет и когда она разыграется, то пред ужасом деревенских волнений побледнеют все волнения городские“.

Так описывал волнения крестьян черносотенный журнал.

В Тамбовском уезде крестьянское движение в 1905 году началось с марта месяца в Пичерской волости.

Крестьяне сел Первого и Второго Никольского в числе около 600 человек заявились 13 марта в имение Ветчининой Н. А. и пред'явили управляющему имением требование об отдаче им 1000 десятин пахотной земли и высказали угрозу, что если их требования не исполнят, то весною они самовольно запашут землю и не будут допускать к работе посторонних лиц. 14 марта те же крестьяне отправились на хутор арандатора Ветчининой Крючкова И. С. и об'явили жене его, чтобы муж ее со всем семейством к 20 марта выехали с хутора, в противном случае они распродадут его имущество, а вырученные деньги отдадут на Красный Крест, а его силой вытолкнут с хутора*).

4 апреля крестьяне дер. Недобровки, Степановской волости, явились на хутор Крылова в числе человек 80. Двое депутатов вошли в дом, а остальные остались на дворе. Крылов вышел к крестьянам, которые пред'явили требование уступить им землю, „мотивируя это тем, что их отцы за нее проливали кровь". Ранее земля принадлежала помещику Недоброву, от которого перешла к отцу теперешнего владельца.

Крылов ответил, что не только сделать этого не может, но без согласия совладелицы—сестры своей, не может уменьшить и арендной платы с 28—25 руб., на 10—16 руб. После этого поднялся шум; после чего Крылов предложил крестьянам сдать десятин 30 земли по 25 руб. за десятину, если крестьяне уплатят ему задаток. Крестьяне же с своей стороны просили у него хлеба по 2 пуда на едока. Крылов после этого уехал из имения, а крестьяне сняли с дома две водосточных трубы, взяли 2 замка, разбили у входной двери термометр и сломали балясину у входного крыльца**).

Крестьяне деревни Смольная Вершина, 26 мая, в числе 60 чел. пред'явили требование управляющему имением Фроловой об отдаче им в аренду паровой земли по 16 рублей за десятину, но получив отказ на том основании, что земля сдается не за деньги, а под отработки, высказали угрозу, что они засеют ее самовольно.

Во главе крестьян были староста и местный мельник***).

Крестьяне села Казывани, Пахатно-Угловской волости, в числе 180 человек, 16 июня, самовольно скосили у землевладелицы Фроловой А. А. $2^1/_2$ десятины луга, так как эти луга когда то принадлежали им. По отзыву местного исправника дело это имеет характер тяжбы из-за участка между крестьянами и землевладелицей****).

Насколько движения крестьян вытекали из их бедственного состояния и насколько могло в них отражаться влияние настроения рабочих и революционной работы политических партий можно иметь представление из доклада тамбовского губернатора министру внутренних дел от 18 мая 1905 года:

---

*) Там же. Вяз. № 190, д. 3494, л. 1—2.
**) Там же. Вяз. № 189, д. 3481.
***) Там же. Вяз. № 189, д. 3460 л. 1.
****) Там же. Вяз. № 189, д. 3460, л. 4 и 6.

„Совершенно иначе относится население к пропаганде, распространяемой особенно усиленно в последние месяцы, возбуждающей в населении инстинкты к неуважению чужой собственности, подстрекательствам к аграрным движениям, внушением насилием приобрести чужую землю, стачками, абструкцией повысить заработную плату, понизить арендные цены на землю. Вопрос о малоземельи хронический, говорят о нем все крестьяне, но обострение его далеко не повсеместно в губернии. Там, где были полные наделы, где произошло размежевание, где крестьянские наделы не вкраплены иногда частями во владельческие земли или наоборот—чресполосица, где крестьяне имеют свой выгон,—там почти и не было аграрных беспорядков. Другое дело, если упомянутые дефекты налицо: крестьянское население получило даровые наделы и может существовать только при условии арендного пользования землей окружающих их владельцев. В таких местах аграрные беспорядки всегда возможны и пропаганда на аграрной почве имеет прямое влияние“.

В том же докладе губернатор устанавливает, что пропагандой и аграрными волнениями в Кирсановском уезде охвачено 10 волостей, перечисляя при этом выставляемые в приговорах требования, с которыми мы уже познакомили читателя в выше приведенных примерах.

Относительно своей тактики губернатор пишет, что в случае необходимости вызывалась военная сила, стягивалась полицейская стража, население быстро „образумливалось“, сознавало свою вину, беспорядок прекращался, „наступало мирное соглашение и смотря по обстоятельствам, делались взаимные уступки... Зачинщики арестуются по 29 ст. Положения об охране“ (29 ст. давала права губернаторам производить аресты и держать под стражей без пред'явления обвинения в течение одного месяца). „По выяснении степени виновности я вызывал их, делал им наставления и отпускал их домой. Мера эта дала положительные результаты“. „К сожалению должен упомянуть, что в настоящее смутное время агитация подстрекает не только легко возбуждаемых, неустойчивых в правосознании крестьян, но и сельских властей, смущаемых очевидно разговорами о внутренней политике, о безнаказанности стачек, забастовок и т. п.“. „При расследовании аграрных беспорядков принимаются все меры, чтобы обнаружить главных агитаторов, сторонних крестьянству лиц“. „Но в большинстве случаев, сожалеет губернатор, преследование таких лиц „сводится на нет“ в виду требования при настоящем направлении политических дел фактических доказатеств непосредственного участия и подстрекательства, что установить трудно, вследствие наличности только косвенных улик“.

Как бы подчеркивая свою беспомощность, губернатор устанавливает, что „об'единенность крестьян в настоящих аграрных движениях значительная“.

В Тамбовском уезде, по тому же отчету „аграрные беспорядки“ имели те же основания, что и в Кирсановском уезде. Они были прекращены местными силами без вызова войск.

Губернатор, опасаясь за Шацкий, Елатомский и Спасский уезды, где в месте соприкосновения этих трех уездов „делается коалиция почти из 1000 крестьян“. Они хотят отобрать у владельца, князя Голицина, землю и хотят уничтожить усадьбу. Здесь отношения между крестьянами и владельцем очень плохие—„виновато отчасти управление имением вследствие своей мелочности в сношениях с крестьянами“, „но и крестьяне дурного поведения и нравственности“.

У Гагарина много земель находится в залежах, не обрабатываются, а крестьяне в земле очень нуждаются.

В Елатомском уезде, по докладу же губернатора, „беспорядки“ могут произойти в пригородных селах и в деревне Власово, Савватьевской волости, где у крестьян давний спор из-за земли с акционерным обществом Вукосинских горных заводов. Ненадежно также положение в имении Снитки—Давыдовой из-за сенокосов.

В Козловском уезде „признаки агитации существуют“, но пока фактические проявления ее были немногочисленны. Между крестьянами села Большой-Верды и управляющим имением княгини Галициной отношения обострились в значительной степени вследствие строгости и несправедливого отказа управляющего крестьянам в заработках. Враждебному отношению крестьян „способствовал учитель земской школы, ныне удаленный“. Приходилось прибегать „к мерам полиции“. Удален и управляющий имением.

В Козловском же уезде бдительность начальника губернии указывает на ненадежность положения среди крестьян села Старого-Юрьева, которые настроены против землевладельца Рахманинова из-за недостатка у них земли.

В Павловской и Ново-Гагаринской волости ходит „нелепый слух, тревожащий население, о том, что будто бы весь продовольственный капитал почему-то отправлен в Японию“ и крестьяне в составленных приговорах требуют непременно разобрать по рукам продовольственный капитал.

В селе Успенском „была агитация“ не ходить на работы к владельцам и гнать посторонних рабочих, повысить, таким образом, заработную плату, заставить землевладельцев отказаться от земли и продать ее крестьянам.

В Борисоглебском уезде, волнения происходят под влиянием агитации рабочих в Пригородной волости, где среди населения много рабочих и служащих на городских заводах и на железной дороге и где много распространяется прокламаций. В Шибряевской волости обострены отношения у крестьян с землевладельцем Рклицким. За порубку леса у последнего с крестьян присудили взыскать 3000 рублей, которых крестьяне платить не хотят и открыто заявляют, что к описи имущества никого не допустят и учинят бунт, к которому примкнут и крестьяне других сел и деревень. Следует заметить,—говорит в докладе губернатор,—что население Борисоглебского уезда под влиянием прокламаций и пришлых людей возбуждено более, чем другие местности, но

отрезвляющим образом подействовало на крестьян подавление беспорядков в соседнем селении Романовке, Балашовского уезда, Саратовской губернии, где многие из крестьян Борисоглебского уезда были очевидцами того, что происходило во время беспорядков. В селах Чуевских Алабушках, Павлодаре, Павловке и Моисеевке идет пропаганда, подстрекающая учинить насилие против имущества владельцев: Апосова, князей Гагариных, князей Волконских и Плонских.

В Моршанском уезде в селе Соседке, Громовской волости, „ходят между крестьянами угрозы к имуществу княгини Долгоруковой" на том основании, что крестьяне в этом году не сняли лугов у владелицы в селе Липовке, как то делали ранее, которые им необходимы, и которые находятся рядом с крестьянскими угодьями.

Упорно держатся слухи об отобрании земли у владельцев среди крестьян Трескинской волости. Движение крестьян наблюдалось в селе Земетчине, где крестьяне открыто заявляли: „земля вся наша, завод наш и мы наймем директора".

Неспокойно в Сосновском и Александровском обществах. В селе Оторме, в имении Атрыганьевой, при винокуренном заводе, были беспорядки с требованием повышения заработной платы. Часть рабочих отказалась работать, часть согласилась. Первые разогнали изменников и пригрозили разгромить завод, если плата не будет повышена, а на работы не будут приняты все рабочие. Агитаторы были арестованы и беспорядки прекращены.

При производстве расследования было обнаружено, что в Отормской волости были распространены прокламации: „Канун революции" и „Русским рабочим и всем гражданам".

Были забастовки на суконных фабриках в селе Рассказове, они совпали со временем общих забастовок по всей России, и кроме „справедливых требований", имели еще „навеянные со стороны, т. е., революционерами из Тамбова". Фабрикантами были сделаны уступки: сокращены часы работы и прибавлена заработная плата.

В уездах Липецком, Лебедянском, Усманском „аграрных движений пока не замечается, хотя без сомнения и туда доходят слухи об аграрных беспорядках и возбужденных ими вопросах" *)

О положении Тамбовской губернии губернатор от 1 августа доносил в штаб особого корпуса жандармов: „наличный состав охраны Тамбовской губернии совершенно недостаточен... Смута охватила всю губернию. Центром противуправительственного движения является г. Тамбов. Здесь образовался комитет революционной пропаганды. Здесь изготовляются посредством множительных аппаратов печатные революционные издания и отсюда распространяются по уездам. Город Борисоглебск организовал собственную революционную группу и распространяет свои издания по Борисоглебскому и Усманскому уездам.... Два мои помощника свыше своих сил заняты дознаниями" **).

*) Там же Вяз. № 1, ч. 3. л.л. 179—186.
**) Документ предоставленный нам П. Н. Черменским.

Всеобщая забастовка и манифест 17 октября.

Наростание революционной волны в 1905 году шло все быстрее и волна подымалась все выше. Летом—восстание на большом военном корабле—броненосце Потемкине—было новой фазой движения. Красавец Черноморского флота примкнул к бастующим рабочим Одессы. Революция проникла в войска. Эта опора трона делается ненадежной.

С сентября месяца начинаются беспрерывные забастовки рабочих и волнение железно-дорожных служащих, которые порываются к забастовке. Их сдерживает организовавшийся железно-дорожный союз—он готовит всеобщую железно-дорожную стачку ко времени созыва Государственной Думы.

20-го сентября началось в Петербурге совещание железно-дорожных депутатов. Стачечная волна в конце сентября и первых числах октября несколько спадает вниз. Рабочие приступают к работам, но под влиянием напряженного настроения на всех линиях, особенно в Московском узле. Центральное Бюро железно-дорожного союза решило об'явить всеобщую забастовку, как пробную мобилизацию боевых сил. Одна за другой становятся дороги Московского железно-дорожного узла. Москва изолирована от всей остальной России. Вслед за экономическими требованиями выдвигаются политические требования рабочего класса. Смелость и революционность стачечников возрастают. Вслед за Московским узлом останавливаются и другие дороги. Пассажирские поезда иногда довозят до узловых станций, иногда до назначения. Товарные поезда становятся без всякого исключения. К железно-дорожной забастовке примыкают рабочие заводов и фабрик и торговых предприятий. Торговая и промышленная жизнь замерла окончательно.

Забастовка прерывается только по разрешению и для надобностей стачечных комитетов: иногда идет поезд, перевозя депутатов, рабочих. Иногда работает типография, чтобы выпустить листок с важными сообщениями для забастовавших. Иногда заработает телеграф, чтобы связаться одному бастующему центру с другим.

12-го октября началась забастовка вокруг Петербурга. Стали все дороги. Повсюду царит своеобразный порядок сознающего свою силу рабочего класса. Все бастующие проникнуты сознанием своей силы, своего значения, своего торжества над беспомощным врагом—самодержавием и его опоры—эксплоататоров рабочего класса—буржуазии. В некоторых городах рабочие строят баррикады—заграждения для передвижения войск по улицам—ожидая нападения на стачечников войск (Харьков, Одесса, Екатеринославль). В некоторых городах не обошлось без вооруженных столкновений с убитыми и ранеными.

Самодержавие не выдержало и сдалось пред одним только величием приостановившего свою обычную работу классового врага. Стачка угрожала раздавить самодержавие. Самодержавие решило пойти на словесные уступки.

17 октября был опубликован в газете самодержавия в „Правительственном Вестнике“ царский манифест:

„Божиею милостью, Мы Николай Вторый, император и самодержавец Всероссийский; царь Польский, Великий князь Финляндский и прочая и прочая“.

Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великою и тяжелою скорбью преисполняют сердце наше, благо Российского государя неразрывно с благом народным и печаль народная—его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целости и единству державы нашей.

Великий обет царского служения повелевает нам всеми силами разума и власти нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, мы для успешного выполнения общих предначертанных нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым об'единить деятельность высшего правительства.

На обязанности правительства возлагаем мы выполнение непреклонной нашей воли:

1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив за сим дальнейшее развитие начала общего избрательного права вновь установленному законодательному порядку.

3. Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным из народа обеспечена возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных у нас властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед родиною, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле.

Дан в Петергофе в 17 день октября, в лето от рождества Христова 1905 года царствование же наше одинадцатое.

На подлинном собственной его императорского величества рукой подписано Николай II“.

17-го октября собственною его императорского величества рукою было написано: „сдаюсь пред величием и грозной силой пролетариата“.

Но самодержавие, опубликовав манифест, не выпустило из своих рук власти, оно крепко держало ее в своих руках и вскоре начало власть эту употреблять на борьбу со своими врагами.

Октябрьская забастовка обнаружила огромную силу пролетарского движения, но она же обнаружила и его слабость, его оторванность от другой могучей революционной волны—крестьянского движения. Пролетариат сделал огромные успехи в своей классовой политической сознательности, но он еще не успел организационно связаться с деревней: его политическая организация—социал-демократическая партия—была еще слабо связана с деревней. В деревне успешно работала мелкобуржуазная партия социалистов-революционеров, которая организовывала буржуазию деревни—сельскую интеллигенцию, поповских детей, хозяйственных мужичков, но не стремилась организовать сельскую бедноту и сельско-хозяйственных рабочих. Благодаря этому стихийное движение крестьян было почти целиком предоставлено самому себе, если не считать единичных случаев.

Тамбовский уезд.

В Тамбовском уезде движения крестьян в октябре месяце 1905 г., по донесению уездного исправника губернатору, начались 27 октября. При деревне Ивановке был сожжен винокуренный завод Можарова. 30 октября крестьяне села Большой Талинки произвели поджоги также в имении Можарова, при с. Саюкине, скотного двора, а у землевладельца Чилищева всех экономических построек и дома владельца.

31-го октября на место беспорядков ночью прибыла военная команда из города Тамбова, присланная губернатором и застала «пожары и грабежи» в названных имениях в полном разгаре. При приближении команды крестьянами был дан сигнал, „большая часть грабителей разбежалась“. Тем не менее „тут же была задержана с награбленным одна женщина и двое крестьян“. Днем 31 было еще задержано двое крестьян, „уличенных в подстрекательстве к беспорядкам“. Пожары у Можарова и Чилищева были прекращены. Но в следующую ночь под 1-е ноября произошел поджог в имении Сатина, при с. Арженке, сгорела садовая беседка, а утром в тот же день от нового поджога сгорел деревянный флигель, в котором жил полицейский стражник, только что выбравшийся оттуда.

В это время с отрядом казаков на место прибыл исправник. „Заметив кучку бежавших с пожара человек 15“, отряд казаков преследовал их и ввиду того, что бежавшие не останавливались по требованию, „пустил в ход нагайки, последствием чего была отправка двух из толпы в больницу“.

В то же время началось расхищение леса из имения Булгакова. Оно приняло широкие размеры, но прибытие казаков и раз'езды их остановили расхищение леса. При этом было задержано несколько виновных, „которым независимо от привлеченья (их) к ответственности делается и надлежащее внушение“.

2-го ноября разграблению подвергся хутор Булгакова, при с. Саюкино, откуда была увезена рожь. В то же время было разграблено имение графа Адлерберг при д. Ивановке, Пичерской волости.

4-го ноября „сгорел и разграблен“ хутор Грузинцевой, при деревне Богдановке, Казыванской волости. Здесь казачий отряд при полицейском уряднике застал на хуторе человек 100 крестьян с подводами, занятых „насыпкою хлеба“. После сделанного несколько раз предупреждения „урядник распорядился стрелять и в результате было несколько раненых—человек 7, из которых двое остались на месте и еще третий пострадавший от нагаек“. В другом донесении убитых—3, раненых—7 человек *).

Интересно, донесение тамбовскому губернатору начальника охраны восточного района Тамбовского уезда, как об'яснение причины разгрома имения Булгакова:

*) Тамб. Губарх. Сек. Ст. Губ. Вяз. № 207, д. 3656, л.л. 171 и 270.

„Землевладелец Булгаков за последние 15 ть лет систематически, из года в год, повышал арендные цены на землю в селе, при чем довел в настоящее время эти цены до непомерно высокой нормы. Масса крестьян с. Рассказова и людей других сословий арендуют землю у Булгакова; жить этим людям иначе, как на земле Булгакова, негде, поэтому они вынуждены платить все то, что требует помещик. Подобное повышение арендной платы, совершенно непосильное для плательщиков, довело население до крайней степени раздражения и неудовольствия по отношению к Булгакову. Неудовольствие это выразилось в нападении на его лес в течение 1—6 ноября 1905 года, в массовых порубках и в обещании разгромить его имение. Вследствие прибытия войск покушения крестьян на целость имущества Булгакова были приостановлены. Тем не менее, неудовольствие крестьян не только не ослабело, но еще и возросло. Под влиянием аграрных беспорядков, крестьяне села Рассказова в настоящее время решили бойкотировать Булгакова, т. е. прекратить платежи непосильной аренды за усадьбы. Бойкот этот принимает нежелательный оборот: беднейшие арендаторы понуждают богатейших не платить аренды. Последние не соглашаются на это, в результате получается опасный конфликт между арендаторами, делящимися на два лагеря. Возможны серьезные осложнения, которые поведут к разгрому не только усадьбы Булгакова, но и построек арендаторов, уклоняющихся от бойкотирования“ *).

Другой, настолько же беспристрастный свидетель—земский начальник Полторацкий, таким образом описывает обострение недовольства Булгаковым: „Я хорошо знаю Булгакова в жизни и семье, это чудеснейший человек но в своих экономических делах и в своих отношениях к крестьянству и к людям, на его земле проживающим, он милосердия не знает. Он не допускает не только вмешательства, но даже простого разговора об изменении условий его хозяйства. Я признаю, что всякий в праве распоряжаться своим имуществом по своему усмотрению, но я признаю также, что нужно иметь жалость и милосердие к людям и не распускать свои аппетиты без границ и без конца“.

Часть села Рассказова расположена на земле Булгакова. На его земле живут рабочие, часть его земли занята базаром За одни только усадьбы Булгаков в год собирал 20.000 рублей арендной платы. За аренду базара и ярмарки и платы за лавки он кроме указанных 20 т. рублей собирал еще 15 тысяч рублей в год. Булгаков за последние 15 лет почти удесятерил арендные платы за усадьбы **).

С началом движения крестьян в Тамбовском уезде губернатору посыпался ряд телеграмм:

Управляющий имением Орлова-Давыдова телеграфирует: „В имении доверителя моего в одном из хуторов начаты аграрные беспорядки крестьян. Беспорядки начались скражи из магазинов разных, предметов, увозаcена с полей, поджога соломы и мякины.... Прошу присылки войска“.

*) Там же. Вяз. № 207, д. 3656, л. 286.
**) Катаев. В Пролет. революц. № 6 1924 г стр. 128.

Поручик Перукт:

„При селе Степановке имение графа Паскевича-Эриванского горит, зажжено грабителями“.

Он же:

„Начали грабить имение Александровки, Петрово-Соловово, Александровской волости, выехал туда, отправлено 9 мужиков убитых в больницу Тамбов 10 часов вечера“.

Пристав Поспелов:

„Горят имения Паскевича-Эриванского, Степановский, Мосоловский, Петрово-Соловово, Крылова; грабят имения Александровские и Апосовские. С командиром полуроты отправляемся Александровку, где ночью ожидается грабеж, поджоги. Войска нехватает. Требуется немедленная присылка дополнительного войска. 9 изувеченных будут сегодня ночью отправлены Тамбов“.

За тремя подписями телеграфируют 3/XI земский начальник Сатин, поручик Перукт и пристав Поспелов:

„Сегодня производил обыски грабежа Степановке, Михайловке, встретили сходом, сопротивлением, к оружию не прибегали, цель не достигнута, вернулись назад, ввиду малочисленности войска. Положение сильно затруднительно с отсутствием следственной власти, сопровождать арестованных и ограбленное имущество некому, требуется немедленная присылка солдат. Поджоги, грабежи перешли Каменскую волость. Без войска положение безвыходное, решили двигаться вперед предупреждать движение. Просим дать разрешение употреблять дело огнестрельное оружие войскам и полицейским, иначе войско страха не внушает. Александровку отстояли благодаря присутствию войска, при удалении которого погром неизбежен. Остальные экономии жалуются на пристрастное. Помощь Белозерским дать не можем. Войско просим прислать Сампур, куда сами движемся“.

Земский начальник из Ржаксы от 5 ноября телеграфирует:

„Районе Сампура начались погромы. Ночью кавалерией выступаю“.

Урядник из Токаревки 6 ноября:

„Имение Пустовалово, Васильевской волости разграблено, сожжено крестьянами деревни Рыбкино“.

О настроении землевладельцев в этот момент можно судить по следующей телеграмме наследникам Ивановым от Ермолина от 3-го ноября:

„Жив. В осаде. Жутко. Мельница отстреливается. Купи два револьвера последней конструкции“.

Управляющий имением Лейхтембергского в Ивановке, Тамбовского уезда, от 4 ноября телеграфирует:

„Обещанных драгун нет. Грабеж начинается. Без немедленной помощи пропадет все“.

Того же числа телеграмма Жерве:

„Ожидаю разгрома моего имения Львово, Тамбовского уезда, Львовской волости. Умоляю ваше превосходительство защитить. Ответ прошу Токаревку“.

Из Москвы землевладелец Спиридонов от 6-го ноября телеграфирует:

„Убедительно прошу ваше превосходительство принять меры охраны моего имения Тамбовского уезда, Павловка, Шебалда, в 12 верстах от Кариан-Строганова“*).

Волнением в Тамбовском уезде, кроме перечисленных мест, были охвачены Экстальская волость, Абакумовская волость, Каменская волость, Карпановская, Протасовская, Княже-Богородицкая, Мельгуновская, Горельская (Горелое, Иноземная, Духовка), Больше-Липовская, Воронцовская, Знаменская, Ивановская (имение графа Лейхтембергского).

Действиями судебных властей губернатор фон-дер Лауниц был очень недоволен. 8-го ноября он телеграфирует: „Сампур. Земскому начальнику Сатину:

„Вам до следователя дела нет. Арестуйте, препровождайте в надежные места или Тамбов в распоряжение полицеймейстера“.

Как усмиряли Тамбовский уезд.

Усмирение крестьянского движения в Тамбовском уезде было поручено уездному исправнику, земскому начальнику Боговут, земскому начальнику Сатину, штаб-ротмистру Белевцеву и Луженовскому.

4-го числа между раз'ездом казаков и крестьянами с. Богдановки происходит вооруженное столкновение с человеческими жертвами.

Штаб-ротмистр Белевцев так описывает расправу в с. Петровском за разгром имения „Антюшино“: „7-го ноября мы отправились в с. Петровское и созвали сход. Я потребовал от схода выдачи зачинщиков и возврата награбленного: сход, после несколько раз повторенного мною требования, отказался его исполнить, тогда я дал залп в воздух, сход после этого не исполнил моего требования; тогда я дал залп, которым убито 3 и ранено 7 человек. Также нами было подожжено несколько построек, принадлежавших зачинщикам, после чего народ на коленях просил прощения и обещался выдать зачинщиков, которых тут же назвали по фамилиям“.

Иначе описывает ту же самую расправу земский начальник Сатин.

„После залпа сход разбежался. На месте осталось трое тяжело раненых и невредимый староста....

Затем подожгли на одной стороне села ригу (вовсе не зачинщика, как пишет Белевцев), а на другом погреб.... крестьяне бежали с разных концов села и называли виновных пожара и грабежа. Так как уже становилось темно, то Белевцев собрал команду и мы, проезжая

*) Тамб. Губарх. Сек. Ст. Губ. Вяз. № 207, д. 3656 л. 58.

селом, приказывали старосте и встречным на следующий день собрать сход, послать всех виновных в Сампурское волостное правление, везти весь награбленный хлеб на ст. Сампур и сдавать его приказчику с хутора Антюшина. Все это как староста, так и крестьяне обещали сделать. Спустя несколько дней мне донесено, что награбленный хлеб на станцию возвращается и что 12 ноября в Сампурское волостное правление самими же крестьянами с. Петровского доставлено 40 человек грабителей, сознавшихся мне в преступлении. Я предложил из своей среды выделить главарей. Это было ими исполнено и при волостном правлении осталось 21 человек, которые и были мною заарестованы до прибытия на место судебных властей, остальных же я оставил на свободе...“

О том, какие виновные подвергались аресту, могут дать представление два следующих документа: прошение прокурору кр-на Афанасия Кузнецова и протокол дознания прокурора: „Ваше высокоблагородие г. товарищ прокурора—пишет Кузнецов—взойдите в такое несчастное положение, так что я крестьянин Афанасий Кузнецов лишен всеми силами своего здоровья от побоев казаками 17 ноября 1905 года, в нашей деревне Старое Чилище (Тамбовского уезда) бывший сход по распоряжению старшины и сельского старосты, когда мы собрались все крестьяне, приезжают к нам казаки и постановили нас всех на колени и наказывали нас всех плетьми и шашками. При ударе казаков я, Афанасий, упал в беспамятство на землю и когда я очувствовался я находился в тюрьме“.

„Афанасий Кузнецов—40 лет—пишет о своем дознании тов. прокурора содержится под стражей по обвинению в разгроме имения Челищева.

После разгрома имения Челищева, когда 17 ноября 1905 года, по распоряжению нашего волостного старшины, я как десятский по собрании схода, находился в числе собранного схода и стоял с краю в толпе в ожидании приезда начальства и казаков для выдачи награбленного и виновных; явились казаки под начальством офицера. Офицер, под‘ехав к сходу, спрашивал, грабил ли кто из схода и поджигал, старики сказали, что не поджигали, а только некоторые, когда уже горел амбар, грабили имущество с пожара. Офицер сказал, что мы неправду говорим и приказал нам всем итти на барский двор, поставив перед тем всех нас на колени, но староста и кажется старшина пошли на барский двор, а мы, все сходом, не захотели пойти, боясь, что нас там изобьют и все мы бросились к сборной избе. Тогда казачий офицер приказал вытаскивать стариков из сборной избы наружу. Нас, желавших укрыться в избе, в том числе и меня вытащили наружу и тут же поставили нас на колени. Казаки нас окружили и казачий офицер стал бить меня и других нагайкой, офицер бил меня и шашкой, он нанес мне две раны на голове, ссадины на лице, а также и на руках, особенно бил по правой руке, т. ч. и теперь я плохо владею ей. Избил он меня так сильно, что я две недели не мог сам одеться и обуться“.

Давать какие либо пояснения к этим документам нет надобности: они говорят о себе сами. Руководитель „усмирения“ и жестоких расправ над крестьянами, губернатор фон-дер-Лауниц, был очень недоволен судебными властями. Он находил их деятельность слишком медлительной и, усматривая в них чуть не противодействие „усмирению“, посылал жалобы на судебные органы министру внутренних дел. Между тем у прокуратуры и судебных органов были только иные методы наказания и пресечения „преступлений“. Воспринять у Лауница его методы расправ ни прокурор, ни судебные органы, конечно, не могли. Но нужно сказать, что и мер против разнузданного произвола „усмирителей“ Лауница они никаких не принимали. Судебные органы Тамбовской губернии, как о них выразился на страницах журнала „Право“ присяжный поверенный Тесленко, „умывали руки“, когда наталкивались на явные преступления администрации. В приложении мы печатаем ведомость об аграрных делах разрешенных Тамб. окружным судом, по которой оказывается, что судили 859 крестьян, из которых осудили 437 на разные сроки: 33 человека на сроки от 1 года до $3^1/_2$ лет тюрьмы и арестантских рот и 229 человек на 8 месяцев тюрьмы. Говорить о мягкости и „попустительстве“ тут не приходится.

Кирсановский уезд.

Начало движения крестьян в Кирсановском уезде совпадает с прекращением железнодорожной забастовки.

Первая телеграмма о движении крестьян получена губернатором от железнодорожного жандармского ротмистра Крылова 18-го октября: „Станция Ржакса разграбляется вооруженными крестьянами“. 21-го октября исправник Богданов поясняет: „На станции разграблены 30 вагонов хлеба, арестовано 41 человек, станция охраняется войсками, телеграф бастует“. Этим последним обстоятельством об'ясняется вероятно и запоздание извещения исправника.

21-го октября губернатор получает от нескольких землевладельцев телеграммы о разгромах крестьянами их имений из Осино-Гаевской волости. О том же телеграфирует второй своей телеграммой исправник Богданов.

22-го октября губернатор получает телеграммы: от Кондырева и от ряда других землевладельцев с просьбой защиты.

Так как разгромы происходят на границе Моршанского уезда, то губернатор телеграфирует 22-го октября моршанскому исправнику: „Преследовать грабителей имений Кратковских казаками из Земетчина и отобрать награбленное, хотя бы в пределах Кирсановского уезда“.

23-го октября исправник Богданов просит губернатора командировать ему эскадрон. Того же числа, о том же просит моршанский исправник: „Просим выслать казаков, ввиду грабежа на границе Кирсановского уезда“.

Того же числа губернатор телеграфирует в Моршанск Начальнику гарнизона о командировании в распоряжение исправника (моршанского) двух взводов казаков, а в Кирсанов—командиру полка о командировании в распоряжение исправника (кирсановского—Богданова) полуэскадрона в конном строю.

Из города Кирсанова 25-го октября помощник исправника телеграфирует, что „возбужденное настроение затихает, в городе другой день спокойно".

В то же время саратовский губернатор (Столыпин—будущий творец так называемой столыпинской земельной реформы) от 26-го октября телеграфирует, что „банды громил надвигаются к Кирсановскому уезду со стороны Сердобского и Балашовского уездов".

В этот день кабинет губернатора фон-дер-Лауница представлял собой настоящий военный штаб, куда стекаются сведения с разных концов и отсюда же по всем направлениям отдаются распоряжения и приказания. Вице-губернатор Богданович уже отправлен в Кирсановский уезд на самую границу Саратовской губернии,—на станцию Умет Ряз.-Ур. ж. д.

Телеграмму саратовского губернатора подтверждает того же 26-го октября помощник кирсановского исправника, телеграфируя о появлении в 4-х верстах от имения Ветчинина „банды грабителей". Вице-губернатор Богданович в тот же день присылает паническую телеграмму о большом зареве близ Умета, в Молчановке, и о том, **что банду, по сведениям от многих людей, ведет лицо едущее в карете и украшенное орденами и лентой.**. Банда идет в две партии. Десять драгун посланы на разведку".

Телеграммы о поджогах и разгромах имений продолжают поступать своим порядком. В этот день губернатором получено самое большое количество телеграмм из Кирсановского уезда. В том числе полковник Иванов из Кирсанова извещает, что „раз'езды не могут быть даваемы, так как конный полуэскадрон не возвратился из Кирсановской волости".

Губернатор в тот же день 26 октября дает распоряжение начальнику гарнизона г. Тамбова „о командировании на станц. Умет 2-х рот", а в Козлов командиру 21 Донского полка „об отправлении в Тамбов из Козлова двух взводов казаков".

В то же время губернатор телеграфирует товарищу министра внутренних дел заведующему полицией **о серьезности положения и об „усилении полномочий"**, а в управление Рязанско-Уральской железной дороги—о подтверждении начальникам станций „неуклонно исполнять требования о подаче поездов для войск" и в Кирсанов командиру полка о командировании в распоряжение вице-губернатора на ст. Умет полуэскадрона драгун... и о командировании подкрепления по требованию вице-губернатора. *)

---

*) Там-же Вяз. № 200, д. 3620, л. л. 172, 173

Из этого короткого перечня телеграмм и их содержания читатель должен ясно представить себе: насколько, действительно, был серьезен момент для судьбы революции, быть может не в одной только Тамбовской губернии, а и остальной России, если бы в это время стихийное, дружное движение крестьян было тесно связано с рабочими организациями, если бы у последних, так же, как и у защитников порядка и помещичьих имений, был свой штаб, если бы рабочие, в этот момент уже провоцированные манифестом 17-го октября, умели поддержать восставших крестьян, хотя бы забастовкой, отказом передвижения войск по железным дорогам и отказом от передачи телеграмм губернаторов и исправников.

Восстание крестьян опоздало за всероссийской забастовкой рабочих железных дорог. В то же время, когда началось восстание крестьян—рабочие, не имея организационной связи с крестьянами, а находясь с ними только в случайных сношениях, через случайных людей, не были осведомлены о величине волны крестьянских восстаний. Партийные организации Тамбовской губернии были еще слабы. Они состояли почти сплошь из молодежи учебных заведений, понимавших революцию и принимавших ее сквозь розовые очки своего мелкобуржуазного мировоззрения. Политические организации того времени только что начали впитывать в себя рабочих от станка, от практики, а крестьян в своих рядах они почти совсем не имели, а вместе с тем, они не имели и прочной организационной связи с крестьянскими массами. Политические организации, еще слабые по существу, не могли, конечно, связать в одно целое двух революционных потоков: рабочего и крестьянского. Последний запоздал за первым, так как организационно, через партию, не был связан с первым. На этом примере тамбовское крестьянство должно учесть важность для него партийной увязки с рабочими. Только сильная партия, низовые организации которой связывали бы прочно два могучих революционных потока, могла бы дать сигнал начала восстания, могла бы управлять ими, усиливая один другим, только она могла бы прекратить движение или задержать его прекращение на том или другом моменте. Этого то как раз и недоставало в 1905 году. Был только один случай отказа от передачи телеграмм в момент восстания крестьян в Кирсановском уезде, за что была арестована телеграфистка. А между тем такой отказ, при должном партийном руководстве, был бы массовым, от которого не спасли бы усмирителей никакие аресты.

Тоже самое и с подачей вагонов, паровозов и составлением поездов, столь необходимых в этот момент правительству. Два-три таких отказа могли бы совершенно парализовать штаб фон-дер-Лауница.

Что касается войск, то, состоя из тех же крестьян, они еще слишком мало затронуты были пропагандой, они не могли еще понимать важности момента и совершенно не имели в своей среде руководителей, которые могли бы научить и организовать их для отказа от выступления для усмирения крестьян. А на местах, разбитые на небольшие группы, находясь под влиянием фельдфебелей и урядников,

подпаиваемые, как мы увидим дальше, водкой, они уже сделались вполне послушным орудием в руках исправников, земских начальников и своих офицеров, руководивших усмирениями.

Нам теперь легко учиться на примере революции 1905 года и уяснять себе важность отсутствия „смычки" между рабочими и крестьянами. Не то было в 1905 году—тогда лишь часть социал-демократии ясно представляла себе важность союза рабочих и крестьян. Очень большая часть социал-демократов—меньшевиков в то время верила в необходимость для успеха революции смычки, союза с либеральной буржуазией, а не с крестьянством, между тем, с самого начала восстания крестьян в деревне, либеральная буржуазия перешла в лагерь контр-революции... Автору живо вспоминается рассказ одного старого подпольщика—социалиста-революционера о том, как он ежемесячно приходил за деньгами (на террор) к одному кадету. Этот кадет охотно давал деньги на убийство министров, а когда начались восстания крестьян, он не отказал в деньгах, но, как только вручил деньги, отошел к окну и сухо спросил террориста: „послушайте, мы вот даем деньги... а вы там... устраиваете восстания в наших имениях".

Проглядели также социал-демократы меньшевики в своей аграрной программе и необходимость требования передачи всей земли крестьянам—они требовали передачи лишь части ее крестьянам, тех „отрезков", которые взяты у них были помещиками во время „освобождения", т. е. во время реформы 61-го года.

Только тов. Ленин и большевики уже тогда сознавали важность союза рабочих и крестьян, гибельность союза с либеральной буржуазией, только тов. Ленин все время настаивал на необходимос.и национализации земли и передачи ее в пользование крестьян.

Вернемся к событиям в Тамбовской губернии.

В день 26-го октября фон-дер-Лауниц успокоил вице-губернатора, испуганного слухами о приближении предводителя „банд" в карете, с лентой и орденами и известил его телеграммой на станцию Умет о высылке к нему роты солдат, напомнив о принятии „энергичных мер" против восставших.

В виду поступления новых телеграмм о разгроме имений в Кирсановском уезде, Лауниц на другой день после отсылки первой телеграммы в департамент полиции шлет туда 27-го октября новую телеграмму: „Разгром разростается, две большие шайки под начальством неизвестного лица в генеральской форме, в лентах, двигается на Кирсановский уезд по донесению вице-губернатора, командированного на место. **Дела принимают весьма серьезный** характер. По селам пропаганда увеличивается. **Простыми арестами** движения не обуздать. Вновь прошу об усилении полномочий. В Кирсановский уезд выслал подкрепления".*)

Телеграммы о поджогах и грабежах получаются и 27-го октября. Арестованных десятки часть их шлют в Тамбов.

*) Тамб. Губар. Сек. Ст. Губ. Вяз. № 204, дело 3638, л. 97.

Около имения Молчановых казаков встретила толпа с верховыми впереди. Один из верховых—тамбовский—арестован.

27-го октября на ст. Умет, в помощь вице-губернатору с 2 ротами—12-й и 3-й Бобровского полка высылается и. д. советника губернского правления Луженовский.

Того же числа губернатором получено из Умета 4 телеграммы одна за другой. Все они говорят о разгроме имений Балашовского уезда. В разгромах принимают участие и кирсановские крестьяне Царевской и Вяжлинской волости.

Богданович вызвал из Кирсанова пеших драгун 43 человека. В одной телеграмме он сообщает, что сегодня ночью в „Молчановке ожидается банда. В ней студенты".

Вместе с администрацией работают и судебные власти: „Здесь товарищ прокурора Капнист" сказано в телеграмме Богдановича. Пристав 2-го стана телеграфировал о „препровождении в губернскую тюрьму 29 крестьян, арестованных по постановлению судебного следователя. *)

28-го октября Луженовский защищает имения князя Голицына и Прозоровского, которые горят. Пожары в Вяжлинской волости. В село Инжавино направлен отряд стражников.

В Саратовской губернии не более спокойно. Столыпин предупреждает вице-губернатора Богдановича „что хотят разгромить станцию Тамалу", расположенную в 19 верстах от Умета. „Не могу с имеющимися силами туда направиться", сообщает Богданович (час ночи).

Луженовский в 3½ часа ночи шлет телеграмму, что горят хутора Голицына и Прозоровского. Он задержал пассажирский поезд и поехал с своим поездом. „Вокруг горящих хуторов—ни души. Никого не нашли. А накануне вывезено двумя деревнями 5000 пудов ржи и 1000 пудов овса. Пожары в Вяжле, Осиновке, Андреевке". „Движение идет к Тамбову. Нельзя с пехотой застать на месте преступления... уклоняются от столкновения. **Нельзя дать кровавый урок**. Горизонт весь в заревах".

В 8 часов утра он едет к Богдановичу в Молчановку, а губернатору телеграфирует: „Положение Кирсановского уезда грозящее" В 10 час. 35 мин. Лауниц получает телеграмму: „В Инжавине грабят имение Летунова, добираются до имения Шаховского".

В 12 часов дня получается телеграмма от Летунова: „Арбеньевской волости дер. Надеждино с хутора свезли хлеб и сожгли"...

Из Арбеньевской волости, из деревни Михайловки, арендатор Ар. Ст. Федоров следующим образом описывает разгром хутора: „29-го октября крестьяне соседних деревень: Михайловки-Петровки, Покровки и села Сатина в количестве около 300 человек приехали ко мне на хутор, вооруженные вилами и кольями. Зажгли несколько ометов соломы, а затем людскую и скотный двор и приступили к грабежу имущества.

*) Там же. Вяз. № 200, д. 3620, л.л. 172, 173.

Увезли ржи 19.000 пудов, овса—6.000 пудов, гороху—1000 пуд., чечевицы—250 пуд., муки 3 вагона, 1 вагон пшена, 13.000 пудов соленого мяса, 900 овчин шленских, сбрую, орудия, разный инструмент. Из дома—одежду, обувь, разную посуду, утварь, мебель, а также всю кухонную посуду и одним словом все, что было на хуторе, а затем ими же были сожжены все постройки, паровая мельница, два дома, рига, 5 деревянных амбаров, сожгли всю солому и мякину, а также сено и еще сожгли молотильную гарнитуру в 12 паровых сил, рядовые сеялки, жатвенную машину, плуги, бороны, одним словом все орудия и машины уничтожены пожаром. Скот в количестве 700 овец, 48 рогатой скотины и 29 лошадей ими уведены. Причинили они мне убытка около 70 000 рублей". Федоров просит несколько казаков для возвращения имущества „по горячему следу".

Арестованные в Балашовском уезде, по просьбе Столыпина—Богдановичем направляются в Саратов.

Луженовский, в час ночи, 29 октября с ротой на подводах передвигается в Арбеньевскую волость. Кишкина Богданович направляет в Балыклей. В Инжавине Герман, - пристав „аттакован толпою в 11 час. дня. Казаков нет. Имение Шаховского сожжено".

Богданович находит, что содержать арестованных в имении Хилково „совершенно неподходяще".

30-го октября в 1 час ночи Богданович телеграфирует: „Силы размещены так: ст. Умет—взвод казаков, Молчановка—взвод казаков; в Северке Голицына, Козловке, Царевки и Любичах—пеших 30 драгун; 10 пеших драгун служат для сопровождения на подводах арестованных. В Балыклее и Николине, у Шаховского—Луженовский с ротой. В районе—Моршань, Надеждина и Михайловской, Красно-Каменском, Салтыкове—Мих. Кишкин, подкрепляю его взводом, так как начались грабежи в Балыклейской и Салтыковской волостях и он может заняться Инжавиным и Красивкой, пока не приедет в Балыклей Сергей Кишкин. В Вяжли прибыл исправник с 40 человеками конных драгун. Он ночует у Чичериной и ждет полсотню казаков. Двинется на Осиповку. Я выделяю из своих сил отряд для Лохматовских, где предупредили, что будут жечь... В Балашовском уезде стреляли, есть убитые. Под Остроуховым унтер-офицер Соболев со взводом. Унтер-офицер Березкин со взводом на хуторе князя Гагарина—двое убитых. Березкин в Марьевке—двое убитых. Горели корма в Красивке. В Николине, Коноплянке и Надеждине неспокойно. Прошу телеграфировать пензенскому губернатору оградить границу Чамбарского уезда севернее железной дороги. Столыпин ожидается в Балашовский уезд с войсками из Симбирска и Оренбурга. Разграблен хутор Сычева крестьянами д. Осиповки. Хутор Семерова ограблен крестьянами дер. Ярославки. На сходе из'явили согласие свезти хлеб Семерову. Возка идет добровольно. Осиповцы завтра собирают сход. Пока спокойно".

Читатель из содержания телеграмм, вероятно, уже успел подметить, что никаких сопротивлений „усмирителям" крестьяне не оказы-

вали. Напротив, при приближении отрядов, крестьяне „уклонялись от столкновения". По требованию усмирителей собирались сходы, взятый хлеб свозили добровольно. Крестьяне никого из людей не трогали. Более хладнокровный Богданович давно уже подметил это. Это видно из его телеграмм. Он сооообщает о возврате взятого крестьянами имущества добровольно. Иначе изображает обстановку Луженовский. Ему нужно „дать крестьянам кровавый урок", он хочет революционное движение утопить в крови. Он хочет остановить революционное движение, наро-ставшее десятилетиями, поставив на его пути угрозу расстрелов.

„Получил известие, что грабят и жгут хутора—Сатина, Летунова и Шаховских, двинулся с войском на подводах. По дороге арестовал одного грабителя с помощью крестьян, которым выдал награду. В Моршани встретил пристава Тимофеева с 5 конными и 20 пешими стражниками, захватили на месте только одного грабителя. В Красном Колене, Николине и Надеждине арестованы 4. **Сходы на коленях обещались выдать награбленное. Начали привозить.** Завтра иду по направлению к Арбеньеву. Казаков нет, солдаты смотались, подводы получены под угрозой стрелять. Ночью в Моршани организованной обороной **отбита банда, тяжело ранен один, убито двое, из них один политический, только что выпущенный из Саратовской тюрьмы—Шебалдин,** молодецкой атакой в шашки и пешими стражниками. Пристав Тимофеев рассеял грабивших хутор Летунова балашовских крестьян и задержал 51 человека с нагруженными подводами. Имущество отобрали, а крестьян пришлось отпустить, так как не было возможности их удержать, при чем им сделано надлежащее внушение. **Долгом совести считаю доложить об образцовых действиях пристава Тимофеева.** Иду в Арбеньево, постараюсь локализировать движение и **не допустить в Борисоглебский уезд. Арестованные, раненые и убитые** переданы единственному чину балашовской полиции. Войск в Балашовском уезде нет. **Нужно охранять не отдельные имения, а границы нетронутых уездов.** Кавалерия необходима, банды состоят из конных балашовцев, прекрасно вооруженных (!?), руководятся революционерами. Поджоги делаются химическими препаратами (?). Ночью жду нападения большой банды из мести за убитых в Моршани".*)

Из Мучкапа того же числа он телеграфирует:

„..... Нападение балашовцев было на хутор Остроухова, поставленный мною пост пехоты стрелял, тяжело ранен пулей один, штыками один, 7 арестовано... **Борисоглебский уезд начинает загораться...** ночью было нападение балашовцев на хутор Носовых, самообороной отбиты. **7 раненых захвачены, один убитый увезен... Прекращение движения возможно только при полевых судах**". **)

31 октября получены телеграммы от Шорина, Клочкова, от Рымарева А. И., от Германа с просьбой о помощи.

---

*) Там же. Вяз. № 204, д. 3638, Л.л. 163—490.
**) Там же. Л.л. 477—170.

Везде после посещения сел и деревень карательными отрядами крестьяне сами везут разобранный хлеб. Исправник Богданов сообщает: „4 имения Вяжлинской волости—Сычева, Семерова, Зотова и Стрекалова разграблены. Были 2 схода. Ядровские крестьяне добровольно возвратили хлеб Семерову 5500 пудов из 7600 пуд. Козловские крестьяне Зотову стали возить".

31 октября тамбовский губернатор фон-дер-Лауниц отдает приказ поручику Фунд командиру полуроты 9-й роты Бобровского полка: „По соглашению с командиром полка... отправиться на станцию Чакино, а оттуда на деревню Лукино, где по имениям... водворить порядок, прогнать грабителей, арестовать агитаторов и грабителей, не стесняясь ни званием, ни положением.. из Лукина проследовать в дер. Богданово, где точно также водворить порядок, прекратить разбои, арестовать грабителей, агитаторов... Действовать самыми решительными энергичными мерами, **не стесняясь употреблением в дело оружия.** Для передвижения требовать от волостных, сельских управлений подводы и в случае отказа требовать **силою без стеснения...** о своих действиях по возможности ежедневно доносить телеграммами... озаботьтесь довольствием солдат, при чем в добавок к казенным кормовым деньгам, по мере надобности не стесняться расходами, которые будут возмещены по представлении документов. Во время тяжелых переходов **выдавать винные порции**".*)

1-го ноября Богданович сообщает, что арестован землевладелец Дьяков в Красивке. В доме его происходили собрания крестьян. Хутор Дьякова цел, а вокруг пострадали: мельница Соловово, арендуемая Васильевым; Конопляпка—Крюченковых, в Семеновке—Берг и Оголина, хутор Мясоедовой, в Балыклее—Шаховской, Чернавка—Федоровых, в Красивке—усадьба Крючешковых и завод Можаровых.

Между тем и собрания крестьян в усадьбе Дьякова и целость его хутора об'ясняется тем, что он заключал с крестьянами Дьяковского общества в количестве 28 человек „добровольное условие" на охрану своего хутора. Это добровольное условие было засвидетельствовано даже в волостном правлении. За эту охрану Дьяков обязался заплатить крестьянам 400 пудов ржи, 300 пудов проса, 125 пудов овса, 30 пудов подсолнечного масла, 1 десятину осинового леса и 1 десятину крупного леса на выруб. Часть имущества крестьяне, при этом, с хутора Дьякова взяли к себе и обязались возвратить— „остальное имущество, взятое на сохранение или на охрану, мы домохозяева Дьяковского общества обязуемся возвратить и оставить у него Дьякова". Под этим добровольным условием подписались все грамотные, а неграмотные поставили кресты.

Крестьяне жгут большей частью ометы, увозят хлеб, растаскивают имущество, угоняют скот, усадьбы и дома часто не трогают. Ни одного случая насилия над служащими или владельцами ни в жалобах владельцев, ни в донесениях „усмирителей" нет.

---

*) Там же. Вяз. № 190-а, дело 3503-а.

В донесениях часто говорилось о бандах, надвигающихся на Кирсановский уезд. Луженовский описывал несколько раз встречи с „бандами“. В отчете вице-губернатора Богдановича представленном тамбовскому губернатору 14 ноября он утверждает, что „никаких банд к Кирсановскому уезду со стороны Саратовской губернии не подвигалось, так как будь в действительности банды и подвигайся они на Тамбовскую губернию и проникни в нее, вслед за бандами проникли бы воинские и полицейские силы... а в Балашовском уезде сил было все время неизмеримо больше, нежели у нас, не говоря о количестве уездной милиции, значительно превосходящей состав кирсановской“.

В отчете Богдановича необходимо еще отметить одно место, а именно: „Как к Вашему П-ву, так и к Саратовскому губернатору **поступали от частных лиц преувеличенные и даже вымышленные сведения**, на основании которых картина погромов могла бы получить неправильное освещение. Только путем пребывания на месте, посещения сожженных и разграбленных имений, представлялась возможность уяснить себе действительность и представить о ней... точные и справедливые сведения. Искажение правды доходило до того, что меня убеждали, что пожаром уничтожена целая экономия в Умете, что все разграблено и камня на камне не осталось; я тотчас спешил на место происшествия и находил все в полнейшей неприкосновенности... Известие, полученное... от должностных и частных лиц, о разгроме села Инжавино, о прекращении в нем телеграфного и телефонного сообщения, вызвало мой поспешный переезд... в Инжавино... где я... не только нашел все в полном благополучии, но и лично использовал и телеграф, и телефон. Таких случаев я могу привести несколько... **появление в деревнях даже самых незначительных воинских сил сразу вносило умиротворение**“..*)

Движение крестьян происходило по отчету Богдановича, в волостях Уметской, Вяжлинской, Карай-Салтыковской, Инжавинской, Богдановской, Ржаксинской, Царевской, Арбеньевской и других.

Из Кирсановского уезда движение перешло в Борисоглебский уезд.

Приводя выписки из отчета Богдановича, мы просим обратить внимание на преувеличения убытков, причиненных движением крестьян землевладельцам Впоследствии, когда правительством производились возмещения убытков было немало случаев, когда владельцы на полученные ими деньги имели возможность обстроиться в своих имениях несравненно лучше, чем до разгрома их имений и кроме того у них еще оставались деньги. Бывали и нередкие случаи, когда крестьян заставляли свозить владельцам хлеб в количестве излишнем сверх разграбленного, причем богатые крестьянские семьи, которые имели возможность или содержать у себя постои воинских частей или полицейских стражников, имели возможность не возвращать взятые ими имущество и хлеб у землевладельцев. В то же время бедняки и середняки часто принуждались вывозить больше того, что они взяли в экономиях

*) Там же Вяз № 200, д. 3620, л.л. 166—169.

и таким образом они оставались на зиму совершенно без хлеба—были разорены. К характеристике движения крестьян в Кирсановском уезде мы еще должны добавить, что крестьяне были настроены враждебно далеко не против всех землевладельцев. В секретном столе губернатора мы имеем письмо землевладелицы Констанции Александровны Колховикиной, которая заверяет, что „нас каждую ночь охраняют наши же крестьяне". Причем она сообщает, что „многие крестьяне нашей деревни Никольской скоро будут доедать свой последний хлеб", то-есть несмотря на бедность, они все таки по отношению к своей землевладелице настроены доброжелательно.

Борисоглебский уезд.

Первые сведения о начале беспорядков в Борисоглебском уезде начали получаться в конце октября, когда еще далеко не закончилось движение в Тамбовском и Кирсановском уездах. 28 октября получены известия от пристава Малинина о поджоге имений Рклицкого, Булгакова и Воейковой и о разграблении Петровского хутора князя Гагарина. 29 октября получены сведения о том же от борисоглебского исправника. От пристава Малинина того же числа получена вторая телеграмма о поджоге и разграблении имений Ребиндера, Колчака, Горяиновой. От штаб-ротмистра Илюшкина—о разгроме имений около Уварова—Вершинина и Унковского.

Того же числа фон-дер-Лауниц просит министерство внутренних дел **об об'явлении Кирсановского, Борисоглебского, Козловского уездов на положении усиленной охраны**, а командующего Московским военным округом о присылке двух баталионов пехоты, двух сотен казаков или кавалерии и возвращении взятой из Козлова в Москву полусотни казаков.

В то же время борисоглебскому исправнику фон-дер-Лауниц приказывает немедленно отправиться с полуэскадроном драгун на место беспорядков и одновременно просит командира полка в Борисоглебске отпустить полуэскадрон в распоряжение исправника*).

30 октября фон-дер-Лауниц получает от министра внутренних дел Дурново извещение о „**невозможности прислать войско за отсутствием его в империи**"**).

30 октября штаб-ротмистр Илюшкин телеграфирует, что вся линия железной дороги от Уварова до Мучкапа „освещена", „все имения разграблены", но в Мучкапе, куда уже прибыл исправник Ламанский „все тихо, но напряженно".

Во второй телеграмме он говорит, что от Мучкапа по направлению „на Борисоглебск спокойно".

---

*) Там же. Вяз. № 204, д. 3638, л.л. 433—437.
**) Там же. Вяз. № 204, д. 3638. л.л. 433—437.

Исправник Ламанский 31-го октября извещает, что в Павлодарской волости „грабят и жгут“ имения Аносова, Сорокина, хутор Волконских крестьяне Моисеевской и Чуевской Алабушек, „волнение распространяется больше, войска совсем мало, прошу добавить кавалерии“*).

1 ноября из Уварова поручик Щербинин сообщает, что на 60 верст кругом (Уварово) „имения грабят, жгут“. Крестьяне Моисеевской Алабушки оказали „вооруженное сопротивление револьверы, татары выступили с кольями. Сотни тысяч (!) хлебов увезены, возврат возможен с помощью двухсот казаков“ **).

Того же числа волнения начались в Верхне-Шибряевской волости, где „окольными селами разграблено и горит“ имение Булгаковой, о чем сообщает управляющий имением Андрей Иванов.

Таким образом в несколько дней вся северо-восточная часть Борисоглебского уезда, верст на 25 по одну и по другую сторону железнодорожной линии от Тамбова на Балашов, была захвачена восстанием. При чем, кроме названных выше, пострадали имения Трубникова.

Исправник Ламанский сообщает, что, начиная с 29-го октября, крестьяне „начинают добровольно возвращать награбленное“.

3 ноября Ламанский же сообщает, что имение Измайлова защищали крестьяне Алексеевки, имение цело, „во время столкновения раз'ездов с крестьянами были случаи убитых и раненых крестьян, ранен драгун навылет в руку“.

4-го ноября движение перешло из середины уезда в южную его часть, к Борисоглебску, в Малую Грибановку, крестьяне которой „грабят“ заготовленный лесной материал“ из имения Хренниковых.

5 ноября пристав Борисоглебского уезда Малинин телеграфирует губернатору о разграблении и сожжении имения Финка в Туголуковской волости, Гауданини, Аносова—в Николо-Кабаньевской волости хутора Василия Аносова, Елизаветинской волости, о нападении на Павловскую экономию Волконских, где сожжен один омет; о разграблении имения Колобова, Николо-Кабаньевской волости, где арестовано 45 человек А 4 ноября в деревне Александров, Красно Хуторской волости штаб-ротмистр Илюшкин „предложил... возвратить добровольно награбленное. Согласие не дали и оказали сопротивление выстрелом из револьвера в казаков. **Казаками дан залп. Убито 4, ранено 3 крестьянина.** После этого тотчас крестьяне заявили желание возвратить награбленное“.

4 ноября губернатор предложил Богдановичу отправиться в Борисоглебский уезд, при чем писал: „подтверждаю **действовать самыми энергичными мерами, отнюдь не стесняясь действовать огнестрельным оружием**... только самоотверженным и молодецким натиском вы будете в состоянии погасить мятеж, о чем предлагаю Вам подтвердить всем начальникам частей. В данном случае слабость пре-

*) Там же. Вяз. № 207, д.д. 3657 и 3652.
**) Там же.

ступна... Арестуйте всех агитаторов и подстрекателей, пойманных на месте преступления без милосердия... ни под каким видом, без моего разрешения, арестованных не выпускать, несмотря на предупреждения прокурорского надзора или следственной власти. Вы имеете полное право требовать экстренные воинские поезда и передавать их начальникам отдельных частей. При требовании подвод выдавать удостоверения, при отказе—брать лошадей силой, сажать пехоту верхом, иметь особливую заботливость о нуждах нижних чинов, прибавляя к казенной даче до фунтовой порции чай, сахар, **при трудных переходах винные порции обязательны**"... *).

4 ноября для руководства действиями войска и полиции в Борисоглебск прибыл вице-губернатор Богданович. В его распоряжении были следующие силы: 1. Отряд 7-го запасного кавалерийского полка под командой штаб-ротмистра Илюшкина, 2. Отряд в 42 человека пеших драгун 6-го запасного кавалерийского полка под командой штаб-ротмистра Фальковского, 3. Отряд того же полка, в числе 23 человек, под командой поручика Щербинина, 4. Отряд 5-ой сотни 21 донского казачьего полка в 20 человек под командой вахмистра Прохорова, 5. Рота Пронского пехотного полка под командой капитана Небольсина—63 человека. 6. Рота Бобровского пехотного полка под командой капитана Бобровского, 7. Казачий отряд под командой пристава Вознесенского и 8. Казачий отряд под командой хорунжего Коклюгина.

Кроме того в северной части Борисоглебского уезда самостоятельно „работал" советник губернского управления Луженовский с одной ротой Бобровского пехотного полка.

К моменту прибытия в Борисоглебский уезд Богдановича в северо-восточной части волнения прекратились и войскам приходилось только наблюдать „за возвращением награбленного имущества".

5, 6, 7 волнения происходили в районе села Алешки, где находилось 68 частных владений. Волнения происходили также в соседних волостях. Здесь усмирение производил исправник Ламанский с штаб-ротмистром Фальковским

В волостях—Бурнакской, Сукмановской и Никольско-Кабаньевской действовала рота пехоты капитана Небольсина. В Павлодарской волости вахмистр Прохоров, в Верхне-Чуевской, Подгорнской, а также в Павлодарской и Красно-Хуторской—поручик Щербинин с 23 челов. драгун и казаков. От 7 ноября из Обловки Богданович сообщает, что при арестовании учителя Ново-Русановской земской школы Богатырева „последний отбит крестьянами, предложил исправнику во что бы то ни стало взять его, виновников освобождения строго наказать, в случае малейшей надобности действовать оружием". От 8 ноября Богданович телеграфировал, что **„отбитый крестьянами Богатырев вновь задержан, прочно охраняется в Алешках"**. Около того же времени был арестован письмоводитель судебного следователя Чивилев, который с полицейским надзирателем был препровожден в Тамбовскую тюрьму.

*) Там же. Вяз. № 207, д. 3657, л.л 157 - 158.

Вице-губернатор Богданович в своем отчете губернатору по Борисоглебскому уезду извещает фон-дер Лауница, что сведения, которые ему (Лауниц) посылались „не отвечали истине, так как в то время, когда Вам телеграфировали о грабежах и чуть ли не о пожарах, вопрос об умиротворении уезда был уже почти благоприятно разрешен".

В одном месте своего доклада Богданович сообщает: „во многих пунктах подстрекатели к аграрным беспорядкам являлись местные, так называемые „интеллигенты" например: письмоводитель судебного следователя Криволуцкого—Чивилев, коллежский секретарь Корнеев и учитель Ново-Русановской земской школы Богатырев. Все три названные лица подвергнуты задержанию; опасны и преступны будут последствия их освобождения. Опрос местных людей дает достаточный материал к применению к ним высылки из пределов Тамбовской губернии, на основании положения об усиленной охране... Частными слухами упорно поддерживается агитационная деятельность судебного следователя Криволуцкого, который будто-бы убеждал крестьян перестать жечь и грабить помещичьи земли, рекомендуя иной способ завладения землей—весной пахать господскую землю. Слухи эти остались непроверенными, но носятся они точно так же, как молва о том, что студентам ходившим по селам для подстрекательства к аграрному движению раздавал деньги председатель Борисоглебской земской управы Измайлов".

„Уже 7-го ноября вопрос умиротворения уезда представлялся разрешенным: в редких селениях народ оказывал сопротивление отрядам приходившим для настояния к возвращению награбленного", ., с 7-го ноября случаи нападения на имения уже окончательно прекратились. Войска и чины полиции, главным образом заняты наблюдением за возвращением награбленного имущества". „Из числа 575 частных владельцев пострадало в общем и при том в разной мере 43 лица" *)

Так писал Богданович в своем отчете 20 ноября, после того, как он вернулся в Тамбов, но в действительности 7 ноября движение крестьян было только что называется надломлено. 7 ноября Богдановичу губернатор фон-дер Лауниц писал:

„Хутор Частничной Пустовалово при селе Вязовой, Пост Бурнацкой волости уже несколько дней сам отбивается от громил, если возможно помогите".

8 ноября штаб-ротмистр Илюшкин телеграфировал губернатору: „сегодня ночью из Есипова пешком ходил с казаками и пехотой, грабили имение Гауданини около Терновки. К началу опоздал, прислуга скрыла начало"... **)

От 9 ноября вахмистр 5 сотни 21 Донского полка Прохоров доносил командиру своей сотни рапортом, что он 8 ноября „с отрядом выступил на усмирение мятежа крестьян села Александровки, Мало-Грибановской волости... было сделано внушение крестьянам... один из крестьян кинулся на казака, но был убит"... ***)

*) Там же Вяз № 190-а д 3503-а, л. л. 6—9.
**) Там же. Вяз. № 207, д. 3662, л. 252.
***) Там же. Вяз. № 207, д. 3652, л. 401.

При каких действительно условиях был убит этот крестьянин неизвестно. Неизвестно также и об обстоятельствах убийства очень многих крестьян и в Борисоглебском, и в других уездах. Только отдельные документы дают нам возможность пролить истинный свет на весь тот произвол и на жестокости и зверства, которые творились в описываемое время над беззащитными крестьянами.

Выше было упомянуто, например, о ранении земского начальника Бунина, при чем этот случай изображается как нападение на земского начальника. Но мы имеем показание одного живого свидетеля этого случая В. Ф. Пономарева, который описывает этот случай иначе. Земский начальник Бунин в д. Павловке, Павлодарской волости „вздумал показывать казакам, как надо обращаться с нагайкой, так как по его мнению, они плохо обращались, несмотря на то, что казак вырос с нагайкой, и вот он стал показывать пример над тщедушным мужичком, но тому ученье земского не понравилось и он, схватив вилы, ударил его в живот, а сам, не теряя времени, в виду замешательства в отряде земского скрылся“.

В. Ф. Пономарев описывает также и жестокости произведенные карательным отрядом в селе Павлодаре той же волости, где спрятавшийся на чердаке в школе крестьянин Зайцев, „по доказу врагов крестьянской бедноты был стащен с чердака и тут же зарублен шашками“, а затем стали собирать и остальных „главарей“, „которых по приводе к зданию волостного правления избивали нагайками и прикладами до потери сознания, наваливали на повозку и отправляли на Елизаветинский хутор князей Волконских, где их добивали дубинами полицейские. Таким образом в Павлодаре было убито одиннадцать человек“.

На Елизаветинском же хуторе были таким же образом убиты: брат „зарубленного Зайцева—Василий, ученик Тамбовского Екатерининского учительского института и Дубровин Александр“.

Василий Зайцев и его товарищ крестьянин Островитинов выступили из толпы схода, чтобы „отвечать Луженовскому, который на нестройный гул всех мужиков отвечал залпом“. „Их мучили в течение 4 дней“. *)

Иначе эти факты описаны по докладу пристава 4 стана Борисоглебского уезда исправнику Ламанскому: „днем 6 ноября четыре урядника и стражник, отбиравшие у крестьян расхищенный ими хлеб и имущество с Елизаветинского хутора князя Волконского, заметили едущих по дер. Никольской, Павлодарской волости, на телеге, четырех неизвестных лиц, показавшихся им подозрительными. Их остановили и обыскали. Двое оказались местными крестьянами и их отпустили; у остальных двух—ученика учительской семинарии Василия Дмитриевича Зайцева (из крестьян села Павлодара) и Александра Григорьевича Дубровина (из крестьян Воронежской губернии) нашли—браунинг, железную нагайку, листок „к крестьянам“ и проч. Убежденные в том,

*) Журнал „Право“, 1906 г., стр. 1211, 1212.

что поймали опасных „смутьянов“, полицейские подвергли несчастных страшным пыткам. Когда 8 ноября борисоглебский исправник Ламанский сообщил по телефону приставу 4 стана, что арестованных надо отправить в Тамбов, то получил ответ, что ни Дубровин, ни Зайцев, по состоянию здоровья, поездки выдержать не могут: выяснилось, что **они – избиты нагайками и в них выпущено несколько пуль** (подчеркнуто в подлиннике), так что, по словам пристава, „в Дубровине сидит пуль 6 или 8“... только совместная поездка с участковым товарищем прокурора в с. Павлодар раскрыла глаза как на это событие, так и на ряд убийств: крестьян села Павлодара, тела которых свозились на Елизаветинский хутор“—заявляет исправник Ламанский.

„Это событие“ в действительности произошло следующим образом: Дубровина схватили, не зная кто он и каковы его цели и „замучили его в течение 4 дней“. Когда через 4 дня его родственникам, под видом случайных путешественниц, удалось проникнуть к его трупу— они не узнали его. „Последний день он задыхался, просил воды— ему не давали, он подползал к открытой двери и глотал свежий воздух. С возгласом: „Куда, собака“, казак гнал его в угол нагайкой“, *)

19 ноября было произведено медицинское вскрытие трупа Дубровина. В нашем распоряжении имеется акт этого вскрытия, который мы помещаем в приложении, а здесь приводим только заключительную часть его:

„Из данных судебно-медицинского вскрытия и осмотра трупа крестьянина с. Бутурлиновки, Бобровского уезда, Воронежской губернии смерть Дубровина последовала от паралича сердца и сотрясения головного и спинного мозга вследствие причиненных ему ран как на голове, так и всего тела. Нанесение ран сопровождалось не только ушибом головы, но и значительной потерей крови. Множественные побои головы и всего тела сопровождавшиеся не только подтеками крови, но даже и омертвением кожи и клетчатки на ягодицах и рефлекторно, в виду сильного раздражения периферических окончаний нервов и непосредственно, должны были вызвать сотрясение нервных центров, т. е. головного и спинного мозга, относится к разряду тяжелых ран. Побои же головы и всего тела, сопровождавшиеся значительным подкожным кровоизлиянием и даже омертвением кожи на ягодице и мошонке относятся к разряду тяжких и угрожающих опасностью для жизни побоев, от которых и последовала смерть Дубровина.

Данные повреждения в виду более чем характерных следов насилия на трупе в виде полос, нанесены нагайкой. Повреждения же рук каким то тупым и тяжелым орудием. Ссадины на кистях рук и на голени причинены ногтями пальцев и получены покойным во время нанесения побоев, когда, более чем вероятно, его держали за руки и ноги... Число ударов определить с точностью невозможно, но во всяком случае их было очень много и судя по глубине и обширности кровоподтеков, наносились удары с большою силою.

---

*) Журнал „Право“ стр. 1211.

Были ли причинены данные повреждения одновременно или с известным промежутком, сказать уверенно трудно, но из акта осмотра видно, что некоторые повреждения (полосы, ссадины) и по цвету и по исходу их (омертвение и яркая краснота) резко отличаются между собой, а потому с большей вероятностью надо заключить, что побои производились не раз.

В заключение необходимо сказать, что нанесение таких множественных и обширных побоев (сечение нагайкой) должно было сопровождаться очень сильными и мучительными болями. Борисоглебский уездный врач Н. Никольский. С подлинным верно: в. и. д. секретаря при прокуроре Тамб. Окружного Суда В Успенский". *)

„В селе же Павлодаре ранено до 40 человек". „В селе Березовке Карп Васильевич Клеманов, крестьянин, сошел с ума от истязаний, в селе Песках двое сошли с ума".

Другой документ дает нам представление о том, при каких обстоятельствах был убит крестьянин села Серединовки, Туголуковской волости, А. Ф. Деев и как происходило „надлежащее внушение", после которого обычно происходило возвращение „разграбленного" хлеба и имущества землевладельцев.

4 ноября крестьяне деревни Серединовки, Туголуковской волости разгромили арендатора имения Пуцилло—Бокина, забрав хлеб и другое имущество.

7 ноября в Серединовку приехал становой и собрав крестьян, требовал выдачи зачинщиков. Крестьяне никакого ответа не дали. 11 ноября приехал урядник Рыжов с сыном Бокина Григорием и 10-12 солдатами. По указанию Бокина, урядник высек крестьян А. И. Сверчкова, Я. А. Отставного, Я. С. Зайцева, Г. И. Артамонова, Н. П. Лашкина, М. С. Мещерякова, В. Н. Королева, и О. С. Королева. Солдаты были пьяные и высекли крестьян довольно сильно, так что некоторые добрались до своих изб ползком. На следующее утро крестьяне начали возить Бокину хлеб и имущество.

16 ноября утром в Серединовку снова прибыл урядник Рыжов с казаками, драгунами и с тремя сыновьями Бокина. Все они были пьяны. Урядник собрал сход, приказал сходу снять шапки и стать на колени. Отделив крестьян: А. Ф. Деева, Д. В. Медкова, И. С. Маслова, М. И. Кудряшева, Л. Т. Федорова, Н. В. Отставного, Р. П. Деева, А. Н. Сверчкова, Ф. С. Королева, Я. А. Отставного, Т. В. Панина, Н. М. Сафронова, В. М. Сафонова—солдаты и казаки начали их сечь нагайками и бить шашками плашмя. Первым начали сечь и бить М. Отставного затем А. В. Деева. Он стоял на коленях без шапки, а его секли и били шашками и прикладами ружей. Урядник Рыжов подошел к Дееву, взял его за волосы; Деева разложили, подняли полушубок и начали сечь. Кто то ударил его нагайкой по голове.

*) Тамб. Губар. С. С. Г. В. № 190-а, д. 3503-а.

— По голове то по крайней мере не бейте—закричал Деев.

В ответ на это, его еще сильнее начали сечь, а Рыжов ткнул его шашкой в бок так сильно, что шашка согнулась. Деев стал поворачиваться и вырываться, затем побежал, но его тут же поймал и, снова повалили и начали сечь, он снова вырвался, его опять жестоко секли. Так было все время. Наконец ефрейтор Коваленко выстрелил в него почти в упор из ружья. У Деева показалась кровь. Тут подошли к нему солдаты, подняли, дали под мышку шапку и велели итти домой. Деев шатаясь пошел, его взяли родственники и отвели домой. После порки, крестьян на подводах повезли под арест в Туголуковское волостное правление. По дороге Антон Деев умер.

Во все время порки, остальные крестьяне, несмотря на грязь стояли на коленях, а после окончания ее, Рыжов приказал им наклониться к земле, а младший урядник Варламов, верхом на лошади, поехал по крестьянам взад и вперед, нанося им удары плетью. Некоторые крестьяне были сильно зашиблены лошадью.

После этого крестьян начали сечь, при чем солдаты и казаки об'явили крестьянам, что они прекратят сечь, кто даст рубль. Крестьяне начали сейчас же давать деньги.

На ночь Рыжов с солдатами и казаками возвратились в имение Пуцилло, где пьянствовали и насильничали над женами крестьян, вызвав их из Серединовки.

На утро солдаты приказали мальчику—пастуху Бокиных, собирать по дворам полотенца и чулки, то же было приказано сделать и старосте Серединовки.

На следующий день Рыжов опять приехал в Серединовку и собрал 15 человек крестьян, которых солдаты и казаки высекли нагайками. Независимо от этого, Рыжов и урядник Варламов стали ходить по наиболее богатым мужикам и, угрожая им поркой, начали вымогать деньги: с кого 20 рублей, с кого 12. То же делали и другие солдаты, производя сборы и производя насилия над женщинами.

Письмо священника Василия Викторова губернатору Лауницу проливает свет на то, как возвращался хлеб арендатору Бокину:

«Ваше превосходительство,—пишет Викторов—Не нахожу слов для выражения Вам своей сердечной благодарности, за избавление крестьян деревни Серединовки моего прихода, от произвола полицейского урядника Рыжова. 23 ноября я был у вашего превосходительства: 25-го приезжаю домой и узнаю, что благодаря распоряжению Вашему, здесь уже производится дознание приставом нашего 3-го Борисоглебского стана. Не знаю его лично, но говорят, что это прекрасный человек. Говорят, что дознанием подтверждено все, что я передал Вам на словах. По крайней мере в положении крестьян произошла громадная перемена. Урядник Рыжов отставлен от должности и теперь уже крестьяне спят спокойно, не боясь, что в полночь ворвутся с оружием в руках к ним в хату, при угрозе убить, вымогая деньги и не поведут их жен для насилия на барский двор. Тем, у которых до зерна отоб-

ран и их собственный хлеб, не грозит уже голодная смерть, т. к. пристав распорядился выдать им понемногу хлеба из закромов Бокина. Крестьяне не знают, как и молить бога за ваше превосходительство и дают слово дать самую искреннюю повинную в своем проступке.

Вот теперь только наше горе. При содействии урядника к арендатору Бокину вывезен не только хлеб, награбленный у него крестьянами, но и их собственный до зерна, до пылинки муки; у одних невинных, достоверно известно, вывезено к Бокину до 3 тысяч мер овса и ржи. Это легче было бы доказать, пока хлеб находился бы в закромах Бокина, но последний, чтобы скрыть следы, начал из имения вывозить куда-то этот хлеб. Могут доказать, что в один день 2-го декабря им вывезено хлеба на двадцати подводах. Это ведь в один день от 500 до 600 пудов, а там он может возить и ночью. Боимся, как бы не пропал хлеб, составляющий собственность крестьян. Тогда полный разор всей деревне. Только и надежды осталось на данное вашим превосходительством обещание, что ни зерна крестьянского хлеба не пропадет и все будет возвращено им.

Простите за беспокойство. Пишу все это, пользуясь только единственно любезным разрешением вашего превосходительства сообщать лично вам о происшедших переменах в положении крестьян деревни Серединовки. 1905 г. 3 декабря" *)

Козловский уезд.

В Козловском уезде так же, как и в других уездах Тамбовской губернии, волнения крестьян не носили такого бурного характера, как в Тамбовском, Кирсановском и Борисоглебском уездах.

Еще во время железнодорожной забастовки для прекращения ее в город Козлов был командирован вице-губернатор Богданович, который пробыл в Козлове до самой командировки на ст. Умет, в Кирсановский уезд. В Козлове Богданович установил, что председатель уездной земской управы Ушаков созывал на 23 октября на заседание из уезда учителей земских школ и просил их „пропагандировать, чтобы крестьяне отнимали землю у помещиков". Большинство учителей не согласилось на это, об'ясняя, что у них имеется распоряжение инспектора народных училищ не заниматься делами политики и что за такие дела им может угрожать увольнение от службы. Тогда Ушаков сказал, что „всех уволить не могут, если будут солидарно действовать". „Учителя якобы не довольны Ушаковым за то, что он их напрасно вызывал на заседание" **)

В Козловском уезде в 1905 году был неурожай и озимых и яровых хлебов. В то время как в Борисоглебском, Тамбовском и Кирсановском уездах урожай ржи приближался к среднему и давал от 42 до 49 пудов на десятину, в Козловском уезде рожь в среднем по

---

*) Там же. Вязка 191/а д. 3503/а л. л. 60.
**) Там же. Вяз. № 207, д. 3653, л.л. 83, 84.

уезду дала только 29 пудов с десятины. Эта справка дает нам возможность установить, что волнения крестьян в Тамбовской губернии в 1905 году не стояли в прямой зависимотти от неурожая. Напротив, во всех тех уездах, где урожай был хуже, не было такого бурного движения, как в трех вышеназванных уездах, где как раз в 1905 году урожай главного хлеба—ржи был выше, чем во всех остальных уездах.

1-го ноября исправник Козловского уезда Бологовский известил губернатора, что „жгут и грабят имение князя Галицина, Галицинской волости".

От 6 ноября землевладелица Потехина Е. Н. писала губернатору о неспокойном состоянии крестьян вокруг ее имения, близ села Бельского и станции Никифоровки, Рязанско-Уральской железной дороги, при чем она особенно опасалась крестьян села Ярославки. „В уезде охраны нет. Становой на днях принял все зависящие от него меры, дал мне на три дня четырех стражников, но вскоре им была получена просьба об охране женского монастыря. Собираются еще в одном имении просить хлеба и топлива, а если не дадут, то громить имение. Погром может начаться сразу в нескольких имениях, что тогда будут делать становой и стражники? 31 октября и 1 ноября ярославские крестьяне уже порезали у меня весь мелкий хворост на веники, являясь в числе 30—50 человек. Посланным мною с приказанием им (крестьянам) удалиться они отвечали: „нас никто не может прогнать, нам дано право и свобода, нам читал об этом старшина в волостном правлении, что хотим, то и делаем, нам за это ничего не будет." 2 ноября неизвестно кем была подожжена моя усадьба в 11 часов дня, но... сгорело одно строение. Ходят упорные слухи, что ярославские крестьяне назначили для погрома многие имения, но что мое назначено первым".

Интересно донесение губернатора фон-дер-Лауница от 5 ноября министру внутренних дел.

„В Козловском уезде о новых случаях грабежа пока еще не слышно, но **крестьянство во многих местах сильно шиpшит поджигаемое всей земской нелегальщиной, особенно преступной деятельностью отличается крестьянин Алексей Коренфельд,** бывший волостной писарь. Козловская земская управа под председательством Ушакова—председателя земской управы, при участии почти поголовно всех служащих, учителей, фельдшериц, докторов. Было несколько митингов с невозможными постановлениями, манифестациями, нетерпимыми при каком бы то ни было режиме. Какой то сумашедший дом и без радикальной чистки оставить даже грешно".

7-го ноября Козловский исправник телеграфировал губернатору, что „сожгли усадьбу Льва Каншина".

Того же числа исправник известил губернатора, что земский начальник Мацнев по телефону сообщал ему, что толпа крестьян обступила его дом, требует продовольствия и грозит разгромить амбары.*)

*) Там же. Вяз. № 207, д. 3653, л. 43

Из Петербурга губернатор получил телеграмму от Николая Чичерина, что крестьяне сельца Покровского, Сергиевской волости „подстрекаемые посторонними требуют с угрозами хлеб и солому из моей экономии, прошу помощи".

Из Москвы помещик Рахманов просит о высылке в его имение в село Казинки, Козловского уезда, на постой, на его „содержание и оплату" полсотни казаков, с оговоркой „если мое имение еще не разграблено".

13 ноября землевладелец Жихарев просит губернатора принять меры к предотвращению разгрома, так как крестьяне села Красноселья, Волчковской волости, собрав сход, постановили разграбить его имение. При этом Жихарев указывает подстрекателей трех человек, из них один сиделец винной лавки—Вдовин. Разгром экономии был предотвращен командой стражников в 10 человек, а Вдовин был арестован.

В имениях Манинина и Климова, выезжавший туда с ротой солдат, исправник прекратил разгром имений, часть имущества возвратил и арестовал 10 человек крестьян.

18 ноября губернатор получил от одного из помещиков Козловского уезда, письмо, в котором он указывает, что крестьяне Козловского уезда, вследствии неурожая, сильно бедствуют и нуждаются в продовольствии. Помещик, указывая на это обстоятельство, предупреждает губернатора о возможном движении крестьян с целью отобрания у землевладельцев хлеба и корма. *)

В Козловском лесничестве Ярковские крестьяне 19 ноября самовольно приступили к порубке казенного леса, в тот же день исправник прекратил порубку, лес отобрал, а виновных привлек к ответственности по суду.

Моршанский уезд.

Также, как в Козловском уезде, не носили бурного характера волнения крестьян и в Моршанском уезде.

Первые известия о революционных действиях крестьян были получены губернатором 2-го ноября от чиновника особых поручений командированного губернатором в гор. Моршанск. Он телеграфировал: „Вооруженная кольями толпа напала в час ночи на имение Пашкова. **Четыре бунтовщика ранены**. Толпа разбежалась". На следующий день были получены подробности от моршанского исправника из Земетчина: „В 7 часов вечера 1-го ноября крестьяне Верхней Матырки за селом напали на экономический обоз в 20 подвод, разогнали возчиков, захватили 450 пудов муки, рабочих били".

Немедленно прибыл пристав с резервом стражи в 6 человек.

Толпа крестьян около 100 человек, вооруженная кольями, в час ночи напала на имение, за ними толпой следовали женщины и мужики.

*) Там же. Л. 89.

„Пристав Суричан исчерпал все меры предупреждения погрома, употребил в дело вначале холодное оружие, затем огнестрельное. **Ранены 4 крестьянина, из которых один сегодня умер.** По слухам в селе есть еще раненые." Раненые главари движения—порочные люди. Пристав, стража действовали молодецки, забывая все для долга службы. Достойны награды" *)

Напуганные движением крестьян в Тамбовском, Кирсановском и Борисоглебском уездах, управляющие имениями и помещики, с'ехавшись в Земетчине решили потратиться и обзавестись своей собственной полицейской стражей. Нет сомнения, что на необходимость этого их натолкнул „достойный награды, молодецкий подвиг Суричана".

6-го ноября исправник Моршанского уезда из Земетчина телеграфировал губернатору:

„Помещики и управляющие имениями волостей:—Кашивской, Земетчинской, Отормской и Матчерской выразили желание оказать помощь полиции увеличением состава стражи до 80 человек. Деньги на содержание этой стражи и вооружение берданками пожелали внести в депозит управления. Кроме того обязались продовольствовать стражу и снабдить верховыми лошадьми. Прошу ваше превосходительство разрешить мне формировать новой стражи 80 человек на отпущенные деньги и вооружить ее огнестрельным оружием" **)

Конечно, это охотно было разрешено. В этом случае, также, как и во всем движении крестьян, наглядно совпадают интересы царского самодержавия с интересами помещиков. Разгромы помещичьих имений были в то же время и разгромом царского самодержавия. Охрана помещичьих имений была охраной самодержавия. Недаром один из русских царей говорил, что в лице 30 тысяч помещиков он имеет 30 тысяч полицеймейстеров.

Имела ли значение новая охрана для уезда или в этом случае играли роль другие причины более глубокого свойства, но факт тот, что каких-либо действий во всю первую половину октября со стороны крестьян по отношению к помещикам не наблюдалось в Моршанском уезде. Тем не менее настроение крестьян в Моршанском уезде не было спокойным.

Земский начальник от 14 ноября доносил губернатору, что в „селе Ракше и Хлыстове среди крестьян ходят слухи, что около 20 ноября приедут в села „студенты", после чего будут сожжены имения Безобразовых при с. Ракше и Безобразовой при селе Хлыстовке, Островской волости. Служащие Безобразовых вывозят свои вещи из имений" ***)

15-го ноября, по донесению моршанского исправника, в экономии князя Оболенского при деревне Ново-Александровке, Куликовской волости, от поджога сгорели два омета соломы, стоимостью в 1000 рублей. Было по этому поводу произведено расследование, при чем „уста-

*) Там же. Вяз. № 203., д. 3633.
**) Там же Л.Л. 76 и 80
***) Там же.

повлено", что крестьяне д. Ново-Александровской решили произвести беспорядки и сжечь винокуренный завод. Участились случаи нападения крестьян деревни Ново-Александровки на служащих—крестьян других сел За два дня до поджога был избит конюх Шитиков. Тремя неизвестными был избит караульный экономии, который накануне вместе с другими своими односельчанами в числе 20 человек только что получил расчет и собирался отправиться на родину.

Во время пожара крестьяне не допускали брать воду из пруда для тушения пожара и отрезали шланг пожарной трубы. В толпе, собравшейся около пожара, были слышны крики: „не растаскивать, а тащить огонь к другому омету соломы Грозили, что завтра сожгут ригу и цистерну со спиртом. Крестьяне д. Ново-Александровки предупреждают откровенно рабочих экономии, „чтобы они удалялись из экономии" *)

17-го ноября исправник Велейский телеграфом доносил губернатору, что, по собранным им сведениям, в Моршанский уезд Крестьянский Союз направил 12 человек членов для поднятия крестьян к разгрому имений и захвату земель и постановлению приговоров в этом духе. **Захвачен с массою прокламаций и брошюр противоправительственного содержания ученик 8-го класса Тамбовской гимназии Подбельский на раз'езде Поминаевки стражником Беляевым. Подбельский отправлен в тюрьму.** Общее настроение населения уездов приподнятое. К захвату остальных, в случае появления, приняты меры. **)

Один факт из жизни деревни Шачи, Никольско-Мало-Ломовской волости, дает нам представление об отношении крестьян к царю Николаю. 23-го декабря исправник донес рапортом губернатору, что крестьянин названной деревни, Захар Прокофьев Андреев, пел в церковно-приходской школе революционную песню: „от Амура до Алтая нет глупее царя Николая", а 6-го декабря тот же крестьянин, будучи в доме крестьянина Ивана Курашкина, подошел к картине „государи и правители всего света" и двумя пальцами прорвал глаза у портрета государя императора, а затем в доме у другого крестьянина Жаринова „оскорбил словами пресвятую деву Марию, называя ее полевой блудницей и распутной девицей."

Крестьянин З. П. Андреев был арестован исправником, в порядке 21 статьи положения о чрезвычайной охране, при моршанской тюрьме на две недели.***)

Нам уже выше приходилось отмечать, что крестьяне северных, малоземельных уездов, не находя заработков в окрестных имениях и принужденные искать заработков на стороне, в больших городах, на фабриках, заводах и шахтах, приносили оттуда в свои глухие села более высокую сознательность, раскрывавшую глаза крестьянам на окружающую жизнь и расширяющую их политический кругозор. На

*) Там же. Вяз. № 206 д. 3649, л. 36.
**) Там же Вязк. № 206, д. 3649, л. 930.
***) Там же Л. 251.

этот раз мы еще раз можем подтвердить это документом—дознанием пристава 1 стана, Моршанского уезда, произведенным по поводу одного схода в селе Гумны, Черкинской вол., бывшем 26-го декабря 1905 г. На этот сход были командированы два стражника, так как староста села Гумны опасался, что возвратившиеся с шахт крестьяне „сделают возмущение и выберут своих каких то уполномоченных“.

Когда пришли стражники в сборную избу, они застали там человек 60-70 крестьян, которые все сразу о чем то кричали, „так что было трудно разобрать“, а старосту они перебивали. Когда староста вышел из избы, то один из крестьян сказал:

— Если этот староста не будет нам содействовать и не будет делать, что мы хотим, то мы выберем другого старосту или уполномоченного и будем сами обсуждать свои вопросы. Мы добьемся своей цели.

Другой крестьянин приказал сходу замолчать и сказал:

— Мы выберем своего старосту и уполномоченного и будем собираться чуть не каждый день для обсуждения своих вопросов. Приговора наши будем сами подписывать, на утверждение к земскому начальнику посылать не будем.

Когда в избу воротился староста, то крестьянин Садовников сказал:

— Староста сам ничего не понимает, а людям сопротивляется— и начал бранить его...

А один крестьянин, обратившись к стражникам, спросил:

— Вы зачем здесь? Вам совсем нечего здесь делать.... Хоть вам и платят жалование... и мы платим, но вы совсем не нужны нам. Вы черная сотня... зачем вы шашки носите? Нас сечь ими хотите? Вот мы пойдем к князю Челокаеву и будем хлеба просить, а не дадут— громить будем, а вы не будете нас допускать. .

Другие кричали:

— Вы на своего брата идете, стреляете и рубите, сами судите... Какие это законы? у нас теперь после 17-го октября свои законы есть... Вы нам не нужны и бесполезны...

Староста села Гумны на допросе показал, что он пригласил на сход стражников потому, что опасался, что „шахтеры, наслышавшись на стороне разных слухов, сделают смуту“, что „на шахтах их учили ораторы, что законы не так составлены, что начальства не нужно, что, надо все вновь сделать, все старое неправильно“.... „Не надо старосту, **выберем от себя депутатов в Петербург**“ *).

Читатель должен обратить внимание, что здесь, в селе Гумны, у шахтеров уже созрела мысль, также как у рабочих больших городов, о необходимости избрания своих депутатов с тем, чтобы связаться ими с Советом Рабочих Депутатов Петербурга. Здесь на примере с. Гумны можно наблюдать, что вожаками являлись крестьяне, которые одной ногой уже ушли из деревни; деревня их уже настолько не обеспечивала, что они или должны были искать себе средств существования на стороне—на шахтах, а если принуждены были возвращаться в деревню,

*) Там же. Л. Л 385 - 386.

то им оставалось одно: или итти просить хлеба у Челокаева или, если не дадут добровольно—брать самим. У шахтеров села Гумны уже сложилось убеждение, что закон не на их стороне, что нужны другие законы. Они являются уже не только слепым орудием экономической необходимости, которая толкает их на революционные действия, они уже крестились в шахтах в веру рабочих в новую жизнь, в необходимость изменения законов страны, они уже не только слепо стихийны, они уже сознательны политически.

Липецкий уезд.

В Липецком уезде после 17-го октября было разгромлено крестьянами с. Ярлукова и с. Казинок имение Гарденина. Этот разгром находится в связи с „бунтом" Воронежского дисциплинарного батальона. Дисциплинарными батальонами при царском режиме назывались особые военные тюрьмы, куда военные суды приговаривали провинившихся военно-служащих за крупные, по тому времени, преступления. Условия жизни в дисциплинарных батальонах, или так называемый режим их, был очень строг. За малейшие проступки и оплошности солдаты подвергались телесным наказаниям и заключению в карцер. Попасть в дисциплинарный батальон было хуже, чем попасть на каторгу

В Воронежском дисциплинарном батальоне, содержалось несколько сот солдат. В середине ноября они взбунтовались, разогнали свое начальство и часть солдат, небольшими группами, с ружьями, разбрелись в разные стороны. По рапорту исправника, 4 вооруженных солдата Воронежского дисциплинарного батальона пришли в с. Казинку 19-го ноября в полдень и, зайдя в избу крестьянина Метелина, напились у него чая. По селу быстро разнеслась молва о приходе солдат и народ стал появляться на улице кучками. Напившись чая, солдаты также вышли на улицу и стали подговаривать казинцев итти громить помещиков. Некоторые крестьяне стали им отвечать, что этого делать нельзя, на что солдаты ответили:

— Вздор, везде уже крестьяне отбирают хлеб, так как он принадлежит им.

Под влиянием такой агитации, солдаты вместе с крестьянами пришли в соседнее имение Гарденина и потребовали у служащих отпереть амбары, но, получив отказ, сами взломали замки у двух амбаров и солдаты начали раздавать хлеб крестьянам, а кто не хотел брать, они угрожали штыками. Дело всетаки шло вяло, тогда кто-то предложил сходить в винную лавку и толпа во главе солдат разгромила ее. После разгрома винной лавки солдаты ушли, а опьяневшая толпа возвратилась в имение Гарденина. „Начался полный разгром включительно до дома, где растащили и разломали почти всю мебель". Крестьяне села Ярлукова, расположенного на противоположной стороне реки, сначала не решались присоединиться к казинским крестьянам, но когда их одно-

сельцы, приехавшие с городского базара (Казинки и Ярлуково находятся в нескольких верстах от гор. Липецка) привезли приобретенный там хлеб из имения Гарденина, то тоже пошли в имение.

Часть разграбленного имущества оказалась и в других окрестных селениях, „но попали они туда или случайно, или от казинских и ярлуковских крестьян".

Липецкий исправник был извещен о приходе „каких-то" солдат и „подговоре крестьян громить" имение самим Гардениным в 7 часов вечера 19-го ноября. Получив извещение, он, по его рапорту губернатору, немедленно нанял легковых извозчиков, посадил на них полуроту и в 8 часов вечера вместе с полуротой, а также со становым приставом, капитаном роты, городовым Боснинским и с самим владельцем имения, отправился к имению. Когда под'езжали к селу Казинка, то было уже 11 часов вечера. В избах горели огни. Навстречу стали попадаться люди несущие мешки с хлебом, а также подводы, нагруженные хлебом. Солдаты полуроты несколько отстали от исправника и прочего начальства. Исправник начал останавливать крестьян и возвращать в имение, но „повиновения не последовало. Тогда мы принуждены были сделать несколько выстрелов из револьверов, **при чем было ранено несколько лошадей**, но так как толпа стала увеличиваться и стала стараться увезти хлеб, то мы вынуждены были обнажить **шашки и отбивать наседавших на нас людей**. После этого толпа стала разбегаться, бросая награбленное, к этому времени подошли солдаты и в это же время было получено известие, что со стороны села Ярлукова идет громадная толпа народа. Направивши туда солдат, мы увидели, что действительно идет толпа. На предложение остановиться—ответа не последовало, тогда я **сделал распоряжение дать несколько выстрелов**, после чего толпа немедленно разбежалась". *).

Урядник, проезжая через полотно железной дороги и зайдя напиться на будку, заметил, что там пьянствуют какие то подозрительные личности. Захватив с собой 6 человек солдат, пристава, урядника и городового, исправник отправился на станцию Казинки, где узнал, что бежавшие из дисциплинарного батальона солдаты должны быть в будке, „так как оттуда было известие, что они там пили водку и будто завтра собираются итти грабить Мариинский винокуренный завод и устроить погром в Липецке".

Исправник отправился к будке, оставив лошадей в лесу. Сторож будки подтвердил, что солдаты у него были, пили чай, а потом ушли. „При дальнейшем настоятельном допросе сторож сознался, что солдаты спят у него в бане", но итти туда отказался и тушил фонарь, за что был арестован. Дверь в баню была заперта изнутри, ее сорвали. Вбежав в нее, захватили ружья, которые оказались заряженными. Солдат вывели и связали, причем „один из них оказал сильное сопротивление. **На утро он умер, а при „вскрытии оказалось, что смерть последовала от излишнего употребления вина**". **).

*) Подчеркнуто автором.
**) Подчеркнуто автором.

На другой день в с. Казинке был собран сход.

Он был настроен враждебно против полиции и солдат, на сходе был арестован прежний староста „несмотря на желание толпы оказать сопротивление".

На следующий день 21-го ноября, сход пришел в имение Гарденина, а когда исправник вышел к сходу, „то сход стал на колени и просил прощение". Исправник приказал сходу возвратить все разграбленное. Тоже было сделано на сходе в селе Ярлуково. К 3 декабря в имение было возвращено более $^2/_3$ разграбленного и „подвоз продолжается". Полурота была оставлена в имении. Исправник просил у губернатора выслать в Липецкий уезд хот 10 казаков.

8-го декабря вечером крестьяне села Сошек, в количестве 50 человек, с подводами, произвели самовольную порубку леса „у наследников дворянина Петина". Порубка была приостановлена урядником. Часть леса была похищена, остальная брошена на месте. Урядник о происшествии составил протокол и привлек виновных к ответственности.

Темниковский, Елатомский, Шацкий и Усманский уезды.

В Темниковском уезде 22-го ноября в 8 часов вечера на хутор „Березовый", Ивановской лесной дачи, принадлежащий Кадомскому городскому обществу, явилась толпа крестьян, закутанных шарфами и воротниками чапанов, так что нельзя было узнать лиц.

По рапорту исправника Кудрявцева, толпа начала бить окна в квартире управляющего и в конторе хутора, а затем, когда служащие разбежались, ворвалась в квартиру, переломала мебель, перебила посуду и с шумом удалилась.

В толпе опознали нескольких крестьян села Красного Яра, Бутаевской волости, которые были потом арестованы, на основании 21 статьи положения об усиленной охране, дело о них было передано судебному следователю для привлечения их к ответственности по суду.

27-го ноября крестьянами села Веденяпина был сожжен расположенный в 3-х верстах от села хутор Поповых и 21 стог сена на лугах. 19 стогов принадлежали Поповым, а остальные—кресьянам снимавшим луга у Поповых. Убытку этим пожаром нанесено, по рапорту исправника, Поповым на 15 тыс. рублей, управляющему—500 рублей, разным лицам—2500 рублей.

При приближении толпы, владельцы и все служащие убежали в лес, так что опознать никого из толпы не могли, но по подозрению было арестовано 4 крестьянина, которые на основании 21 статьи положения об усиленной охране были заключены в тюрьму, а дело о них было передано судебному следователю.

В Елатомском уезде с 7-го по 9 ноября волнения крестьян были в селе Тонкачеве, крестьяне которого увезли сено Языкова.

В селе Елизаветовке крестьяне произвели самовольную порубку леса у князя Гагарина. В селе Хохловке, Конобееве, Балушеве и Батьках также были волнения, но подробностей о волнениях в этих селах мы не имеем.

Крестьяне села Полтевых Пеньков, той же волости, в декабре месяце составили приговор, в котором просят „батюшку государя нашего, императора самодержца всероссийского“ и „Государственную Думу“ об отобрании в их пользу земель соседних владельцев и об установлении новых законов. Приговор этот мы приводим в приложении.

В Шацком уезде волнения крестьян происходили осенью в Пертовской волости, оно выразилось в самовольном сборе картофеля с полей Кареева и поджоге у него 2-х стогов сена, а также в том, что крестьяне разбирали изгороди на участках Кареева.

9-го ноября, когда земский начальник Евреинов собрал из всех сел Пертовской волости крестьян для раз'яснения им манифеста 17 октября, то собравшиеся крестьяне произвели шум и кричали: „нечего читать, мы сами знаем“.

2-го декабря крестьяне села „Калиновец“ толпою напали на дом землевладельца Брехова, стали ломать палисадник и бить окна. После неоднократных предупреждений стражник выстрелил из ружья и ранил в ногу крестьянина. Кр-не после этого прекратили беспорядки. Стражник, ранивший в ногу крестьянина, получил от губернатора в награду 5 рублей*).

Помещик Воронцов-Вельяминов, чтобы оградить свой хутор Батьки, внес в казначейство 1080 рублей на увеличение полиции 6-ю стражниками.

В Усманском уезде 15-го ноября крестьяне села Ольшанки „разгромили“, по донесению пом. исправника Туголуковского, лесной материал из леса князя Вяземского, в имении Лотарево, за что 8 крестьян привлечены к ответственности по суду, а из под ареста, произведенного Туголуковским, следователем освобождены, „после чего коробковские крестьяне вновь взволновались“.

19-го ноября в имении Сукочева крестьяне деревни Григорьевки самовольно пасли скот и грозили поджогом и разгромом. Двое из крестьян „зачинщики беспорядков“ были арестованы.

В ночь на 22 ноября близ села Коробовки у помещика Вельяминова сожгли стог сена, а 22-го вечером инвентарный сарай.

12-го и 13 декабря в Бреславской волости, крестьянин села Березнеговки, той же волости, П. Л. Зотов ездил по селу Федоровке и „подбивал крестьян брать у помещиков землю и выгонять их из имений“. В домах крестьян Панкратова и Каланникова он читал „листки“. Из Федоровки Зотов направился в деревню Екатериновку 1-ю и сельцо Петровское.

*) Тамб. Губар. С. С. Губ. Вяз. № 190а, д. 3501а.

15 и 16 декабря сын священника села Пластинок *) посетил села Ростовку, Васильевку и Димитриевку, где старосты созывали для него сходы. Что говорил „сын священника села Пластинок сходам—неизвестно, но креме того он раздал книжки и листки, которые впоследствии были отобраны. Вот их перечень: книжка „Крестьянский союз“, листок „Что хотят люди, которые ходят с красным флагом“. книжки— „Как выбирать народных представителей“ и „Как сицилийские крестьяне боролись за свои интересы“, листок „Постановление делегатского с'езда“. Кроме того отобрана форма приговора „о желании крестьян отбирать землю у помещиков и не доверяться чиновникам“.

11-го декабря в сельце Ростовке учительница Е. И. Звонарева собирала крестьян Ростовки, Васильевки и Димитриевки 2-й и читала „газету с формой приговора“.

Все перечисленные агитаторы были арестованы, а старосты, собиравшие „незаконные“ сходы, были подвергнуты земским начальником фон Гагеном аресту на семь суток каждый. Кроме указанных лиц 24-го декабря были арестованы в Усманском уезде учителя земских школ села Браславки—П. М. Зотиков и сельца Петровского 3-го — С. М. Зотиков, „агитировавшие среди местных крестьян“. У Зотиковых было отобрано „Постановление делегатского с'езда Всероссийского Крестьянского Союза от 6—10 ноября 1905 года“, содержащее в себе постановления:

1. По земельному вопросу. 2. По поводу восстания и волнения крестьян. 3. О должностных лицах и местном самоуправлении. 4. По поводу кронштадтских событий 28-го октября. 5. По вопросу о еврейских погромах. 6. Об отношении к Государственной Думе. 7. По поводу манифеста 17-го октября. 8. Об организации на местах отделений и комитетов Крестьянского Союза. 9. По вопросу о народном ополчении. 10. По вопросу об отмене смертной казни и исключительных законов (военное положение и положении об усиленной охране). 11. О времени созыва и о составе Второго Всероссийского С'езда членов Всероссийского Крестьянского Союза. 12. По вопросу о государственных займах.**).

---

*) Впоследствии было установлено, что это был Будаков, Н. Ив.,—соц.-революционер, студент Московского университета.

**) Тамб. Губар. С. С. Губ. Вяз. № 205, л. 3641.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Волнения крестьян в 1905 году были не в одной только Тамбовской губернии. Еще весной 1905 года в феврале месяце восстания крестьян начались в Дмитровском уезде, Курской губернии, где в течение 5 дней «были разобраны десятки экономий». Оттуда движение перебрасывается в Орловскую и Черниговскую губернии. Сильное движение крестьян происходило на Кавказе—в Кутаисской и Батумской губерниях. В марте движение крестьян приняло форму погромов в Воронежской губернии. Волнения крестьян происходили также в Прибалтийском крае

Весной волнения крестьян происходили в 74 уездах. Летом волнения крестьян усилились и происходили уже в 91 уезде. Но с особенной силой движения крестьян начинаются осенью в связи с революционным движением в городах. В это время крестьянские движения были уже в половине всех уездов России в 240. В 119 уездах они приняли форму разгромов имений. *)

Особенно сильно было движение в губерниях: Саратовской, Самарской, Курской и Тамбовской. По всей России было разгромлено 2000 усадеб. Убытки, причиненные разгромом только по 10 губерниям, по официальным данным определяются в 29 мил. руб. В Саратовской губернии было разгромлено 272 помещичьих усадьбы на $9^1/_2$ мил. руб., в Самарской на 4 мил. руб., в Курской губернии—127 имений на 3 мил. руб. и в Тамбовской 130 имений на сумму $2^1/_2$ мил. руб. **)

В разгар аграрного движения крестьян правящие сферы были сильно перепуганы этим движением. Об испуге помещиков известный Витте в своих воспоминаниях говорит, что «многие дворяне, собственники земель совсем потеряли голову». Дворцовый комендант Трепов говорил Витте: «я сам помещик и буду весьма рад отдать даром половину моей земли, будучи убежден, что только при этом условии я сохраню за собой вторую половину». Генерал Дубасов, усмирявший не менее жестоко, чем фон-дер-Лауниц и Луженовский, крестьян в Черниговской и Курской губерниях, склонен был согласиться на отчуждение частновладельческих земель. Он настаивал в разговоре с Витте, чтобы закон об этом был проведен до созыва государственной думы, «этим крестьян успокоите и помещикам будет лучше, так как, в противном случае, крестьяне отберут все земли от помещиков».

В совет министров было подано два проэкта об отчуждении частновладельческих земель. После обсуждения одного из них—проэкта Ми-

---

*) Дубровский Очерки русской революции.

**) Маслов П. П. Крестьянские движения.

По подсчету Струкова, командированного в Тамбов. губ., пострадали 149 владельцев.

гулина, совет министров постановил: отменить выкупные платежи и усилить скупку земель крестьянским банком. Первое было проведено манифестом 3 ноября, другой проэкт—Кутлера, после обсуждения его в совете министров, был доложен графом Витте царю Николаю, который на полях доклада написал: **«не одобряю»**.

Как себя чувствовало во время движения крестьян тамбовское дворянство? Оно было недовольно даже деятельностью Луженовского. На частном заседании в зале дворянского собрания нескольких десятков землевладельцев было заявлено требование о применении военно-полевого суда над участниками крестьянских погромов, а председателем губернской земской управы Стерлиговым была даже послана телеграмма гр. Витте с просьбой о введении военного положения во всей губернии *).

На чрезвычайном Тамбовском уездном земском собрании 15 ноября 1905 г. было постановлено: «ходатайствовать пред правительством: а) о присылке немедленно достаточного количества войск для уезда, причем желательно иметь кавалерийские части, как более подвижные; б) чтобы лица, привлеченные к ответственности за агитаторство, а также крестьяне, уличенные в принятии участия в погромах усадеб судились бы скорым судом, но ходатайствует о неприменении полицией карательных мер помимо суда и следствия, произведенного надлежащей судебной властью; в) просить об ускорении производства выборов членов в государственную думу, согласно манифеста 17 октября и чтобы в думе на первую очередь был поставлен крестьянский вопрос о наделении их землей; г) обсудив высочайший указ правительствующему сенату от 10 апреля, земское собрание считает применение круговой поруки при взыскании убытков, нанесенных владельцам, вредным несправедливым делом и полагая, что не дело собрания высказываться по вопросу: с кого правительство, удовлетворив потерпевших владельцев, будет взыскивать нанесенные убытки и будет ли вообще взыскивать, постановило: ходатайствовать о применении высочайшего указа правительствующему сенату и для Тамбовского уезда, чтобы пострадавшим владельцам от крестьянских погромов все убытки уплачены были за счет казны, но чтобы при взыскании этих убытков ответственным перед казной являлось не целое общество, как юридическое лицо, а отдельные лица, уличенные в грабежах; д) в местностях, где происходят аграрные беспорядки, казенные винные лавки немедленно закрыть, а имеющуюся водку немедленно уничтожить, так как доказано, что крестьяне, участвующие в погромах имений, всегда бывают пьяны; е) поручить управе по выяснении убытков, нанесенных владельцам, созвать экстренное земское собрание; ж) причитающиеся деньги за понесенные убытки от аграрных беспорядков владельцам были бы выданы как можно скорее, дабы каждый владелец мог своевременно приобрести инвентарь и семена для весеннего посева».

---

*) Маслов П. П. Крестьян. движ. В. II., стр. 104.

Пункты о судах и взыскании убытков продиктованы, конечно, вовсе не гуманностью помещиков, а соображением не дать повода крестьянам к новым разгромам имений и раздражению против помещиков. Не все ли равно с кого получить. Лишь бы получить.

Паника дворянства и правительства была вызвана не одним только революционным движением крестьянства. В конце 1905 года, еще до опубликования манифеста 17 октября о свободах, в Петербурге, Москве и некоторых других крупных городах были организованы Советы Рабочих Депутатов. Они руководили деятельностью восставших рабочих. В ноябре месяце начались восстания в войсках: в Кронштадте, Пятигорске, Екатеринодаре, Севастополе, Киеве, Харькове, Ташкенте, Риге, Орле и других местах. Они были жестоко подавлены.

Растерявшееся правительство, увидев, что значительное количество войск осталось на его стороне, переходит в решительное наступление В Петербурге был арестован сначала президиум Совета Рабочих Депутатов, а затем и весь Совет в полном составе.

В декабре месяце Московский Совет Рабочих Депутатов, после ареста Петербургского Совета (3 декабря), в своем заседании 6 декабря старого стиля вынес решение снова об'явить всеобщую забастовку с 7 декабря и „приложить все усилия к превращению ее в вооруженное восстание".

Этот лозунг принял и вновь организованный в Петербурге Совет Рабочих Депутатов, а также 29 железнодорожных линий. Центральный Комитет социал-демократической рабочей партии выпустил воззвание: „Ко всему народу", в котором призывал к созыву учредительного собрания революционным путем.

К этому воззванию присоединилась социал-демократическая партия еврейского пролетариата — Бунд и партия социалистов революционеров.

Декабрьская стачка охватила 40 городов и все железнодорожные линии, за исключением Николаевской железной дороги, соединявшей Петербург с Москвой.

Вооруженные восстания осуществились в Москве в Донецком бассейне, вдоль Сибирской железной дороги, где „войска, возвращавшиеся из Манчжурии, вступили в сношения с Советами Рабочих Депутатов, с железнодорожными комитетами и с самой партией". В руках восставших оказались Новороссийск, Николаев, Екатеринославль, Чита, Красноярск некоторые прибалтийские местности, весь Западный Кавказ. Во главе восставших стояли социал-демократические организации. „Чтобы удержать свою власть, царизм вынужден был пройти всю страну как чужеземный завоеватель". Ко времени созыва Государственной Думы насчитывалось 14 тыс. убитых, 1 тыс. казненных, 20 тыс. раненых и 70 тыс. арестованных и сосланных. *)

Товарищ Ленин писал о крестьянском восстании:

„К сожалению, крестьяне уничтожили тогда только пятнадцатую долю общего количества дворянских усадеб, только пятнадцатую часть

*) Из отчета Российской Социал-Демократической рабочей партии 8-му международному социалистическому конгрессу в Копенгагене (Дания).

того, что они должны были уничтожить, чтобы до конца стереть с лица русской земли позор феодального крупного землевлаладения. К сожалению, крестьяне действовали слишком распыленно, неорганизованно, недостаточно наступательно, и в этом заключается одна из коренных причин поражения революции".

В другом месте он говорит: „Крестьяне собственно только напугали царя и помещиков А их надо было не пугать, их надо было уничтожить, их правительство—царское правительство—надо было стереть с лица земли".*)

После подавления московского вооруженного восстания стало ясно, что в городах революционное движение идет на убыль. О крестьянском же движении граф Витте 10 января 1906 года во всеподданнейшем докладе писал: „Что касается аграрных беспорядков, то они не только не кончены, но едва ли не следует признать их лишь вступившими в первый их период". С наступлением весны правительство ожидало новой вспышки крестьянского движения и приняло целый ряд мер для борьбы с ним. С подавлением революционного движения в городах, на железных дорогах и в армии, руки у правительства были развязаны и ожидавшиеся крестьянские движения для него были уже не страшны. Правительство усиливает сельскую полицию, разрабатывает правила по применению военной силы и по „усилению судебного воздействия".

Для устранения основных причин крестьянского движения, то-есть устранения крестьянского малоземелья и изменения бесправного положения крестьянства, правительство не нашло нужным что-либо изменить до созыва Государственной Думы. Зато царское правительство находит необходимым притти на помощь землевладельцам, потерпевшим от разгрома своих имений. Правительство отпускает им 8 миллионов рублей, из которых почти ½ миллиона дается Тамбовской губернии. В дальнейшем для Тамбовской губернии было отпущено еще 166 тыс. рублей.

В 1906 году снова началось движение крестьян в Тамбовской губернии Оно было не так бурно, как в 1905 году, и хотя захватило больше селений и было более организованно, но уже носило менее революционный характер Наученные неудачей восстания в 1905 году, крестьяне в 1906 году выработали форму борьбы более пассивную. Она заключалась в принятии приговоров о понижении арендной платы, повышении заработной платы за сельско-хозяйственные работы и личные услуги землевладельцам, в снятии рабочих и т. д. Но были все же случаи и разгромов имений, и поджогов, и потрав, и увоза сена, и порубок леса, снятия урожая садов. Были также и кровавые столкновения. Непременный член Тамбовского Губернского присутствия Воронцов-Вельяминов, командированный в Козловский уезд для подавления крестьянского движения, так описывает настроение крестьян. На убеждения крестьян убирать помещичий хлеб он получал везде один и тот же ответ: „если помещики сами не могут убрать свой урожай,

*) Ленин Собр. сочин. Том XI, ч. II, стр. 113.

так и зачем им владеть землей. Урожай по закону не может остаться в поле. Мы его сами уберем. Сажайте нас в тюрьмы хоть всех, а мы от своего не отступимся".

В Кирсановском уезде мы насчитали за 1906 год 20 движений крестьян В Козловском уезде движения крестьян были особенно многочисленны (см. в приложении). Их было более 70.

Но при помощи войск и полиции удалось с ними гораздо легче справиться, чем в 1905 году, так как движение в городах к этому времени было окончательно задавлено.

Схватка с царизмом окончилась разгромом декабрьского восстания. „Поражение рабочего класса было поражением революции. Крестьянское движение мощное по своей абсолютной силе и по своему пространственному размаху было бессильно нанести сосредоточенный удар по самодержавию. Оно способно было потрясать устои, но не уничтожить их". *)

Революция 1905 года закончилась для крестьян столыпинской реформой, сущность которой сводилась к уничтожению общины и разрешению вопроса о переходе общинных земель из рук пролетаризировавшихся крестьян в руки деревенской буржуазии. Первые получили право продавать свои наделы, а вторые получили право покупать их и выделяться из общины на „отруба". Это была ставка на сильных. „Мелкие собственники должны были явиться оплотом против социализма, который для дворянства являлся синонимом революции". **)

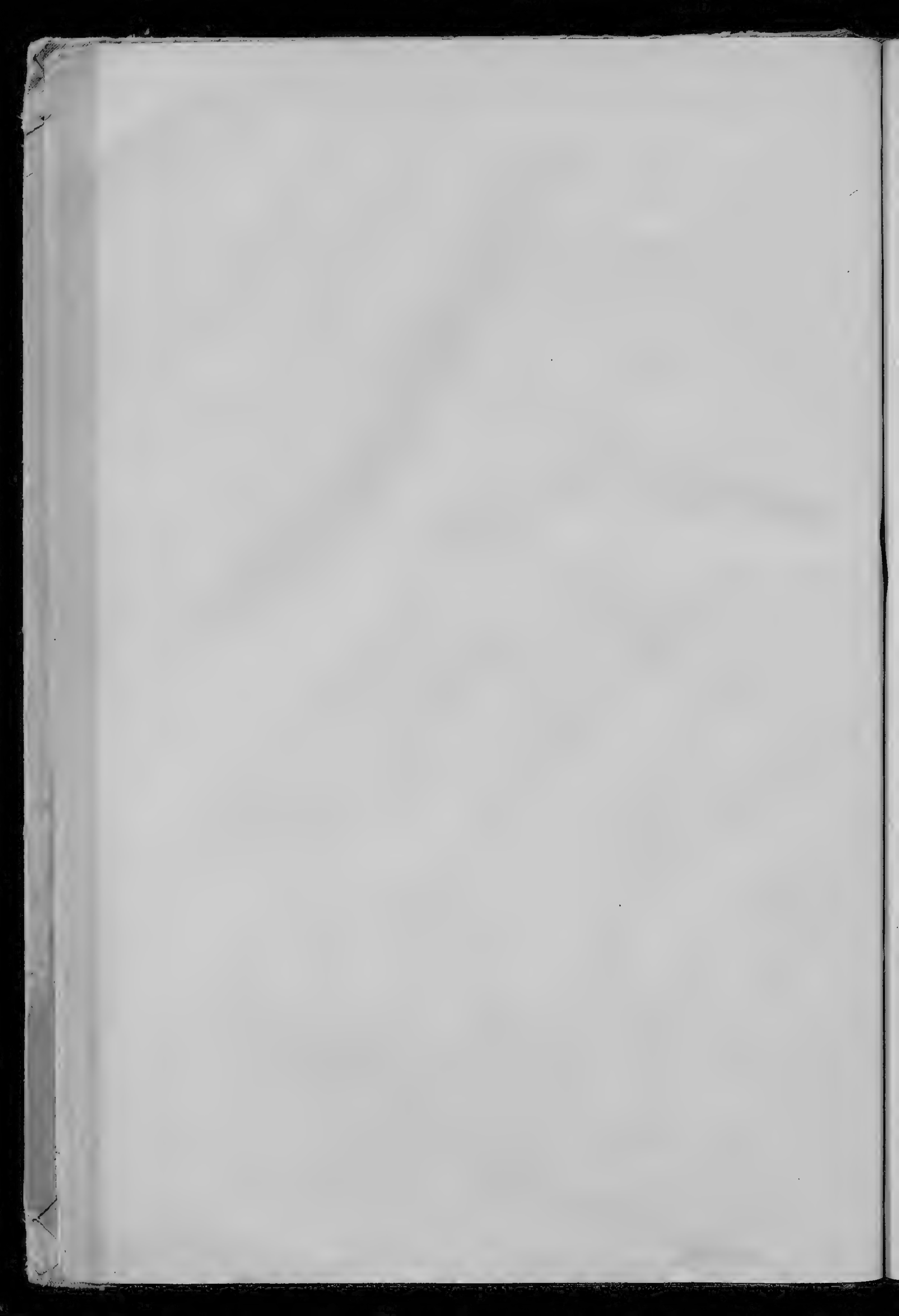
Эта реформа дала новую отсрочку гибели крепостничества. Как реформа 1861 года отсрочила гибель барщины, так и Столыпинская реформа отсрочила гибель помещичьего землевладения. Она дала возможность части крестьян освободиться от земли и части крестьян перейти к более совершенным способам обработки земли.

Основная масса крестьянства осталась при том же состоянии кабалы и зависимости от помещиков, в какой она была до 1905 года. Остались те же отработки, та же аренда исполу, те же скрытые формы крепостной зависимости.

Товарищ Ленин назвал столыпинскую реформу „последним клапаном", который открыт был после революции 1905 года для спасения помещичьего землевладения. Больше в распоряжении самодержавия уже не было никаких средств для спасения помещика. В 17 году новой революционной волной было снесено сначала самодержавие, а через несколько месяцев в октябрьскую революцию и его опора—помещичье землевладение. Для крестьянского хозяйства широко открылась дверь новой жизни и переустройства на новых началах своего хозяйства: на началах введения новых приемов земледелия и сельско-хозяйственной кооперации.

---

*) Дубровский, С. Столыпинская реформа стр. 33.
**) Там же. Стр. 43.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

№ 1.

Таблица движения крестьян в 1905 году, составленная по документам секретного стола губернатора.

Месяц.	Число.	Название селений и волостей.	Требование крестьян и сущность беспорядков.
		Тамбовский уезд.	
Март.	13	Села 1-е и 2-е Никольско. Пичерской волости.	Крестьяне в числе 600 человек требовали в имении Надежды Ветчининой отдачи 1000 десятин пахотной земли и угрожали: если не дадут, то весною самовольно запашут землю и не будут допускать к работе в имение посторонних лиц. Арестованы два старосты 1-го и 2-го села Никольского и 9 крестьян подстрекателей.
„	14	Села 1-е и 2-е Никольское, Пичерской волости.	Требовали от арендатора Крючкова „очистить" хутор к 20-му марта, если не очистит, то имущество будет продано и деньги отданы на Красный Крест, а Крючкова силою выгонят с хутора.
Апрель.	4	Дер. Недобровка, Степановской волости.	Требовали на хуторе Крылова уступить им землю об'ясняя тем, что их отцы за нее „проливали кровь" Разгромили сени при доме и украли два замка. „Сделано внушение крестьянам о неприкосновенности чужой собственности."
„	6	Дер. Надежка, Пичерской волости.	Крестьяне составили приговор о сдаче им в аренду из имения Лапской земли по низкой цене и за сдельную работу установили норму оплаты по высокой цене. Крестьяне решили никого не пускать работать на других условиях: ни своих односельчан, ни других рабочих, хотя бы угрожали „открытой силой".
„	6	Дер. Надежка, Пичерской волости.	На хуторе арендатора Крючкова крестьяне потребовали от рабочих прекратить работу—запруду плотины; когда вмешался урядник, его оскорбили и словом и действием. Составлен протокол и арестовано 2 крестьянина и староста села Надежки.
„	7	Дер. Богословка и дер. Ильинка.	Крестьяне всем обществом пред'явили землевладельцу Андреевскому приговор об отводе им полного надела. Прекратили работы и выработали новые условия найма. Задержано 50 человек крестьян.
„	7	Шабаловка и Кашарка, Курдяковской волости.	В имениях Дубовицких и Лапских после составления приговора пред'явлены требования о недопущении посторонних лиц к работе, а также об удалении всех экономических рабочих, работающих по низкой цене. „Угрозой заставили всех явиться на работу, что и было исполнено к вечеру".
Май.	26	Дер Смольные Вершины, Казыванской волости.	Крестьяне требовали в имении Марии Фроловой сдать им в аренду паровую землю по 6 руб. десят. Если не дадут, то грозили засеять самовольно. Говорил от лица крестьян сельский староста. „Приняты меры полицейской предосторожности".

Месяц.	Число.	Название селений и волостей.	Требование крестьян и сущность беспорядков.
Июнь.	16	Дер. Смольные Вершины, село Казыванье, Пахотно-Угловской волости.	У землевладелицы Анны Фроловой крестьяне самовольно скосили 3½ десятины луга, об'ясняя, что скошенные луга раньше принадлежали им, а Фролова пользовалась ими не по праву. Уездным исправником составлен протокол.
Октябрь.	27	Ивановка, Татарщинской волости.	Сожжен винокуренный завод Можарова. Растащено все имущество заводское и домашнее. Задержаны два крестьянина, уличенные в подстрекательстве.
„	28	Село Саюкино и село Ивановка.	Принимали участие в разграблении имения Можарова
„	31	Дер. Чилищево, Казыванской волости.	Разграблено и сожжено имение Чилищева.
Ноябрь.	2	Дер. Ивановка, Пичерской волости.	Разграблено имение графа Адлерберга.
„	2	Поселок Арженка.	Началось расхищение лесов в „огромных размерах". Подожгли усадьбу Сатина. Казаки рассеяли толпу нагайками. Ранено около 15 человек.
„	2	Село Саюкино.	Разграблен хутор Булгакова. Началось расхищение и порубка леса. „Задержаны виновные, которым независимо от привлечения к ответственности делалось и надлежащее внушение".
„	3	Степановка, Михайловка.	Оказали сопротивление при производстве обыска. Ввиду малочисленности отряда, обыски были прекращены.
„	3	Александровка, Александровской волости.	Участие в разграблении имения Петрово-Соловово. Изувечено и отправлено в Тамбов 9 „мужиков".
„	3	„	Участие в разграблении и поджоге хутора Мосоловского Петрово-Соловово.
„	3	„	Поджог имения Крылова.
Ноябрь.	3	Александровка, Александровской волости.	Поджог имения Аносовых.
„	3	„	Разграбление и поджог хутора Степановского Петрово-Соловово.
„	4	Село Ивановка.	Разграбление имения графа Лейхтенбергского.

Месяц.	Число.	Название селений и волостей.	Требование крестьян и сущность беспорядков.
Ноябрь,	4	Дер. Богдановка, Казыванской волости.	Разграбление и поджог хутора Грузинцевой. Ранено 7, арестовано 4.
„	6	Дер. Рыбкино, Васильевской волости.	Разграблено и сожжено имение Пустовалова.
„	8	Село Покровское.	Крестьяне подожгли и разграбили имение „Антюшино". Прибывшие в село земский начальник и штаб-ротмистр Белевцев, собрав сход, потребовали выдачи „зачинщиков" и возвращения награбленного. Крестьяне отказались. Несколькими залпами убито 3, ранено 7. После этого усмирителями подожжены были: с одного конца села—рига и с другого—погреб.
Ноябрь.	17	Старое Чилищино и Талинка.	Разграблено и сожжено имение Чилищева. Весь сход был поставлен на колени. Казаки окружили крестьян, били нагайками и шашками. Крестьянин Кузнецов был избит до полусмерти и отправлен в тюрьму.
„	17	Село Степановка.	Поджог имения графа Паскевича-Эриванского.
Декабрь.	2	Рассказовская, Пичерская и Дмитриевщинская волости.	Разграблено и сожжено имение Полторацкого.

Кирсановский уезд.

Месяц.	Число.	Название селений и волостей.	Требование крестьян и сущность беспорядков.
Апрель.	3	Дер. Болотовка, Трескинской волости.	Крестьяне запретили в имении Миронова сеять хлеб. Угрожали, если он засеет, то урожай осенью они соберут себе. Составили приговор, выработав поденную плату для крестьян работающих у Миронова. Переписали 6 крестьян подстрекателей.
„	7	С. Васильевка, сельцо Варваринка, д. Ивановка, д. Нижн. Пески Васильев. вол.	Крестьяне заявили, что землю Малевинского они обработают и засеют из-полу и разделят ее между собой. На прежних условиях не должен работать никто, нарушивший же их постановления—платит штраф.
„	6	Богословская, Курдюковская и Калугинская волости.	Составлены приговора о сдаче земли по низкой цене, а за сдельную плату установлена норма по высокой цене Постановлено на работу на других условиях не становиться. Приговора предъявлены всем частным землевладельцам указанных волостей.
„	21	Дер. Новая Зеленовка, Булыгинской вол.	Требовали у землевладельца Крючкова сдать землю по 8—10 рублей за десятину, получив отказ—угрожали самовольно запахать 60 десятин паровой земли и пустить скот на луга Крючкова.
„	21	Дер. Чуповка.	Требовали у землевладельца Вальгардт сдать землю по пониженной цене и грозили в случае отказа самовольно ее запахать. Скот пускали на луга землевладельца.

Месяц.	Число.	Название селений и волостей.	Требование крестьян и сущность беспорядков.
Апрель.	21	Малая Царевка.	Требовали у землевладельца Боброва сдать землю на определенных условиях.
„		С. Булыгино, д. Воронцовка.	Требовали в имении Мартынова сдать паровую землю по 8—10 рублей десятина. При отказе грозили, что землю запашут самовольно.
„		Д Воробьевка.	Требовали в имении Москалева сдать паровую землю по 8—10 рублей за десятину; при отказе грозили запахать самовольно, а скот пустить на луга землевладельца.
Май.	26	Д. Синие Кусты, Соколовской волости.	Крестьяне требовали в имении Дурново сдать им землю под озимый посев. Выпускали скот на луга Дурново. При усмирении отбивались кольями. Арестовано 2 крестьянина зачинщика и староста этой деревни.
Июнь.	15 19	Хут. Николино, Балашовск. вол.	Увезено до 1.000 пудов ржи из имения князя Шаховского.
Июль.	10	Д. Спокойная, Куровщинской волости.	Свозили копна ржи с поля экономии графини Васильевой-Шиловской. При усмирении крестьяне бросились на стражников и урядника с кольями и дубинами. Задержан 1 крестьянин.
Октябрь.	18	Крестьяне окрестных сел.	На станции Ржакса, Тамбово-Балашовской линии разграблено 30 вагонов хлеба.
„	21	Д Соловьянка, Осипо-Гаевской волости.	Крестьяне разгромили имение Кукурина и других увезли ржи на сумму 320 руб.
„	21	С. Куровщино, той же волости.	Крестьянами разграблено имение Кратковских и Шешеловской.
„	22	„	Сожжена часть имения Кондырева. Убыток исчислен в 1000 рублей.
„	20	С. Змеевка, Куровщин. вол.	Приехавшие ночью крестьяне увезли из имения Анны Кратковской на 50 подводах 180 четвертей ржи, на сумму 1081 р.
„	24	С. Куровщино, с Змиевка, Куровщин. вол.	Разгром имения Шульгина.
„	26		Подожжены имения Гагарина и Бласогуб.
„	27	Умет 8—30.	Сожжены имения Молчановых и Шедычки. Награбленное имущество отобрано. Задержано 19 человек, один из них Тамбовский—верховой.
„	27	Козловка, Ядровка, Вяжлин. вол.	Сожжены имения Зотова и Ремерова. Арестованы двое. Толпа бросала камни в пристава.

Месяц.	Число.	Название селений и волостей.	**Требование крестьян и сущность беспорядков.**
Октябрь.	28	С. Красивка, д. Скопино, Красивской волости.	Пред разгромом имения помещица Мясоедова хотела уехать и когда стали выносить вещи, крестьяне не позволили ничего взять с собою, говоря: „все это наше, нажито нашими отцами и дедами, не дадим увести“. Когда начался разгром она уехала ночью с семьею, не взяв ничего. Сумма убытка от разгрома имения, определяется в 94285 р
„	28	Петровское	Подожжены имения Рылицкого, Булгакова, Воейковой. Разграблен Петровский хутор князя Гагарина.
„	28	Село Вяжли, д. Осиповка.	Сожжены гумна, постройки. Вывезено 5 тыс. пуд. ржи, 1 тыс. пуд. овса из имения Прозоровского и князя Галицина.
„	29	Д. Надеждино, Арбеньевск. вол.	Крестьяне разграбили имение Летунова, на сумму 101,658 руб.
„	29	Д. Николино.	Разграблено и сожжено имение Шаховского.
„	29		Имения Ребендера, Горяинова, Колчака разгромлены и сожжены.
„	30	Мучкап-Уварово	В районе Мучкап—Уварово имения разгромлены местными крестьянами. Часть награбленного при содействии резервов возвращают владельцам.
„	30	с. Арбеньевка, д. Надеждино д. Никольское.	Разграбление имений Остроухова и Носовых. Пехота стреляла, тяжело ранен 1 пулею, 1 штыком, 7 арестовано. Крестьяне возвращают награбленное. В Арбеньевке произведены аресты. При нападении на хутор Носовых: 7 раненых и 1 убитый захвачены.
„	31		Разгромлены имения Волконских. Аносова и др.
„	31	С. Царевка, Северка, Павловка, с. Карай-Салтыково, той-же вол.	Разгромлено имение Петрово-Саловово на сумму 58.709 руб. В Царевке арестовано 4 агитатора, в Северке 6 мужчин, 2 женщины с флагом при подстрекательстве к грабежу Толпа разогнала стражу и освободила 4-х грабителей. Арестовано 9.
„	31	Степановка.	Сожжено имение графа Пашкевича-Эриванского.
„	31	Осиповка, Козловка, Натальевка, Ядровка, Вяжлинской вол.	Разграблены и сожжены 4 имения: Сычева на сумму 3922 р., Зотова на сумму 1290 р., Стрекалова на сумму 15000 р., Семерова на сумму 9,141 р.
„	„	С. Ольшанка. Богородицк. вол.	Имение Варнек разграблено и сожжено на сумму 39663 р.
„	„	С. с. Красивка, Коноплянка, Михайловка, Красивской вол.	Разгромлены усадьбы Николая, Константина и Михаила Крюченковых на сумму 126283 р.

Месяц.	Число.	Название селений и волостей.	Требование крестьян и сущность беспорядков.
Октябрь.	31	С. с. Балыклей Кулевче, Балыклеевской вол.	Имение княгини Марии Шаховской разгромлено и сгорело на сумму 259720 р.
"	"	С. Куровщино, Куровщинск. вол. Арбеньевская и Чернавская вол.	В имении графини Васильевской-Шиловской, разграблено зернового хлеба на сумму 597 р.
"	"	С. Нащекино, Нащекинск. вол	Разграблено и сожжено имение Чихачева на сумму 4339 р.
"	"	Семеновка, Нижавинск. вол.	В 2-х имениях Оголина разграблено хлеба на сумму 3500 р.
"	"	Лукино, Золотовск. вол.	Расхищены хлебные продукты из имения Скалов на сумму 576 р.
Ноябрь.	1	С. Семеновка. С. Красивка, Красивской вол. Балыклей, Чернавка, Чернавск. вол.	Разграблены имения: Берг, Юголина, Федорова на сумму 26395 р. и мельница Саловово. В Красивке удалось с казаками арестовать землевладельца Дьякова.
"	1	Марьевка, Красивск вол. Рязанка.	При обысках толпа оказала вооруженное сопротивление. Стреляли, 1 убит, 4 ранено. Смирились, возвращают награбленное. Захватили опасного агитатора. В Рязанке взяли 4-х предводителей банд, в их числе именовавшийся генералом и его казначей, отбиравший выручку в винных лавках.
"	2	Вердеревщина, Нащекинск. вол.	Крестьяне разобрали 1800 пудов ржи с хутора Чихачева, убыток на сумму 1432 р.
"	2	Красивка, Красивск. вол. Михайловка, Арбеньевск. вол.	Грабят Савельева, Федорова. Жгут, грабят имение Шаховского. Смельчаки пытались отнимать винтовки. У Федорова убыток определяется на сумму 35483 р. „В Михайловке захватили 3 грабителей, подводами хлеба, конные прогнали нагайками с горящего хутора Федорова, произошла горячая схватка с многочисленными громилами, каковых огнем револьверов, шашками. Тяжело ранены два грабителя, захвачено 4. Красиковский поселок: горячая схватка, убито 2, раненых... захвачено убитых... Раненых увозят крестьяне, хотят скрыть участвующую деревню. Аребеньево арестовал 5 подстрекателей, 13 Балашовских громил.“ (Сообщение Луженовского).
"	4	С. Степановка.	Грабили сожженный хутор Анновского. Грабителей избили, разогнали.
"	6	С. Бокаревка.	Грабили сено и лошадей из имения герцога Лейхтенбергского.
Сведений не имеется		Д. Андреевка, Царевской вол.	Имение Веденятинского разграблено на сумму 9417 р.

Месяц.	Число.	Название селений и волостей.	Требование крестьян и сущность беспорядков.
Сведений не имеется.		С. Рамза, Вяжлинск. вол.	В имении графа фон-Вальвида расхищено сельско-хозяйственных продуктов и лесу на сумму 2700 р.
		С. Красивка. Красивск. вол.	У землевладельца Медяника расхищено зерна на сумму 200 р.
		С Надежка, Арбеньевск. вол.	Разграблено и сожжено имение Конст. Летунова на сумму 14000 р.
		С. Васильевка ,Арбеньевск. вол	При погроме хутора Гладышева расхищено на сумму 5000 р
		С. Николино, Балыклеевск. в.	Разграблено и сожжено на хуторе Яковлева на сумму 8160 р.
		С. Умет, Градо-Уметск. волости.	Расхищено сельско-хозяйственных продуктов на сумму 1500 р. с хутора Алек Ветчинина.
		Д Нескучное, Карай-Арбеньевской вол.	Имение Екатерины Крюченковой разгромлено и сгорело на сумму 24333 р.
		С. Чернавка, Чернавской вол.	Имение Анны Федоровой сгорело на сумму 5865 р
		Дмитриевка, Чернавской вол.	Хутор Юрьева разграблен и сожжен на сумму 9260 руб.
		Алаторка, Чернавской вол.	Хутор Брещинского разграблен на сумму 3627 р.
		С. Богдановка.	Имение Капиталины Клочковой разграблено и сожжено всего на сумму 20 970 р.
		С. Лукино, Золотовской вол	Хутор Чурбакова сожжен на сумму 515 р.
		С. Богдановка.	С хутора Тирана расхищено живого инвентаря на сумму 3631 р.
		С. Марьинка, Вяжлинской вол.	У землевладельца Сосульникова разграблено на сумму 1200 р.
		С. Бургульна, Вяжлинской вол.	На хуторе Зайцева сожжено и разграблено на сумму 403 р.
		С. Вердеревщина Нащекинск. вол	Имение Чихачева сожжено на сумму 1432 р.
		Д. Андреевка, Паревской вол.	Имение Веденятинской разграблено на сумму 9417 рублей.
		С. Чернавка. Чернавской вол.	Имение Анны Федоровой сгорело на сумму 5865 р.

Месяц.	Число.	Название селений и волостей.	Требование крестьян и сущность беспорядков.
			Борисоглебский уезд.
Сентябрь.	10	С. Шанкино	Крестьяне выпустили скот на барские луга, потом подошли к дому, разбили окна и двери и похитили несколько ценных вещей. При столкновении были ранены стражник и один крестьянин. Зачинщики арестованы.
Октябрь.	2	Д. Ка ай Васильевка, Верхне-Шибряев. вол.	Имение Воейкова разграблено на сумму 33148 р.
„	4	Бурнак.	Крестьяне грабили имения около Бурнака.
„	6	Карай-Марьино Трескино Шибряевской вол.	Имение Рклицкого разграблено и сожжено.
„	12	С. Алешки, Бурнакск. вол.	Нападение на хутор Пустоватовой. „Участвовавших крестьян в грабеже арестовал. зачинщиков сопротивлявшихся смирил. Главный агитатор рабочий шахтер бежал". (Сообщение Луженовского),
„	28	Ольшанка-Марьино, Верхне-Шибряевской вол.	Имение Воейкова разграблено и сожжено на сумму 65532 рубля
„	28	Отхожее.	Около Уварова сожжены имения Вершинина, Унковского.
„	29	Брянково. Петровское, Красный хутор.	Разграбили и сожгли имения Ребендера, Колчака Горяинова на сумму 250 рублей, Самойлова, Красный хутор—Гагарина. Уваровцы намерены грабить мельницу Гагарина.
„	29		Разграбили Сонный хутор Хихина.
„	30		Разграблено имение Казакова „Пока нужны были только нагайки. Патроны—целы". (Сообщение шт.-кап. Плюшкина).
„	30	Уварово	Сожжено имение Казакова „В Уварове навел порядок одними плетьми". (Плюшкин).
„	31		Сожжено имение В. Н. Чуева.
„	31	Павлодарская волость.	„Имения Аносова, Сорокина, хутор Волконских грабят и жгут Павлодарские крестьяне Моисеевской, Чуевской, Алабушек. Волнение распространяется. Войска мало. Прошу добавить кавалерии". (Сообщение исправника Ломанского).
Ноябрь.	1	Марьино, Верхне-Шибряевская волость.	„Имение Булгаковой горит. Разграблено на сумму 17,999 р. Я едва спасся. Прошу содействовать о возврате". (Управляющий Иванов).

Месяц.	Число.	Название селений и волостей.	Требование крестьян и сущность беспорядков.
Ноябрь.	1	Уварово	„Имения грабят, жгут на шестьдесят верст кругом. Моисеевская Алабушка оказалала вооруженное сопротивление, татары выступили: револьверы, колья. Сотни тысяч пудов хлеба увезены. Нужно спешно 200 казаков". Поручик Плонский
„	1	Дмитриевка, Павлодарская волость.	„Имения Носовых, Трубникова, Пучкова, Лебедевой разграблены, сожжены. Действовал конный отряд". Исправник Ламанский.
„	1 2	Малая-Грибановка.	„У Хренникова вывезено 15000 возов леса. Имение Крупенникова сожжено. Грабят Елизаветинский хутор Волконских. Был ряд нападений на Павлодарскую экономию и мелких хуторов. Еду отбирать награбленное Аносово, Павлодар". Ламанский.
„	3	Туголуковской, Никольско-Кабановской, Елизаветинской, Краснохуторской волостей.	Разграблены и сожжены имения: Финка, Шадонина, Апетова, Колобова, Волконских, Аносова М.—на сумму 3600 р Арестовано 45 человек. Казаки стреляли. Убито 4 кр-на, ранено 3 кр-на. После этого крестьяне заявили желание возвратить награбленное.
„	3	С. Алешки, с. Александрово.	Разграблен Хохловский хутор на сумму 1600 р.
„	4	Д. Булгаково. Таловка.	Хутор Золина разграблен на сумму 2300 р.
„	4	Д. Тафинцево, Бурнакск. вол.	Разграблен дом Бокина, увезен хлеб, ометы подожгли.
„	4	С. Алешки.	„Крестьяне волнуются. Идет разграбление мелких хуторов. Все хутора моего участка в опасности. Прошу помощи, желательно кавалерию". Земский начальник Сушков.
„	5	Д. Рыбкино. Ивановка. Бурнакск. вол	Разграблено и сожжено крестьянами Ивановки и Рыбкиной на сумму 8000 р. имение Ильи Пустовалова.
„	5	С. Ново-Кирсановки, Ново-Хоперск. уезда.	Крестьянами села Ново-Кирсановки разграблен хутор Сушкова на сумму 2800 р
„	5	С. Браткино, Костино-Отделец	Хутор Воскресенского разграблен.
„	6	Костино—Отделец.	Крестьянами увезено у Емельянова: 2 ваг. ржи, 200 пудов муки и столько же гороха на сумму 3267 рублей
„	5	Ново-Александровский.	В имении Любимова весь хлеб, имущество, инвентарь похищены, а имение сгорело на сумму 18400 рублей.

Месяц.	Число.	Название селений и волостей.	Требование крестьян и сущность беспорядков.
Ноябрь.	4-8	Алабухи и Александровка.	„Охраняю имения Волконского, Измайлова. Усмирял крестьян Александровки. В Алабухе усмирил мятежников. Сделано внушение крестьянам, при этом один крестьянин бросился на казака, но был убит". Вахмистр Прохоров.
"	7	Серединовка, С. Терновка.	Имение Гауданини подвергнуто разгрому.
"	7	С. Алешки Утиновка.	„Разграблен хутор Земского начальника Сушкова на сумму 2830 р и хутор Титищина. У Бочарникова сгорела рига. Исправник отбирает награбленное, строго наказав грабителей. Произвел аресты Офицер Арапов действовал огнем, есть раненые. Богатырева крестьяне отбили. Приказано во что бы то ни стало взять. Виновников освобождения строго наказать. В случае надобности действовать оружием". Богданович.
"	"	Д. Серединовка, Туголуковск. в.	Имение Пуцилло грабят.
"	"	Петровское, Красный хутор, Канинский, Сергиевский, Карайский.	Пять хуторов и имений князя Гагарина разгромлены на сумму 253255 р.
Декабрь.	3	Мучкап.	„Было несколько нападений на Павлодарскую экономию. Отражены полицейскою стражею и кавалерийским раз'ездом". Ломанский.
"	3		„Было нападение крестьян на имения Измайлова, Охлябинина, Шевлягина, и др мелкие хутора— отбили". Ломанский.
Сведений не имеется.		Д. Горяиновка, Ново-Чуевской волости.	Имение Колчака сожжено и разграблено на сумму 55493 рубля.
		С. Дмитриевка, Андреевка, Павлодарск.вол.	Имение Трубникова разграблено и сожжено на сумму 17000 рублей.
		С. Павлодар.	Хутора князя Волконского, Елизаветинский, и Марьинский разграблены и сожжены на сумму 8173 р.
		С Павлодар.	Имение Гучкова разграблено и сожжено на сумму 18000 руб.
		Троицкое, д. Александровка, Нижне-Чуевской вол.	Имение Сорокина разграблено и сожжено.
		Д. Александровка.	Разграблены и сожжены двор и амбар на хуторе Некрасова на сумму 4913 р.

Месяц.	Число.	Название селений и волостей.	Требование крестьян и сущность беспорядков.
Сведений не имеется.		Д. Александровка и Викторовка.	Разграблено и сожжено имение Самойлова на сумму 7786 р.
		Сведений нет.	Разграблен хлеб и сожжены стога соломы у арендатора Соболева-Авдеева.
		Сельцо-Новосельце, Верхне-Шибряевск вол.	Хутор Бабанина разграблен на сумму 7460 р.
		Сведений не имеется.	Хутор Мещерякова разграблен и сожжен.
		С. Нижний-Шибряй, Верхне-Шибряевск. волости.	Хутор Александра Толмачева разграблен на сумму 800 р.
		Сведений нет.	В имении Ермолина вырублено до 60 корн. леса
		Синие Кусты.	Разграблен Сине-Кустовский хутор князя Волконского на сумму 19387 р.
		Д. Осиповка, Туголуковской волости.	Имение графини Тиме разграблено на сумму 22000 рублей.
		Никольско-Кабаньевская вол.	Хутор Докукина разграблен, убыток определяется в 7000 рублей.
		С. Алешки.	Расхищено зерно с хутора Романовой на сумму 400 р.
		Сведений нет.	Крестьяне разгромили имение Ивана Типицина на сумму 3745 р.
		Д. Марьино, Верхне-Шибряевской вол.	Разграблен хлеб с хутора Марии Булгаковой на сумму 400 р.
		Д. Никитская.	Увезли хлеба с хутора Кузнецова на сумму 180 руб.
		Никольско-Кабаньевской вол.	Сожжено и разграблено у арендатора Анстова на сумму 5385 рублей.
		Пановское, Никольско-Кабаньевск. вол	Арендатор Туркин имения Гауданини разгромлен на сумму 8737 рублей.

Козловский уезд.

Месяц.	Число.	Название селений и волостей.	Требование крестьян и сущность беспорядков.
Апрель	7		Толпа, обступив дом Земского Начальника Мацнева, требует продовольствие и грозит разгромить амбары.

Месяц	Число	Название селений и волостей.	Требование крестьян и сущность беспорядков.
Сентябрь	9	Хоботово.	Разграбление имений Мошшина и Климова ликвидировано. Рота возвращается. Часть награбленного имущества отобрана Арестовано 10 человек.
Ноябрь	1	Галицинская волость.	Жгут, грабят имение князя Галицына.
"	2	с Ярославка	Крестьяне порезали хворост, подожгли усадьбу и собираются разгромить все имение Потехиной.
"	5	с. Покровское, Сергеевской волости.	Крестьяне требуют с угрозами хлеба и солому из экономии Чичерина.
"	7		Сожгли усадьбу Льва Коншина.
"	13	с Красноселье. Волчковской волости.	Сход постановил разграбить имение землевладельца Жихарева.
"	18	Линовка и Гавриловка	Крестьяне постановили увезти хлеб и сено из имения землевладельца Хованского
"	20	С. Ярково.	Ярковское общество самовольно приступило к рубке леса в 139 квартале Хоботецкой сборной дачи.

Моршанский уезд.

Месяц	Число	Название селений и волостей.	Требование крестьян и сущность беспорядков.
Июнь	13	д. Шачи при с. Мало-Гагарино, Никольско-Мало-Ломовской волости.	Пускали скот на луга экономии Бурениной (имение Николая Николаевича великого князя) Требовали сдать в аренду экономическую землю 300 десятин по 7 руб. 50 коп. десятина Если через две недели не сдадут им земли. то они грозили возить экономический хлеб себе, запахать барскую землю и урожай собрать себе и потребовали немедленно уплатить деньги за обработку земли весною. При чем применили насилие к старшине и уряднику 48 крестьян подвергнуты аресту на 3 недели, 12 крестьян на 1 месяц. Сельский староста подвергнут суду и главаря выслали в северные губернии. Заподозрены в беспорядках к подстрекательству крестьян, ветеринарный врач и агент по земскому страхованию.
Ноябрь	1	Земетчино.	Ночью напали на имение. Произошло столкновение. За селом напали на экономический обоз в 20 подвод 450 пуд. муки; рабочих били. Пристав Сурычан со стражниками ранил 4 крестьян. Один из них умер.
"	2		Вооруженная кольями толпа напала ночью на имение Пашкова. Четыре крестьянина— ранены.
"	14	с. Ракше и Хлыстове, Островской волости.	Среди крестьян ходят слухи, что придут около 20 числа студенты после чего будут сожжены имения Безобразовых при с.с Ракше и Хлыстове.

Месяц.	Число.	Название селений и волостей.	Требование крестьян и сущность беспорядков.
Ноябрь	15	Деревня Ново-Александровка Куликовской волости.	Крестьяне решили сжечь винокуренный завод князя Оболенского. Подожгли оmеты и во время пожара отрезали шланг у пожарной трубы и не допускали наливать воду из пруда, а также нападали на рабочих и служащих экономии и избивали их.
Декабрь	23	Дер. Шаче, Никольско-Мало-Ломовской волости.	Крестьянин Андреев пел революционные песни „от Амура до Алтая нет глупее царя Николая", а потом проколол глаза на портрете Николая II.
„	26	Гумны, Черкинской волости.	Безработные шахтеры, прибыв к себе в село, на сходе составляли приговор и подстрекали крестьян разгромить имение князя Чолыкаева и поделить землю.

№ 2.

Таблица движения крестьян Козловского уезда в 1906 году.

Месяц.	Число.	Название селений и волостей.	Требование крестьян и сущность беспорядков.
Май.	30	Село Галицыно им. князя Галицына.	Крестьяне сняли рабочих—пред'явили требования расплаты за работы по повышенной цене. После арестов заявили, что не пойдут работать даже по назначенной ими цене.
Июнь.	4	с. Песчаное, Песчанской волости.	Уборка ржи—15 р., овса—10 р., проса—10 р.; поденным в рабочее время: мужчине 3 р., женщине—2 р. За нарушение приговора—штраф в 10 р.
"	5	Левашовка, Песчанской волости	Установлена плата за уборку ржи—15 р., овса—10 рублей.
"	5	Сельцо Большая Лазовка Песчанской вол	Уборка озимого—15 р., ярового—10 р. Поденные работы: мужчине—3 р., женщине—2 р.
"	5	Село Галицыно, Песчанской волости.	Приговором установлена плата на сельско-хозяйственные работы, поденные работы и аренду.
"	5	с Степанищево. Рождественской волости, имение землевладельца Николаева.	Согнали рабочих Потравили около 20 десятин луга, молодую лесную поросль (около 50 дес.). Вынесли приговор—пасти лошадей и рогатый скот в лугах и полях.
"	5	с. Толкачево-Сурены.	Снятие рабочих у окрестных землевладельцев. Потрава. 4 арестованы.
		Имение землевладельца Ушакова.	Снятие рабочих. 5 чел. арестовано.
"	5	Село Машково, имение Демина.	Крестьяне сняли рабочих около 700 чел.
"	5	с. Озерцы, Ярославской волости, с. Машково, Сурены и Федоровка	Сняли пастухов, пахарей, поденных. На хутор явились вооруженные вилами, граблями. Пред'явили требование платить за уборку ржи 20 руб. Арестовано 6 крестьян.
		Хутор Ахтырско-Богородицкого женского монастыря.	Пред'явили повышенную оплату поденных. Избили заведующего хутором и его помощника. Сняли рабочих с постройки, угрожали разогнать монахинь, сжечь и разгромить монастырь. Участвовало до 1100 человек.

Месяц.	Число.	Название селений и волостей.	Требование крестьян и сущность беспорядков.
Июнь.	6	с. Сергеевка, Сергеевской волости.	Вынесли приговор: платить за десятину аренды 7 рублей Снятую землю делить между собой поровну; за уборку десятины ржи брать 20 р., ярового—15 р., поденная плата: мужчине—3 р, женщине—2 р. Работу производить с 6 ч. утра до 6 ч. вечера. Выбор уполномоченных. (Уплата штрафа 3 р. за нарушение приговора).
"	6	с Спасское. Спасской волости.	Снятие рабочих. Уполномоченные 4 кр-па арестованы. Усмиряли казаки с офицером во главе.
"	6	д. Головкина, Покровско-Васильевской волости, хутор землевладельца Топтыкова.	Кр-не, более 20 человек, сняли рабочих и уволили служащих согласно своего постановления.
"	6	с. Богородицкое 1-е с Богородицкое 2-е.	Приговор. Экономические требования помещикам и духовенству. Цена за уборку ржи 20 р., овса 10 р., проса 10 р. и т п., поденная плата мужчине 1 р, женщине 50 к. Протест против захвата воды винокуренным заводом без согласия общества (вода стала непригодна к употреблению даже и для животных). Сдача земли в аренду ближайшим крестьянам. Плата за исполнение религиозных обрядов, за венчание—3 руб., за выдачу метрических свидетельст—только гербовый сбор, за молебны—10 коп., за обществен. молебен—1 р., за похороны—1 р. 50 к., за детей—30 к. и чтобы с каждого домохозяина не требовали печеный хлеб. Выбор уполномоченных.
"	6	Сабуро-Покровской волости, имен. Каменка Жихаревой.	Крестьяне согнали рабочих, пред'явили требование. Участвовало более 600 человек. Толпу крестьян разогнали нагайками стражники.
"	8	Скобелевские крестьяне.	Составили приговор о поденной плате, снимали рабочих.
"	8	Лохматовка имен. Рымарева.	Крестьяне вооруженные кольями, камнями пригнала до 200 лошадей, вытравили луга, увезли сено. Участвовало 50 человек.
"	8	с. Новосеславино, с. Никольское, с. Златоустово, с Спасское. с. Ивановское, д. Скобелевка, д. Варварина, д Аннинка. Никольской волости, им. А Т. Козен, д Елизаветино.	Вынесли однообразные приговора—с установлением цены на заработную плату у местных землевладельцев не только для крестьян, но и для экономических рабочих: уборка какого бы то ни было хлеба за десятину 12 р, мужчине 3 р. в день, женщине 1 р. 50 к. Работа с 6 часов утра до 6 часов вечера, 1 час на завтрак, 2 часа на обед и 1/2 часа на полдень, поденные работы должны производиться по очереди (а не по выбору).

Месяц.	Число.	Название селений и волостей.	Требование крестьян и сущность беспорядков.
Июнь,	8	д. Грачевка, Тютьческой волости.	Установление платы за уборку ржи—20 р., овса—15 рублей.
„	9	Имение бывш. мир. судьи Мацнева с Ивановское	Кр-пе в числе 80 человек согнали рабочих, разбили стекла в доме, кричали „убирайтесь вон из усадьбы, усадьба наша“. Арестовано 2. Усмиряли стражника, с урядником и приставом (казаки играли пассивную роль).
„	10	Село Плоское, Тютьчевской волости.	Установление платы за уборку: ржи—20 рублей, овса—15 руб. Продовольствие поденным: 1 ф. свежего мяса, картофеля, хлеба—сколько потребуется.
„	10	д. Ивановка. Тютьчевской волости.	За уборку ржи—20 р., овса—15 р. Поденная плата: мужчине—3 р., женщине—2 р.
„	10	с Таракановка, Волчковской волости.	Приговором установлена цена на землю, топливо и работы: уборка ржи—15 р., овса 15 р., проса—15 р. поденная плата мужчине—3 р. и женщине—2 рубля.
„	10	д. Рогозка, Тютьчевской волости.	Установлена плата за работы: уборка ржи—20 р. Рабочий день считать в 12 ч. (за исключением 3 часов на обед и отдых). Поденная плата: мужчине—3 р., женщине—2 р.
„	10	Им. Ильинка, Бибиевской волости, арендатор Семенихин.	Сгон рабочих и служащих.
„	11	Близ с Плоского, имение Бабенышева, Тютьчевской волости	Сняли рабочих по приговору и самовольно поселились в имении.
„	11	с Никольское Дубровской волости.	Установлена плата: за уборку ржи—15 р. Поденная: мужчине—3 р. 10 к., женщине—2 р. 10 к. (в рабочую пору).
„	12	Дубовка.	Толпа вооруженная дубинками требовала освобождения арестованных.
„	13	Хмелевской волости, имение Безаннова	Крестьяне требовали прекращения работ, грозя погромом. Арестован староста и трое уполномоченных.
„	21	Село Дубовка, Сергиевской волости, имение Облова.	Толпа крестьян сняла рабочих с поля.
„	22	д. Сорвино.	Крестьяне сожгли ригу, стреляли, сгоняли рабочих. Усмиряла полурота.

Месяц.	Число.	Название селений и волостей.	Требование крестьян и сущность беспорядков.
Июнь	23	д. Лебедянка.	Крестьяне имели столкновение с драгунами. последние стреляли: убили 3 крестьян и 4-х ранили
		Барановка Волчковской волости.	Тысячная толпа окружила станового и стражников.
„	24	с. Лебедянка, Тютьчевской волости, хутор Бабенышева.	Крестьяне толпой врывались и согнали рабочих и служащих на основании приговора. 3 крестьянина арестованы.
		Тютьчевской волости имение Чемлыкское кн. М. Волконского.	Крестьяне согнали экономических рабочих.
„	24	Екатеринино, Волчковской волости имение Горохова и Жихарева.	Крестьяне, 400 человек, вооруженные вилами и кольями шли снимать рабочих с полей, на них напали конные стражники У стражи сломали две винтовки, ранена лошадь.
„	26	с. Ивановское, им кн Белосельской Белозерской.	Крестьяне пред'явили требования и снимали рабочих.
„	26	Имение Киселевой.	Поджог построек (двора, конюшни, риги) Сгорели машины, 58 лошади. 7 жеребят 7 телок, 72 овцы, экономический инвентарь, всего на сумму 21000 р. (причина месть за наем посторонних крестьян) Стражники стреляли. Один крестьянин ранен, 2 стражнику ранены.
„	26	д. Грачевка, землевладельц Толмачев.	Снятие рабочих. Арестовано 6 человек.
„	26	с Боголюбово Боголюбской валости, усадьба владельцы Киселевой.	Поджог усадьбы, сгорел скот, постройки, на сумму 21000 руб.
„	30	с Самовце Павловской волости	Крестьяне вооруженные вилами, кольями (около 400 ч.) упорно старались отбить арестованных. Арестовано 3 крестьян., 4 крестьян. ранены пулями. Пристав со взводом казаков дали залп Два крестьянина помяты лошадью Двое казаков ранены.
		с Кочетовка Изосимовской волости.	Крестьяне вооруженные кольями, камнями отбивали арестованных. Сражник ранен в голову, контужены; корнет и 2 нижних чина. Стражники и драгуны открыли огонь, убит крестьянин и одна женщина.

Месяц.	Число.	Название селений и волостей.	Требование крестьян и сущность беспорядков.
		с. Троицкой Дубровки им. Краснопольской.	Прогнали пришлых рабочих.
Июль.	10	д. Александровка, Изосимовской волости, землевладелец Авдеев.	Снятие рабочих.
		с. Терское, им. Ратч·	Сгоняли рабочих.
		с. Туровка, имение баронессы Корф.	Снятие рабочих.
		с. Юрлово.	Выбор 4-х уполномоченных для снятия рабочих. Арестованы 4 крестьянина.
„	17	Сельцо Петровское, Павловской волости.	30 кр. напали на конных стражников. (Предположение, что это месть за репрессии в Сосновке, где у Петровских кр-н много родственников). Стражники стреляли. Один крестьян. ранен, два стражника ранены.
Август.	10	„Польное“ имение жены сенатора Похвистнева.	Крестьяне препятствуют уборке озимых, рубят лес.
„	20	с. Туровка, д. Новая, им. бар. В. Корф.	Крестьяне сняли рабочих с поля (участников 20 человек), грозили палками и дубинками.
„	30	с. Большая Лазовка, Песчанской волости, землевад. Салопанов.	Согнали работавших крестьян из села Хмэльного.

№ 3 Ведомость об аграрных делах, разрешенных Тамбовским Окружным Судом в 1906 году.

Числа дней назначенных для разбирательства дел.	Указание городов, где назначены были к слушанию дела.	Количество обвиняемых.	Число оправданных.	Число осужденных.	Из числа осужденных приуждено.																		
					К отдаче в исправительные арестантские отделения.				К тюремному заключению.									К аресту.					
					На срок				На срок.									На срок.					
					3½ г.	2½ г.	2 г.	1½ г.	2½ г.	1 г. 4 м.	1 г.	10 м.	8 м.	6 м.	4 м.	3 м.	2 м.	3 м.	2 м.	1½ м.	1 м.	2 н.	7 дн.
1906 года.																							
3 и 4 авг.	г. Елатьма . .	131	120	11	—	—	—	1	—	—	—	—	5	—	—	—	—	5	—	—	—	—	—
12, 13, 14, 16, 17, 18 и 19 августа . .	г. Борисоглебск	260	107	152	—	—	—	3	—	—	5	8	105	—	1	2	9	6	3	5	1	3	2
23, 24, 25 и 26 августа	г. Тамбов . . .	175	98	77	—	7	3	6	—	—	—	6	47	1	1	1	5	—	—	—	—	—	—
31 авг., 1, 2 и 3 сентяб.	г. Кирсанов . .	90	39	51	3	—	—	—	1	—	—	10	33	—	—	1	3	—	—	—	—	—	—
11 и 12 сентября . . .	г. Темников . .	32	10	22	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	17	5
10 октября	г. Моршанск . .	18	18	—	—	—	—		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
16, 17, 18 и 19 октября	г. Тамбов . . .	153	30	123	—	—	1	1	—	1	1	2	39	5	69	4	—	—	—	—	—	—	—
	Итого . .	859	422	437	3	7	4	11	1	1	6	26	229	6	71	8	17	11	3	5	1	20	7

За председателя (подпись)

За секретаря (подпись)

(Секретный стол Губернатора В. 223, д. № 3754, л. 423 и 424).

№ 4.

Расправа над крестьянами деревни Серединовки Туголуковской волости, Борисоглебского уезда, в 1905 году по воспоминаниям живых участников-крестьян (П. Сафонова, Романа Деева, Е. Зайцева, И. Маслова, Н. Федорова и др.).

Прошел у нас слух, что надо разделить имущество баптиста *); если не разделим, то виноваты будем. Сказывали, что идет отряд студентов в 50.000 человек, так вот до его прихода нужно было обязательно все имение разделить, потому что студенты будут строго судить, если не разберем имение. Рано утром перед Михайловым днем в (начале ноября) слышим, ходит по избам десятский и велит всем выходить к имению, кто не выйдет, тому плохо будет. Собрались, значит, мы всей деревней к имению и сперва добром стали говорить арендатору, чтобы он отдал все ключи от амбаров, выдал весь хлеб. Тот сначала согласился выдать нам пуда по три или по пяти на душу хлеба и деньгами, но потом стал оттягивать время и не выдал скоро ключей. Что ж тут было делать?

Перед студентами тоже отвечать не хотелось. Мужики подумали, подумали и решили начать раздел.

Антон Деев, мужик здоровый был, подошел к амбару и давай замок сшибать. Скоро все амбары с хлебом мы растворили и начали насыпать хлеб. Сыпали, кому воз, а кто успел и два взять. Вот дядя Павел (Сафонов) пришел было в имение пешком, но видит, что на себе немного донесет, пошел, запряг лошадь и отвез себе возик. Все шло по хорошему, все были довольны. Но наше счастье не долго продолжалось. Оказывается, баптист дал знать уряднику о том, что происходит в имении и дня через два к нам нагрянул с отрядом пристав. Кое-кого выпороли с приезда. Потом пристав собрал сход и велел мужикам вернуть назад все, что они взяли в имении. Пристав уехал, а вместо него вскоре же приехал живодер-урядник Рыжов с казаками и солдатами. Первым делом Рыжов велел со двора на двор всем собраться у сборной. Мы почуяли, что дело плохо будет. Так изредка кое-кому удалось спрятаться, потому что казаки и солдаты начали раз'езжать по дворам и сгонять к сборной всех мужиков. Кто из баб хотел укрыть своего мужика под видом, что его нет дома— тем казаки всыпали плетками.

Собрались мы около сборной. День-то был пасмурный, холодный, шел дождь, грязи было много. Рыжов вышел из сборной и матершиной на нас: «скидай шапки и становись на колени». Кругом казаки и солдаты, как черти.

Некоторые мужички помялись и не сразу сняли шапки и стали на колени. Казаки тут как начнут хлестать плетками, а на плетках то были на концах навязаны железные гайки. Кому попадет плеткой, тот сам себя не помнит. Стали мы на колени в грязь, а Рыжов вместе с арендатором Бокиным начали выкликать по списку некоторых мужиков. Попали и мы в этот список.

Рыжов отобрал всех нас к одной стороне, затопал на нас ногами:

— Что . . . . . вашу мать, против царя пошли, я вам, сукины дети, сейчас покажу, как бунтовать.

Мы стоим на коленях, податься некуда. Велел нам Рыжов наклонить головы к земле и давай с казаками и солдатами нас хлестать. Били, чем попадя: плетками, прикладами, таскали за волосы по земле. Сам Рыжов бил шашкой и топал ногами. Особенно досталось Антону Дееву. Разложили его на земле и давай плеток в пять всыпать ему. Хоть и здоровый был мужик Деев, а все таки так избили его, что он с трудом поднялся с земли и спросил, за что его так бьют. Рыжов тут вскипятился и заорал:

— А . . . . . твою мать, ты еще разговариваешь, дать ему раза. . . . .

Один солдат так хватил из винтовки, наш Деев свалился... Мало было этого, казацкий урядник давай по нас верхом на лошади ездить и плеткой по головам хлестать. Дяде Павлу Сафонову по голове так стукнул, что целый клок волос со шкурой выдрал.

Спасибо лошадь умная была, умнее хозяина: она боялась наступать на людей и перескакивала через них, Иван Семенович Маслов при этом даже пошутил:

— Вот если бы наш жеребец был—он передавил бы всех.

Казацкому уряднику показалось обидным, что лошадь его не наступает на людей, он давай ее плеткой бить; лошадь шарахнулась, тут пришлось кое-кому плохо из нас—Федорову бок помяла копытом. Зайцеву на ногу наступила...

А Рыжов и солдаты свое дело делали: Рыжов так шашкой работал, что согнул ее; Романа Деева солдат отвел в сборную и велел снять сапоги. Сапоги эти сам надел, а Дееву бросил такую рвань, что ноги его выскакивали из обмененных

*) Баптистом звали арендатора дворянки Пуцилло при д. Серединовке—Бокина.

сапог. Казаки тем временем верхами по деревне «по сбору» раз'езжали: у кого курицу стянут, у кого из сундука, что понравится вытянут, а у иных и деньжонками поджívались. На ночь все наши мучители отправились в имение к арендатору Бокину.

Что там у них было—и сейчас жутко вспомнить. Первым делом Рыжов велел старосте доставить в имение водки и пива и прислать баб.

Имение-то, ведь рядом с деревней, все слышно было, что там происходит Бабы крик подняли, казаки и солдаты песни орут, а по деревне выпоротые мужики места себе не найдут от боли. К Мещеряковым прибегает один из избитых мужиков и говорит: спрячьте меня на потолке, а то казаки засекут, видите что они со мной сделали. Показал им свою задницу—а там мясо клочками висит. Ночью никому покоя не было: сидишь, трясешься, глядишь вламывается казак или солдат—давай ему денег, полотенцев, чулок, чуть сказал напротив—плетка. Солдаты обирали деньгами мужиков еще во время порки: кто давал деньги—того отпускали или пороли слегка. На утро Рыжов с казаками и солдатами поехал по селу выгребать хлеб и свозить назад к арендатору. Не разбирали кто сколько взял, что было—все подмели. У Мещеряковых, которые из имения ничего не брали, выгребли около 300 пуд. Словом очистили нас так, что арендатору навезли раз в пять больше, чем у него взяли.

Главных зачинщиков, т.-е. нас, отправили в волость (в село Туголуково). Вот где еще натерпелись мы: казаки и солдаты издевались над нами и грозили всех запороть. Хлеба нам почти не давали... Потом нас судили. Прокурор на суде кричал на нас, называл изменниками, которых надо повесить. Отсидели мы 8 месяцев...

А Рыжов все-таки побывал опять в Серединовке с отрядом Мамонтова.

Записал **Кожухов.**

№ 5.

Приговор 1908 года ноября 8 дня выездной сессии Саратовской Судебной Палаты.

Слушали: дело о бывшем полицейском урядпике Якове Мартынове Рыжове. обвин. по 2 ч. 341, 345 и 377 ст. улож. о наказ.

Судебная палата, с участием сословных представителей, выслушав судебное следствие, заключительные прения сторон и об'яснения подсудимого, признала подсудимого Якова Мартынова Рыжова виновным в совершении преступлений, описанных в нижеследующих трех вопросах: 1) виновен ли крестьянин села Архангельского, Архангельской волости, Борисоглебского уезда, Тамбовской губ., Яков Мартынов Рыжов, 33 лет, в том, что состоя в должности полицейского урядника Туголуковской волости, Борисоглебского уезда, Тамбовской губ. и будучи командирован по службе в д. Серединовку, названной волости, для побуждения местных крестьян к возвращению имущества, расхищенного ими во время разгрома имения Пуцилло, превысил предоставленную ему власть, распорядившись 11 и 16 ноября 1905 года о телесном наказании некоторых крестьян, несмотря на отсутствие с их стороны сопротивления каким либо его распоряжениям, при чем сам участвовал в таковом наказании тех крестьян, вследствие каковаго превышения власти его многие местные крестьяне были подвергнуты прибывшими с ним, Рыжовым, воинскими чинами сечению нагайками и продолжительным мучительным побоям?

2) Виновен ли тот же Яков Мартынов Рыжов в том, что тогда же и там же, при обстоятельствах, описанных в 1 вопросе, сделал распоряжение о телесном наказании некоторых крестьян дер. Серединовки, при чем сам участвовал в нанесении тем крестьянам побоев и, кроме того, 16 ноября того же 1905 года приказал стоявшим на коленях крестьянам склониться к земле, дозволил одному из прибывших с ним воинских чинов проехать через тех крестьян верхом на лошади, вследствие каковых его распоряжений и действий многие крестьяне названной деревни Серединовки были подвергнуты сечению нагайками и продолжительным и мучительным побоям, а некоторые были ушиблены копытами лошадей?

3) Виновен ли тот же Яков Мартынов Рыжов в том, что при обстоятельствах, описанных в 1-м вопросе, 16 и 17 ноября 1905 года, под угрозою телесных наказаний, требовал от некоторых зажиточных крестьян дер. Серединовки денежных подарков, каковые и получил от крестьян: Федора Рудакова, Ивана Чернышева, Лаврентия Рудакова и друг. В виду сего на каждый из приведенных вопросов последовали утвердительные ответы.

Первое из вмененных в вину подсудимому преступных деяний, описанное в первом вопросе, составляет преступление, предусмотренное 2 ч. 341 ст. улож. о нак. и наказывается по 4 степени 31 ст. улож. о нак. или же по 34 статье того же уложения, из каковых наказаний, согласно 149 ст. улож. о наказ., справедливым представляется избрать и назначить подсудимому за нормальное, указанное в 4 степ. 31 ст. улож.

в низшей мере, с заменою по 77 и последствиями по 58, 1 и 2 ст. улож.. Второе, вмененное в вину подсудимому, преступление, по фактическим своим признакам, соответствует значащемуся в 1 ч. 345 ст. улож. о наказ., на основании которой виновные наказываются или по 2 степ. 38, или по 1 степ. 36, или по 3-й степ. 31, или же по 34 ст. улож. о наказ. Из этих наказаний, согласно 149 ст. улож. о наказ. справедливым представляется избрать подсудимому и определить за нормальное наказание, указанное в 3 степ. 31 ст. улож. о наказ. и назначить таковое в низшей мере, с заменою по 77 и последствиями по 58, 1 и 2 ст. улож. о наказ. Третье из судимых деяний подсудимого, по составу и фактическим признакам своим, соответствует указанному в 1 ч. 378 ст. улож. о наказ., на основании которой виновные наказываются по 1 степ. 31 ст. улож. о наказ. или по 1 ч. 31 1 ст. того же уложения. Первое из сих наказаний справедливым представляется согласно 149 ст. улож. о наказ., избрать для подсудимого за нормальное и назначить ему таковое в низшей мере, с заменою по 77 и последствиями по 58 1 и 2 ст. улож. о наказ.

Сему последнему наказанию, без возвышения оного в степени, к каковому возвышению не усматривается достаточных оснований, справедливым представляется подвергнуть подсудимого Рыжова и на основании 152 ст. улож. о наказ., по совокупности всех судимых его деяний.

Судебные издержки подлежат взысканию с осужденного Рыжова, а при несостоятельности его принятию на счет казны.

Вещественные доказательства—два рапорта урядников Рыжова и Варламова, росписку и два приказа (см. д. л. 134 об.) оставить при деле.

Что касается гражданского иска крестьянина Григория Иванова Артамонова, в сумме сорока пяти рублей, пред'явленного к осужденному Рыжову, в возмещение убытков за потерю работоспособности в течение 3-х месяцев, вследствие болезни, как последствия нанесенных ему побоев, то признать таковой иск недоказанным в его размере, Судебная Палата, с участием сословных представителей, оставила его без удовлетворения.

На основании изложенного, Судебная Палата с участием сословных представителей, согласно 3 п. 771 ст. уст. угол. суд., **определяет:** 1) бывшего полицейского урядника Туголуковской волости, Борисоглебского уезда, Тамбовской губернии, из крестьян села Архангельского, Архангельской волости, того же Борисоглебского уезда, Якова Мартынова Рыжова, 33 лет, по лишении всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ, отдать в исправительные арестантские отделения на два года и шесть месяцев, с заменою по 77 и последствиями по 58 1 и 2 ст. улож. о наказ., судебные издержки взыскать с осужденного Рыжова, а при несостоятельности его принять таковые на счет казны; 3) вещественные по делу доказательства—документы—оставить при деле и 4) гражданский иск, пред'явленный крестьянином дер. Серединовки, Туголуковской волости, Тамбовского уезда, Григорием Ивановым Артамоновым оставить без удовлетворения.

Подлинный за надлежащими подписями.

№ 6.

Протокол судебно-медицинского вскрытия трупа крестьянина с. Бутурлиновки, Бобровского уезда, Воронежской губернии, Александра Григорьевича Дубровина.

Введение. Вследствие отношения и. д. судебного следователя 3 участка Борисоглебского уезда, от 18 ноября, в селе Павлодаре (Крюуша тож), в присутствии судебного следователя и при нижепоименованных понятых труп крестьянина села Бутурлиновки, Бобровского уезда, Воронежской губернии, Александра Григорьевича Дубровина, уже похороненного, при чем оказалось:

А. Наружный осмотр.

1. Труп крестьянина Дубровина, найденный погребенным на Павлодарском сельском кладбище в тесовом белом глазетовом гробу. По извлечении гроба из могилы и снятии верхней крышки гроба найдено: покойный Дубровин лежит в гробу в положении, придаваемом обыкновенно покойникам, т. е. вверх лицом, с вытянутыми нижними конечностями и со сложенными на груди порознь, одна кисть возле другой, руками; в руках молитва; на груди над руками сложенные крестообразно две восковых свечки. Сверху труп прикрыт белым коленкором. 2. Исследование произведено там-же, на кладбище, в 12 часов дня, 3—4 при пасмурной холодной погоде, при температуре наружного воздуха, 5. Одет был покойный в пиджак темно-серого цвета (суконный) и в суконные же серого с белыми полосками цвета брюки; в бумажную рубашку с желтой чесунчевой грудью, в белые бумажные подштанники, нитяные крем.

носки, коричневые с черной осоюзкой кожаные туфли; на шее и на груди сверх пиджака на синей шелковой ленте кипарисовый крест, на голове венчик. Одежда покойного сверху чиста, ничем не запачкана, задняя же часть рубахи и подштанников окрашена в красный цвет на спине, ягодицах и бедрах. 6, 7, 8, 9, 10 покойный был лет 23 от роду, росту выше среднего, телосложения правильного, но не крепкого, питания неудовлетворительного. 11. Соразмерность частей тела обыкновенная. 12. Кожа гладка и очень бледна. 13. Запаха гнилости нет. 13. Голова на правом темени кажется и выше и шире соответственно с одноименной левой областью. 15. Волосы на голове темнорусые, на усах и бороде рыжеватые, длинные. 16. Лицо поразительно бледно и около носа, глаз и губ запачкано запекшейся кровью, приставшей к коже в виде полосок и круглых пятен. 17. Левый глаз закрыт, правый полуоткрыт; соединительная оболочка глаз бледно-желтого цвета, роговицы мутны, но не впали; правый зрачек сильно сужен, левый расширен... 18. Уши бледно-синего цвета. 19. В наружно слуховых отверстиях ничего особенного не найдено. 20. Нос заострившийся, в отверстиях его запекшаяся кровь, на кончике носа над ссадиной кожи запекшаяся кровь. 21. Губы бледно-синего цвета, с присохшей на них пятнами крови. 22. В полости рта кровянистая слизь, десны бледно-зеленого цвета. 23. Язык бледен, не закушен, покрыт серовато-засохшею кровью. 24. Шея длинна, спереди бледна, сзади синебагрового цвета припухла. 25. Грудь плоская, слегка вдавленная и соответственно росту плохо развита. 26—27. В подмышках ничего особого нет. 28. Живот сине-зеленого цвета, сильно втянут. 29. Пахи зеленого цвета. 30. Детородный член на крайней плоти покрыт сгустком крови—в виде полосы, а под ней ссадины. 31. Спина представляется сильно распухшей и синебагрового и красного цвета, кожа на ягодицах черного цвета. 32. Задний проход закрыт. 33. В конечностях умеренное трупное окоченение, 34. Уродливостей нет. 35. На трупе найдены следующие повреждения: а) на волосистой части головы—на правом темени—рана кожных покровов, проникающая до правой теменной кости, длиной в 1 вершок, с неровными и сильно припухшими краями. Дно раны покрыто сукровицей. Никаких следов присыпки раны иодоформом, ксероформом и вообще антисептической повязки нет; б) кожа головы синебагрового цвета с полосами и вдоль и поперек длиной от 2 до 3 вершков; опухоль кожных покровов разлитая тестообразной консистенции, особенно на темени, над стреловидным швом; в) в центре этой (над теменем) опухоли ссадина кожи величиной в медный пятак ярко красного цвета с запекшеюся в виде капель кровью; г) задний край левой ушной раковины синебагрового цвета, сильно припух и на всем его протяжении ссадина кожи темнобурого цвета, засохшая; д) над правой бровью на лбу параллельно брови—ссадина кожи, в виде полосы, длиной в 1 дюйм и шириною в мизинец, бурого цвета, засохшая; е) веки обоих глаз, особенно верхние сине-багрового цвета, сильно припухшие; ж) на правом верхнем веке, помимо резкой опухоли его, ссадина кожи величиной с горошину, засохшая бурого цвета; з) на кончике носа ссадина кожи в большую горошину, бурого цвета, с присохшей поверх ее кровью; и) на правой щеке, близ носа и параллельно ему, три идущие рядом и отстоящие на $^1/_2$ сантиметра друг от друга, ссадины кожи в виде полос толщиной в гусиное перо и длиной от $^3/_4$ до 1 с четвертью дюйма, при чем длина полос увеличивается по мере удаления от носа к поверхности щеки; і) кожа на задней части шеи под волосами синебагрового цвета с припухлостью; н) вся правая рука, начиная от плеча до кости спереди, снаружи и сзади, синебагрового цвета, с резко выраженной припухлостью тестообразной консистенции; к) на передней поверхности левого плеча припухлость кожи величиной в $^3/_4$ ладони взрослого человека, ярко-красного цвета; л) все левое предплечье от локтя до кисти синебагрового цвета, с разлитой припухлостью кожи; м) кисти обоих рук покрыты бесчисленным количеством мелких круглых и овальных ссадин с запекшеюся над ними темной кровью; н) на коже спины—над и между лопатками семь параллельно идущих полос ярко-красного цвета, толщиной в палец и длиной от 4 до 6 вершков. Полосы идут косо слева направо и выдаются над кожей в виде валов; о) обе ягодицы черного цвета и покрыты черной корой величиною в ладонь, а по бокам этой коры в поперечном и косом к длине тела направлении темно-бурые засохшие ссадины кожи толщиной как и предыдущие в указательный палец. Между этими бурыми полосами кожа сине-багрового цвета. Таких полос на левой ягодице десять, на правой четыре, длиной от 2 до 4 вершков; п) кожа левого бедра от ягодицы до половины бедра содрана и на обнаруженной части видны темные, припухшие полосы числом восемь, идущие в разных направлениях; р) на задней поверхности обоих ног, начиная от нижней трети обоих бедер и до средней трети обоих голеней—кожа сине-багрового цвета с разлитой бугристой припухлостью. Бугры эти идут поперек ног, при чем сливаются друг с другом в виду отсутствия расстояния между ними; с) под обеими коленами при сближенных (приложенных одна к другой) ногах на обоих конечностях выделяются отчетливо три поперечно идущих ярко-красных волнообразных полосы, при чем идут они по линии, составляющей одну полосу, и служат продолжением одна другой; т) на левой голени в нижней трети ее спереди над костью ссадина кожи овальной формы величиной в боб, а с наружной стороны четыре тоже овальных ссадины, не меньшей величины, ярко-красного цвета; у) на коже правого паха от гребешка подвздошной кости по направлению к детородному члену идет ссадина кожи бурого цвета длиной в $3^1/_2$ вершка и шириной в указательный палец засохшая; ф) на крайней плоти детородного члена идет косо и несомненно составляет продолжение только что описанной в п. «у». сса-

дина кожи длиной в 1 дюйм с запекшейся над ней кровью; х) ниже описанного в п. «у» ссадины в паху, отступая к низу по бедру на два поперечных пальца, идут косо и параллельно друг другу в направлении к половым органам три полосы толщиною в палец и длиной в три вершка со ссадинами кожи бурого цвета над ними; ц) кожа мошонки черного цвета с резкою припухлостью над обоими яичками, кожа мошонки над правым яичком покрыта кроме того черной корой; ч) на боковых частях груди масса ссадин бурого цвета величиной от конопного зерна до горошины. Сделанными разрезами на местах полос и сине-багровой припухлости кожи обнаружено сплошное, глубокое пропитывание темной свернувшейся кожи всех подлежащих тканей, с разрывами мелких кровеносных сосудов и резкою припухлостью лимфатических желез и воспалением лимфатических сосудов.

Других повреждений и следов насилия по наружному осмотру на труле Дубровина не найдено.

II. Б. Внутренний осмотр.

1. Полость головная.

36. По снятии с головы волос и разрезе кожных покровов под последними найдены сплошные подтеки, над всем черепным сводом, пропитавшие всю подкожную клетчатку слоем в толщину на $1^1/_2$ сантиметра, а в месте раны, описанной в пункте 35а и на темени и затылке кровоподтек толщиной в 2 поперечных пальца. 37. Соединение покровов с черепом в виду подтеков крови, очень слабое. 38. Надчерепная кожа в месте раны (п. 35а) прорвана и подтечна. 39. Кости черепа толсты, плотны, без повреждений. 40. Твердая мозговая оболочка красна. 41. Пазухи ее содержат немного темной жидкой крови. 42. Мягкая и паутинная оболочки покрыты кой где каплями темной крови, сосуды мягкой оболочки содержат немного крови. 43. В подпаутинных пространствах серозная жидкость в значительном количестве. 44. Вещество мозга очень бледно, мягко и сочно. В желудочках мозговых много серозной жидкости. Сосудистые сплетения светло-красного цвета. 45. Прочие части мозга бледны и отечны. 46. Продолговатый мозг окружен серозный жидкостью. 47. Мозжечек малокровен.

II. Органы шеи.

48. В глотке и начале пищеприемника ничего ненормального нет. 49. Слизистая оболочка гортани и дыхательного горла бледна. 50. Кости и хрящи шеи без повреждений.

III. Грудная полость.

51. Полость грудная ни жидкости, ни крови не содержит. 52. Легкие светло-серого цвета, везде при давлении и разрезах издают треск, из разрезов только на задне-нижних частях выделяется немного пенистой крови, в прочих частях крови нет. 53. Околосердечная сумка содержит много серозной жидкости (около $2^1/_2$ столовых ложек). Сердце величиной в кулак взрослого человека, с слоем жира, левый желудочек содержит небольшой сгусток крови—плотный, в правом желудочке очень большой и плотный сгусток крови, раздувший очень значительно его полость. Клапаны целы. Сосуды груди без крови.

IV. Брюшная полость.

55. Полость брюшная свободной жидкости не содержит. 56. Желудок бледен на серозной и слизистых оболочках, в желудке с чайную чашку желтоватой жидкости без запаха. 57—58. Тонкие кишки очень мало вздуты газами, бледно желтого цвета, пусты. 59. Толстые кишки светло-серого цвета, слегка вздуты газами, пусты. 60. Печень бледна, мягка, крови содержит мало. 61. Селезенка аспидного цвета, капсула ее морщиниста, в селезенке крови мало. 62. Почки малокровны. 63. Мочевой пузырь пуст. 64. По исследовании органов брюшной полости были осмотрены передняя стенка живота, причем в подкожной клетчатке отчетливо виден ряд синих косых полос, сверху, справа налево и вниз. По разрезе полосы эти особенно резко выраженные у пупка и ниже его, оказались кровоподтеки. Таких полос ясных оказалось восемь. 64. Кости туловища, груди и конечностей не повреждены.

V. Позвоночный столб.

Вскрыт не был.

(Заключение о вскрытии смотри в тексте).

№ 7.

Прокламация Борисоглебской с.-д. группы по поводу зверского убийства Дубровина—члена названной группы.

Российская социал-демократическая рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Борисоглебская группа Р. С. Д. Р. П. извещает жителей гор. Борисоглебска о безвременной мученической кончине члена своего Александра Григорьевича Дубровина, зверски растерзанного чудовищами казаками, близ села Павлодара.

Биография его несложна, как несложна жизнь каждого рабочего человека. Родился он в 1881 году в бедной семье сапожника, станицы Филоновской, в той же станице получил он первоначальное образование в образцовой школе. С 10 лет начал продавать он свою рабочую силу, служа приказчиком сперва у Дерибезова, а потом у Торгового дома. С ранних лет начал обращать он внимание на окружающее его несправедливое устройство человеческого общества. Сердце его было на стороне угнетенных. Усиленное чтение показало ему пути, которыми можно было итти к свободе, равенству, братству и он самоотверженно предался делу освобождения рабочих—делу революции.

В 1904 году он вступил в члены Борисоглебской группы, взявши в свои руки дело организации товарищей-приказчиков. Впоследствии ему не раз приходилось исполнять всевозможные функции тяжелой нелегальной работы, но энергия была отличительным признаком его деятельности. Полная самоотверженность, полное забвение своих личных интересов, вечная готовность выступить там, где требовало этого дело служения рабочему классу—вот что характеризовало покойного товарища. И вместе с тем его прямодушие, его незлобивость, его кроткий и милый характер возбуждали к нему всеобщую симпатию. Его добрая улыбка, которой он встречал самые горькие неудачи, поддерживали в трудные минуты жизни бодрость его товарищей.

Первое гонение, которое он испытал на себе, было увольнение его Торговым домом. Перейдя затем на службу в книжный магазин он предался делу ознакомления крестьян с существующим гнетом самодержавия. Здесь он так же, как и во всем выказал безграничную преданность делу освобождения крестьян от гнета и нищеты. Ни опасности, ни усталости не останавливали его. Он был всегда готов в любой момент выступить проповедником добра, справедливости и смерть застала его на этом славном посту.

Когда начались аграрные беспорядки, в Борисоглебском уезде, его заветной мечтой сделалась мысль внести сознательность в крестьянское движение и предотвратить поджоги и погромы. И с этой целью он отправился в Павлодар, по дороге был настигнут казаками и после жестоких истязаний был зверски умерщвлен своими же «земляками».

Так в громадной братской могиле, вырытой Николаем Треповым, стало одним телом больше. Последним желанием покойного было желание быть погребенным в Борисоглебске, но палачи не разрешили даже и этого; они боятся даже мертвых...

Мир праху твоему, дорогой товарищ. Пусть тело твое останется лежать рядом с сотнями тех растерзанных мужицких тел—и жизней, счастью которых ты принес в жертву свою молодую жизнь.

Память о тебе и о всех других замученных борцов за счастье народа пойдет из рода в род, а проклятие тем, которые горячей кровью залили беспредельные равнины России, будет сопровождать драгоценную память о вас и ваших делах...

Прощайте же братья, вы честно прошли

Ваш доблестный путь благородный.

Миг обновления настанет,

Гимн вам народ пропоет,

Добрым вас словом помянет,

И к вам на могилу придет...

Борисоглебская группа Р. С.-Д. Р. П.

Ноябрь 1905 г.

№ 8.

К жителям города Борисоглебска Борисоглебского уездного исправника обращение.

Долго колебался я прежде чем приступить к опровержению тех возмутительных обвинений, которые всей тяжестью борисоглебским обществом взваливаются на меня, как руководителя охраны во время миновавших крестьянских беспорядков по Борисоглебскому уезду.

Оправдывая себя, я невольно должен назвать, или, по крайней мере, сделать намек на действительного виновника того или другого опрометчивого поступка и даже явно преступного действия. Полагал, что общество терпеливо дождется результатов судебного следствия, но страсти так расходились, что ждать более нельзя. Краски приписываемых мне деяний сгущаются до чрезвычайности. Я должен оправдаться, моя инициатива, как руководителя охраны, как это ни покажется странным, окончилась тотчас же по прибытии в уезд отрядов войск. Каждый начальник отряда действовал самостоятельно. Некоторые весьма серьезные обращения и даже требования, клонившиеся к ограждению экономий от разграбления, оставались невыполненными, в силу чего создались очень нежелательные последствия для отдельных владельцев. Моя роль по отношению к войским отрядам, за исключением отрядов штабс-ротмистра Фальковского и капитана Небольсина, сводилась только к тому, чтобы передать им указания вице-губернатора и сообщать о их действиях по начальству, если они поставляли меня об этом в известность.

Особое озлобление общества по моему адресу создалось по случаю ужасной кончины Дубровина.

О задержании Дубровина и Зайцева пристав 4-го стана поставил меня в известность 6 ноября. Сообщение мною получено 8-го. Задержание произведено случайно, отнюдь не потому, что Дубровина выслеживали. Вот как о задержании Дубровина и Зайцева рапортом за № 1841 докладывает пристав 4 стана:

«6-го сего ноября в 4 часа вечера полицейские урядники Михаил Семенеев, Герасим Асташев, Иван Подболотов и Павел Бредихин и стражник Иванов, находясь при отобрании хлеба и имущества, расхищенного с Елизаветинского хутора кн. Волконского, заметили едущих на телеге по деревне Никольской, Павлодарской волости, четырех неизвестных лиц, которые при распросах назвали себя новобранцами, едущими из Борисоглебска и нанявшими себе лошадь в Григорьевке (Блинцовка), Мало-Грибановской волости. Стражник Иванов узнал в одном кр. села Павлодара Василия Зайцева, учащегося в г. Тамбове в Екатерининском училище и не подлежащего призыву сего года, которого он, Иванов, 1-го ноября встретил в противоположной стороне от того места, т. е. близ села Больших Алабух, ехавшими с крестьянином села Павлодара Андреем Иваловым Поповым; как впоследствии дознано, они ездили по селам и возмущали крестьян на бунт. Ввиду этого приказано было остановиться для производства обыска и расспросов, но едущие не подчинились требованию, понукали ямщика ехать шибче, делали угрозы и вынули: один—револьвер, а другой—железную нагайку. Тогда они были обступлены урядниками, выбившими из рук, как револьвер, так и нагайку и на месте были обысканы. При обыске первый назвался кр. с. Павлодара Василием Дмитриевым Зайцевым, у которого оказалась железная нагайка с оловянной шишкой на конце, 5 патронов от револьвера «Бульдог», кошелек с 4 копейками денег, манифест от 3-го ноября и масса почтово-телеграфных квитанций. Второй назвался кр. с. Бутурлиновки, Бобровского уезда, Александром Григорьевым Дубровиным, у которого оказался револьвер системы «Браунинг» с двумя коробками полными патрон (50 шт.), кошелек с деньгами 3 р. 25 коп., записная книжка, листок под заглавием «к крестьянам», шесть записок, визитная карточка Лазарева, железнодорожный билет от 30 октября, две телеграммы о манифесте 17 октября, несколько квитанций почтово-телеграфной конторы и карманные открытые металлические часы. Третий назвал себя кр-ном дер. Павловки, Павлодарской волости, Алексеем Ивановым Чистовым, у которого ничего не оказалось. Четвертый назвал себя кр. с. Григорьевки (Блинцовка) М.-Грибановской волости, у которого тоже ничего не оказалось. Последние двое личность свою удостоверили посторонними лицами и были отпущены.

При подробных расспросах Зайцева и Дубровина они об'яснили, что принадлежат к партии социал-революционеров террористов, выехали из Борисоглебска 5-го ноября, ночевали в селе Алешках, откуда пешком дошли в с. Грибановку, потому что не нашли подводы. В с. Григорьевке догнали кр. Чистова, при посредстве его наняли подводу до с. Павлодара за 2 рубля. В Павлодар ехали из любопытства, что творится крестьянами.

При усмирении мятежа многие крестьяне заявили, что на бунт их настраивают какие то приезжие студенты, ввиду этого (говорит пристав) я несомненно убежден, что Зайцев и Дубровин давно раз'езжают и мутят крестьян, а потому их задержал. Донося об этом в. высокоблагородию имею честь представить отобранные вещи у Зайцева и Дубровина и покорнейше прошу дать мне знать, куда направить задержанных. Следует подпись пристава.

На вопрос пристава о порядке направления задержанных по телефону 8-го же числа я сообщил, что их надлежит отправить в Тамбов в распоряжение губернатора. Этому распоряжению, как оказывается, придают иносказательный смысл и многие уверенно говорят, что я хотел этим сказать: «отправить на тот свет». Пристав, к удивлению моему, по телефону же отвечает, что ни Дубровин, ни Зайцев по состоянию здоровья поездки выдержать не могут. Из дальнейших переговоров выясняется, что они избиты нагайками и в них выпущено по несколько пуль, так что, по словам пристава, «в Дубровине сидит пуль 6 или 8». При каких обстоятельствах произведена такая возмутительная расправа, из об'яснений пристава никак уяснить не мог и только совместная поездка с участковым товарищем прокурора в Павлодар раскрыла глаза, как на это событие, так и на ряд убийств крестьян с. Павлодара, тела которых свозились на Елизаветинский хутор. Тут только можно было установить сколько пало жертв, при какой обстановке и чье руководство здесь играло роль. Накануне кончины Дубровина доктор Вайнштейн по телефону задает мне вопрос о положении Дубровина. Я ответил тою фразой, как был осведомлен докладом пристава и на вопрос о медицинской помощи сказал, что больных навещает фельдшер Павлодарской больницы, каковые сведения имел от того же пристава.

Далее по поводу нагаек, применение которых общество приписывает моей инициативе и даже ходят толки, что я не только присутствовал при экзекуциях, но расправлялся нагайкой непосредственно и смаковал это занятие. Это обвинение гнуснейшая ложь. Ни в одном случае не было отдаваемо мною приказаний относительно применения нагаек в смысле экзекуции. По телефону был диктуем приказ одного из начальников воинских отрядов, выпущенный на его личную ответственность к тем крестьянским обществам, которые оказали упорство в смысле возвращения награбленного имущества. В этом приказе встречается приблизительно такая фраза: «если крестьяне не покорятся, приду с отрядом сам и пущу в ход для настояния на своем приказе нагайки, шашки, пули». Все это распоряжение полностью взваливается на мою голову. Распоряжение о том, чтобы войска действовали, в случаях сопротивления, решительно, не стесняясь применении оружия, мною было передано начальникам отрядов по телефону во исполнение приказания высшей власти. Нагайки действовали во всю. При рассуждении по этому вопросу с товарищем прокурора, как бы унять эту расправу, мы оба пришли к заключению, что наше противодействие будет бессильно и при настоянии на отмене экзекуций мы сами же попадем в ложное положение. Когда в Алешках собрался сход, принесший повинную и обратился ко мне с просьбой об отмене экзекуции над грабителями, я с особой готовностью обещал воздействовать на казаков в отношении прекращения порки, но не скажу, чтобы это мне вполне удалось... Единичные отступления, не в самых Алешках, а наблюдались.

Находились такие аматеры этого занятия, что спрашивали разрешения по телефону «поучить мерзавцев». После Алешковского схода они все-таки колебались взять на себя самостоятельный почин в этом деле. Какой последовал ответ на сказанный вопрос само по себе ясно. Я лично, повторяю, не только не отдавал приказаний относительно применения нагаек к провинившимся, но и не видел и, конечно, не стремился к созерцанию этой по истине отвратительной картины. Если, кто, хоть сколько-нибудь меня знает, безусловно этому должен поверить без колебания.

О всех случаях расправы и самосуда за время беспорядков мною доложено по начальству с настоянием на их судебном расследовании, каковое должно быть произведено в ближайший срок специально командированным для этой цели лицом. Что касается корреспонденции, помещенной в «Сыне Отечества», как явно по отношению меня несправедливой, я принужден, автора ее привлечь к судебной ответственности за клевету в печати.

29 ноября 1905 года.

Борисоглебский уездный исправник Ламанский.

(Секрет. Стол Губернатора № 29 II-я часть за 1905 год).

№ 9.

Вторая прокламация Борисоглебской с.-д. группы по поводу зверского убийства Дубровина.

Российская социал-демократическая рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем гражданам.

Граждане! Кто из вас не слыхал о тех кровавых злодеяниях, что творятся сейчас над крестьянами Борисоглебского уезда и других мест нашей необ'ятной России...? У кого не дрогнет сердце от злобы и ненависти к тем палачам и убийцам, что так зверски расправляются с крестьянами?!

Кто может быть спокойным зрителем этого государственного порядка; когда могут совершаться такие зверства, такой грубый произвол и насилие?!

Нет места равнодушию! Нет места спокойному созерцанию всех происходящих ужасов?! Не может быть речи о доверии к изолгавшемуся и озверевшему правительству!... Долгие годы наше самодержавное правительство разоряло народ неимоверно высокими налогами! Долгие годы держало оно всех в тисках произвола, нищеты и невежества!... Над всей Россией парил полицейский кулак, солдатский штык и казацкая нагайка!...

И вот, когда крестьяне, доведенные политикой правительства до безысходного отчаяния, до повсеместного голода, начали заявлять, что они голодны и невежественны, правительство вместо хлеба дает им казацкие нагайки, вместо знания— пули и штыки, вместо об'явленной неприкосновенности личности—поголовную порку... Целые уезды, губернии, чуть ли не вся Россия об'является на военном положении и на положении усиленной охраны!... Сотни тысяч и миллионы граждан отдаются во власть дикого произвола больших и маленьких самодержавцев!... Не избегла участи усиленной охраны и наша Тамбовская губерния,.. Она была отдана во власть палача Струкова и его достойных помощников Богдановича и т. п.... В Борисоглебский уезд «для водворения порядка» был командирован исправник Ламанский с казаками и солдатами... Началось «усмирение бунтовщиков». Целыми массами расстреливаются и засекаются на смерть крестьяне по приказанию либерального Ламанского... Сквозь пальцы смотрит он на дикие забавы казаков, которые врываются в дома, бьют и секут крестьян, отрубают им носы и уши, грабят имущество и насилуют женщин!... «Чем больше жертв, тем больше надежд на повышение»,—одобряет Ламанский своих подчиненных. И подчиненные стараются увеличить число этих жертв... Свыше уже 60 трупов, окровавленных кусков мяса, засеченных и убитых привезены в главное логовище этого зверя, в село Алешки и положены на ледники до прибытия высших властей, чтобы они воочию могли убедиться о его деятельности. Ламанский арестовывает, высылает и даже убивает всех, кого он считает лишними свидетелями своих злодеяний. Так зверски замучен и убит с его ведома социал-демократ Александр Григорьевич Дубровин, который ехал остановить бессознательное движение крестьян с грабежами и поджогами и направить его на сознательную почву... Труп Дубровина, как и всех других жертв, был брошен без всякого призора. Ламанский не желал дать трупа для погребения, и когда была послана телеграмма за разрешением к Струкову, то Ламанский телеграфировал ему, чтобы тот не давал этого разрешения... Лицемерие на каждом шагу, расстреливая и засекая крестьян, Ламанский в тоже время говорит и будет говорить перед обществом, что он тоже за свободу и т. д. У господина Ламанского, у этого лицемера, у этого зверя в образе человека есть и достойные сподвижники... Так, офицер 6-го запасного кавалерийского полка г. Щербинин, «охотой» вызвавшийся на усмирение крестьян, с чувством наслаждения и сладострастья занимается поркой крестьян. Без всякого повода, единственно из наслаждения, этот негодяй, порет мужчин, порет женщин и даже детей!... И это культурные люди?! Люди общества?! Нет это звери!... Это отбросы общества!... Им нет места среди культурных людей, среди общества!...

Всякий честный гражданин должен отвернуться от господ Ламанских, Щербининых и всех тех, кто будет иметь с ним сношения. Соприкасаться с людьми, как Ламанские, Щербинины и т. п., у которых руки в крови, которые низвели себя на ступень диких зверей, могут лишь только люди подобные им...

Граждане города Борисоглебска, собравшиеся 16-го ноября в помещении Земской Управы в количестве 500 человек, постановили об'явить «бойкот» господам Ламанскому, Щербинину и всем тем, кто будет иметь с ними какое-либо дело.

Борисоглебская группа Р. С.-Д. Р. П. поддерживает постановление 500 граждан и приглашает всех честных граждан присоединиться к этому бойкоту. Пусть эти люди среди общества останутся одинокими, честные граждане не должны иметь с ними знакомства, не должны посещать театра, магазинов и тех домов, где бывают Ламанский и Щербинин. Никто не должен подавать им и их знакомым руки, чтобы не запачкаться о кровь, запекшуюся на их руках...

Долой подобных негодяев, подобных выродков из общества!..

Да здравствует бойкот!..

Борисоглебская группа Р. С.-Д. Р. П.

Ноябрь 1905 г.

№ 10.

Приговор крестьян села Полтевых-Пеньков Елатомского уезда.

1905-го года декабря дня мы, нижеподписавшиеся, крестьяне Тамбовской губернии, Елатомского уезда, Полтево-Пеньковской волости, села Полтевых-Пеньков, 1-го сельского общества от 248 домохозяев, в числе человек, не менее $^2/_3$ имеющих право давать голоса на сходе, быв сего числа собраны на сельский сход, в присутствии нашего сельского старосты Федора Михайловича Шматова, где имели суждение о том, что в нашем обществе 825 душ мужского пола и 830 душ женского пола, а земли на 530 ревизских душ по 3 десятины на душу годной и негодной, которой нам в настоящее время очень мало по количеству наличных душ и приходится нанимать у смежных владельцев земли и лугов от 2-х до 6-ти десятин каждому домохозяину, что составляет расхода за аренду от 30 до 160 рублей за каждый год и податей государственных, выкупных, земских и мирских всех окладов до 10 рублей с каждой надельной души в год и кроме того много всякого по хозяйству домашнего расхода, оттого мы крестьяне и пришли в бедное положение и не знаем как бы нам себя исправить, но возможно бы и нам исправиться только по распоряжению батюшки государя нашего императора самодержца всероссийского. Есть земля в черте нашего надела, бывшего нашего помещика Петра Федоровича Дурасова, купленная Федором Филипповичем Андроновым, которая по завещанию отказана Кадомскому городск. обществу. Вот эти земли разными маленькими и большими полосками в разных местах разбросаны и лежат возле нашей усадьбы, как капканы вокруг нор, которые никак невозможно обойти и наш сельский скот со всех сторон заходит на эту землю, которая мешает нам на-всегда, потому, что ее разделяют владельцы на три поля и эти полоски земли не отгорожены от нашего надела, отчего терпим большое притеснение, потому что часто приходится за загнанную с хлеба скотину платить по таксе до одного рубля за каждую скотину. Кроме этой земли есть еще помещиков князя Кильдишева и Торбеевых смежных к нам владельцев, тоже земля близко около одной версты от нашего села и тоже стесняют нас, а потому мы, поговоря между собою, все единогласно сим приговором постановили: ходатайствовать перед батюшкой государем нашим императором самодержцем всероссийским и Государственной Думой о том, чтобы прибавить нам земли, лесу и лугов от помещиков с нами смежных отнять. Первое от Кадомского городского общества бывш. помещика нашего Петра Федоровича Бурасова, земли возле бывшей его конторы, лесу, под названием заповедь, лугов под названием рыбная ловля, без которых нам жить никак нельзя, потому что мы нанимаем для корма нашей скотине, платим аренду за каждую одну десятину, от 12 до 20 рублей (можно видеть ярлык). Кроме того платим ежегодно по 250 рублей за осеннюю отаву, снимаем для водопоя и пастьбы нашего скота. Эти луга были куплены нами по 50 рублей за каждую десятину и было написано условие, которое при сем прилагаем, но только нашему обществу во время покупки было отказано из крестьянского банка денег для покупки этих лугов, которые мы уже как видится арендой откупили в пять раз больше, так как Кадомское городское общество живет от нас за тридцать верст, а нас во всем теснят. Второе от князя Кильдишева села Данилова, Даниловской волости, землю и луга под названием Карпов хутор и 3-е Тарбеева сельца, Костина-Даниловской волости, под названием Пустоши-Починки. Вот эти земли и луга, которые мы, как со временем уже выкупили арендною платою за землю, платили за каждую одну десятину от 10 до 12 рублей за каждый посев, за луга платили за каждую 1 десятину от 10 до 20 рублей, за скос травы, а с настоящего времени мы платить больше не желаем помещикам, так как земля вся должна быть казенная.

Будет. Довольно. Попользовались от нее помещики, а теперь настало время такое, пользоваться крестьянам - мужикам, а потому мы припадаем к стопам батюшки государя нашему императору самодержцу Всероссийскому просим вас и Государственную Думу прибавить нам земли, лесу и лугов по распоряжению Государственной Думы и чтобы господа и помещики не распоряжались нами, как до сего времени,

а постановить новый закон такой, по усмотрению своему крестьяне или как по манифесту граждане мы избирали бы начальников от младшего до старшего и назначали бы жалованье кто чего стоит. Прежде до сего времени наше уездное земское собрание, что хотело, то и делало, а крастьянам слова вымолвить не давали, оттого земский оклад с 1 душевого надела до двух рублей был, что и терпели крастьяне до сего времени, а теперь мы не будем подчиняться господам, а будем повиноваться батюшке государю нашему и Государственной Думе по новому ее закону. По решению сего просим вас прислать нам об'явление, будем ждать на селе ответа. Простите нас в том, что заметите неправильно написано в том и составили сей приговор и к оному подписуемся.

(Секр. стол. губерн. В. 204, д. № 3639, л. л. 192—193).

№ 11.

Образец приговора, распространявшийся по Тамбовской губернии в Моршанском уезде.

190 . года, ... месяца . . дня, мы, нижеподписавшиеся крестьяне . . . . . . села . . . . . уезда, ... губернии, собравшись на сельском сходе в количестве . . . . домохозяев, выслушали предложенье члена крестьянского союза партии социалистов-революционеров и обсудив его, пришли к следующему заключению:

I) Войну с Японией мы признаем вредной и ненужной. Земля там совсем для нас чужая и несподручная, народу в ней своего битком набито, незачем нам ее и завоевывать. Земли у нас своей довольно, только распределить ее ровнее надо, и никому обидно не будет. А от войны нам прямой вред и убыток. Сколько от нас туда народу взяли, да еще все берут, а толку мы от Манжурии никакого не увидим. Сколько у нас семей раззорили, работников угнали—скоро и пахать некому будет. Мы все соглашаемся, что эту вредную и губительную войну надо немедленно прекратить и постановляем: **не давать более запасных и рекрутов на войну.**

Но не одна война нам так вредит, и держит нас в бедности и невежестве. Война беда временная, а у нас еще есть постоянные недостатки, которые нас всегда угнетают и не дают выбраться из своего бедственного положения.

II. Главной причиной нашей бедности, невежества и угнетения мы признаем **малоземелье.** Вся земля разобрана по частным рукам, а у нас земледельцев ее нет. Нам приходится платить громадную дань землевладельцам за одно позволенье работать на ихней земле. Мы признаем справедливым только такой порядок, когда земля вся будет у тех людей, какие сами, своими руками, без наемного батрацкого труда будут ее обрабатывать. По нашему мнению, необходимо немедленно отобрать землю у всех частных владельцев, у казны, уделов, монастырей и церквей и передать в пользование тем, кто будет сам ее обрабатывать, и только в таком количестве, какое могут они обрабатывать, чтобы не было лишнего.

III. Вторую причину нашей бедственной жизни мы видим в той кабале, какую несут наши дети и братья на фабриках и заводах. Там у них жизнь не лучше, чем у нас—сущая каторга. Мы признаем такое утеснение рабочих несправедливым. Фабрики ныне производят товара на большое общество, на много губерний, много от них и вокруг них народу кормится. Нельзя, чтобы над таким множеством людей хозяйствовал и распоряжался один человек. Хозяевам нет дела до народа, им бы только барыши взять. От этого и бывает беспорядок в производстве. То наготовят товаров слишком много—начинают сокращать работу, разгонять рабочих; то слишком мало—подымают цену. Страдают от этого и рабочие и потребители. Надо это уничтожить. Надо, что крупные предприятия были взяты народом в свои руки, чтобы управляли ими выборные от народа и сами рабочие. Мы признаем такой порядок более справедливым и полагаем, что от народных выборных и рабочих никакого утеснения не будет никому.

Постановляем всячески добиваться, чтобы Рабочие и Народные Представители получили права по управлению фабриками и заводами.

IV. Последнею и главною причиною наших бедствий мы считаем наше **бесправие.** Мы совсем отданы в полную власть разным чиновникам и начальникам, и нет у нас никаких прав защищаться от их притеснений. Все наше правительство держит руку богатых и знатных. Оно раззоряет нас, держит в невежестве и унижении. Теперь оно еще вовлекло нас в бедственную войну, которую само не умеет вести, в которой мы терпим одни поражения..... Царь у нас на Руси уже сколько веков существует, а все народу добра нет, народ все хуже да беднее живет. Мы не верим, что самодержавное правительство устроит полезный для народа порядок, что оно уничтожит народные бедствия. Мы полагаем, что этого нам надо выбрать своих людей, чтобы они собрались и решили, как лучше для народа изменить теперешние несправедливые порядки. Такие наши выборные представители должны постоянно решать все важные дела, установлять все законы в государстве, назначать с кого какую подать брать и смотреть,

чтобы министры и прочее начальство никого не обижало. Надо, чтобы таких представителей выбирали все совершенно-летние русские подданые, чтобы они подавали голоса тайно и на равных правах, без различия чинов и состояний. Мы признаем необходимым немедленно созвать народных представителей для улучшения нашего государственного несправедливого порядка. Пока они не будут созваны мы постановляем не платить податей и не подчиняться теперешним незаконным начальникам.— Мы постановили этот приговор в полном убеждении нашей справедливости и решаем все стоять за наши постановления. Считаем своим долгом и других крестьян склонить составлять такие же приговора и отстаивать свои справедливые требования.

№ 12.

Приговор Крестьянского Союза, отобранный при аресте учителя Зотикова в Усманском уезде.

Всероссийский Крестьянский Союз.

Народу власть и земля.

1905 года, декабря 25-го дня, мы нижеподписавшиеся, крестьяне такого то сельского общества, волости, уезда и губернии, собравшись сего числа (на сельский или волостной сход, или на частное совещание) и обсудив свое тяжелое положение единогласно постановили:

Во имя Бога, сотворившего человека по образу и подобию Божию и создавшего землю на жизнь и счастие всего рода человеческого, мы почитаем своим святым долгом указать на укоренившиеся непорядки в нашей Русской земле, ведущие ее к погибели. Для устранения бедствий народных по нашему крайнему разумению, необходимо следующее:

1) Все лица, облеченные властью над человеком, должны быть выборными и право выбора их должно принадлежать всем тем, кто под этой властью жить будет, и только им одним. Власть не выборную следует считать неправильной, насильнической.

2) Вся, без исключения, земля должна перейти в собственность всего народа с тем, что пользоваться ею будут только те, кто сами со своей семьей или в товариществе будут обрабатывать ее. Покупка и продажа земли должны считаться преступлением.

3) Для установления основных законов государства и справедливого, согласного с волей народа земельного устройства, необходимо созвать Учредительное собрание из выборных от всего народа по 1 человеку на 100.000 населения.

4) Выборных должно избирать все население России, мужчины и женщины от 20 лет, богатые и бедные на равных правах по одному голосу каждому. Выборы должны быть прямые, чтобы выборный прямо нами посылался в учредительное собрание и нашу волю там отстаивал. Выборы должны быть тайные—закрытым голосованием, чтобы голоса подавались безбоязненно, по чистой совести.

5) Все дети школьного возраста, мальчики и девочки, должны получать образование на государственный счет.

6) Тягостные для населения косвенные налоги на предметы потребления, акцизы на спички, сахар и прочее должны быть заменены прямыми налогами, сообразно доходам.

Для проведения этих мер в жизнь народа законодательным порядком, мы, нижеподписавшиеся, присоединяемся к Всероссийскому Крестьянскому Союзу и обещаемся должно общими силами добиваться своих прав.

Уполномоченными нашими на волостной сход выбираем таких-то. Из них мы . . . . достойными быть выбранными в уполномоченные от всей волости . . . . которому и вручаем наш приговор.

(Тамб. Губ. Арх. Секр. Вязка 205, д. 6341; л. 143).

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТРАН.
От автора	3
Как „освободили“ Тамбовских крестьян	5
После реформы	7
К чему вело малоземелье	10
Аренда помещичьих земель и остатки крепостного права	13
Расслоение деревни и упадок сельского хозяйства	18
Оскудение центра	22
Живые цифры	30
Деревня Сухая Лукавка	35
Крестьянские движения в 1903 и 1904 году	38
1905 год	48
Всеобщая забастовка и манифест 17 октября	60
Тамбовский уезд	62
Как усмиряли Тамбовский уезд	65
Кирсановский уезд	67
Борисоглебский уезд	76
Козловский уезд	84
Моршанский уезд	86
Липецкий уезд	90
Темниковский, Елатомский, Шацкий и Усманский уезды	92
Заключение	95
Приложения	101

